

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»

На правах рукописи

ВАСИЛЬЕВА МАРИНА ЮРЬЕВНА

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КОНЦЕПТА «НЕМЕЦКИЙ» В РОМАНАХ О РОССИЙСКИХ НЕМЦАХ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Кулькова Мария Александровна

Казань – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	13
§ 1.1. Картина мира в современной когнитивно-дискурсивной парадигме научного знания.....	13
§ 1.2. Взаимосвязь мышления, языка и культуры	20
§ 1.3. Ментальные репрезентации и их языковые проекции. Понятие «концепт».....	28
§ 1.4. К вопросу о национально-культурной маркированности реалий.....	36
§ 1.5. Художественный реаликон в произведениях о российских немцах	44
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА НЕМЕЦКИЙ.....	54
§ 2.1. К вопросу о методах исследования концепта НЕМЕЦКИЙ	54
§ 2.2. Ассоциативный эксперимент в исследовании концепта НЕМЕЦКИЙ.....	58
§ 2.3. Речевой портрет российских и поволжских немцев.....	64
2.3.1. Из истории российских и поволжских немцев	64
2.3.2. Российские и поволжские немцы в отечественных и зарубежных исследованиях.....	70
§ 2.4. Лексемы deutsch, немецкий и их парадигматические корреляты с позиций немецкой и русской лексикографии	73
§ 2.5. Фразеологическая и паремиологическая репрезентация концепта НЕМЕЦКИЙ в немецком и русском языках.....	84
§ 2.6. Объективация концепта НЕМЕЦКИЙ в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев	97
§ 2.7. Психолингвистические значения лексем «немцы», «российские немцы» и «поволжские немцы» в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев.....	105
§ 2.8. Моделирование концепта НЕМЕЦКИЙ	122
2.8.1. Когнитивные признаки концепта НЕМЕЦКИЙ	122
2.8.2. Описание макроструктуры концепта НЕМЕЦКИЙ	1245
2.8.3. Категориальная структура концепта НЕМЕЦКИЙ	127

2.8.4. Полевая организация концепта НЕМЕЦКИЙ.....	128
ГЛАВА 3. КОНЦЕПТ НЕМЕЦКИЙ В НОМИНАЦИЯХ РЕАЛИЙ РОССИЙСКИХ (ПОВОЛЖСКИХ) НЕМЦЕВ	136
§ 3.1. Особенности языковой репрезентации этнографических реалий	137
3.1.1. Этнографические реалии российских немцев в романах Г. Яхиной «Дети мои» и Г. Завацкого „Wir selbst”	137
3.1.2. Репрезентация этнографических реалий в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев	143
§ 3.2. Реалии искусства и культуры в художественных произведениях и языковом сознании.....	150
3.2.1 Специфика отражения культурных реалий российских немцев в романе Г. Яхиной «Дети мои» и романе Г. Завацкого „Wir selbst”	150
3.2.2 Объективация немецких культурных реалий в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев	155
§ 3.3. Ономастические реалии как маркеры лингвокультуры российских немцев.....	162
3.3.1. Особенности вербализации ономастических реалий в романах Г. Яхиной «Дети мои» и Г. Завацкого „Wir selbst”	162
3.3.2. Ономастические реалии в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	179
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	185
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	207

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа выполнена в рамках сопоставительного языкознания и посвящена исследованию объективизации концепта НЕМЕЦКИЙ в немецком и русском языках и выявлению специфики репрезентации концепта в художественных произведениях о российских немцах. Использование лингвокогнитивного, психолингвистического и лингвокультурологического подходов направлено на установление особенностей концептосферы немцев ФРГ и российских немцев.

Антропоцентрическая парадигма, доминирующая в современной лингвистической науке, подразумевает рассмотрение языковых знаков с точки зрения закрепления и репрезентации ценностей, знаний и культурно-исторического опыта социума. Развитие лингвокогнитивного направления подтолкнуло к исследованию процессов категоризации и концептуализации действительности на основе анализа языковых данных и выделению концепта как особой когнитивной (ментальной) структуры. Концептуальные исследования заняли важное место в когнитивной лингвистике, что в условиях глобализации и интенсификации межкультурной коммуникации объясняется неизменным интересом к изучению особенностей репрезентации действительности посредством языка в разных лингвокультурах. Проблема отражения в языке концептов, ценностных доминант и национально-специфических явлений лингвокультурного сообщества обуславливает **актуальность** данной работы. Кроме того, проблема амбивалентности, «сдвоенности» этнической идентичности российских немцев не раз становилась предметом пристального внимания ученых (Д. А. Салимова, Е. И. Зейферт, Д. Т. Алмагамбетова, Ю. Ю. Данилова) и не теряет значимости по сей день. Особенности концептосферы российских немцев и немцев ФРГ, необходимость углубления знаний о языковой репрезентации концепта НЕМЕЦКИЙ, выявления общих и специфических черт языковых картин мира данных этнических групп также предопределили актуальность предпринятого исследования. Исследование концепта НЕМЕЦКИЙ на материале

романов о российских немцах представляется перспективным, поскольку позволяет выявить специфику культуры и менталитета данной этнической группы. Изучение слов-реалий (языковых реалий), под которыми в рамках лингвокультурологического подхода (В. М. Шаклеин, А. А. Кретов, Н. А. Фененко, С. И. Флорин, С. П. Влахов, Э. Драхота-Сабо, Э. А. Левина) понимают языковые единицы, обозначающие явления, характерные для истории, культуры и уклада жизни одного народа и отсутствующие у другого, продолжает разработку понятия «художественного реаликона», подразумевающего репрезентацию национальной картины мира в художественных произведениях.

Степень разработанности темы. В современном отечественном языкознании существует значительное количество трудов, рассматривающих в сопоставительном аспекте различные концепты как часть национальной картины мира, однако исследование концепта НЕМЕЦКИЙ на материале немецкого и русского языков (с учетом группы российских немцев) предпринято не было. Семантические поля этнонима «немец» и лексемы «немецкий» были рассмотрены в диссертационной работе Н. П. Поповой «Ассоциативно-семантическое поле “немец” в русском языке» (2007) и публикации Е. Р. Ивановой «Лексико-семантическое поле “немецкий” в романе Г. Яхиной “Дети мои”» (2019). Немецкие реалии на материале художественных произведений писателей ФРГ и публицистических статей рассматривались в функциональном и социолингвистическом аспекте в диссертационных работах Н. В. Маркарян «Контекстуальные функционально-семантические характеристики реалий в публицистическом и художественном стилях современного немецкого языка» (2023) и Э. А. Левиной «Языковые реалии в прагма- и социолингвистическом аспекте: На материале русских и немецких романов первой половины XX века и их переводов» (2006). Немецкие реалии на материале романа о российских немцах были проанализированы в публикации О. В. Арязмовой «Лингвокультурные реалии и их роль в репрезентации текстовой информации (на материале романа Г. Ш. Яхиной «Дети мои»)» (2021).

Объектом исследования являются концепты DEUTSCH / НЕМЕЦКИЙ в лингвокультуре немцев ФРГ и российских немцев, а также немецкие реалии как национально-специфичные явления, наиболее ярко репрезентирующие исследуемые концепты, в художественных произведениях о российских немцах. **Предмет** исследования – особенности вербализации исследуемых концептов и языковых реалий в немецком и русском языках.

Цель диссертационной работы заключается в выявлении и описании языковых средств объективации концепта НЕМЕЦКИЙ в немецком и русском языках, моделировании концепта с учетом полученных языковых данных, проведении анализа немецких реалий в художественных произведениях о российских немцах и установлении общего и различного в языковой картине мира немцев ФРГ и российских немцев.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) осуществить аналитический обзор исследований концепта и языковых реалий в зарубежной и русской лингвистической традициях;
- 2) выделить когнитивные признаки концепта НЕМЕЦКИЙ по данным немецких и русских лексикографических источников, а также на материале паремиологического фонда сопоставляемых языков;
- 3) уточнить когнитивные признаки концепта НЕМЕЦКИЙ, релевантные для современных немцев ФРГ и российских немцев, в результате проведения свободного и направленного ассоциативных экспериментов;
- 4) установить особенности психолингвистических значений этнонимов «немцы», «российские немцы», «поволжские немцы»;
- 5) построить модели концепта НЕМЕЦКИЙ / DEUTSCH на основании полученных в ходе различных языковых объективаций когнитивных признаков и провести сопоставительный анализ моделей;
- 6) выявить языковые реалии российских немцев в немецком и русском языках на материале художественного текста;
- 7) изучить специфику репрезентации языковых реалий в языковой картине мира немцев ФРГ и российских немцев.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых *по когнитивной лингвистике и лингвоконцептологии* (Н. В. Болдырев, В. З. Демьянков, С. Г. Воркачев, А. А. Залевская, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Ю. С. Степанов и др.), *лингвокультурологии* (А. Вежбицкая, Е. М. Верещагин, В. И. Карасик, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, В. А. Маслова, Г. Г. Слышкин, В. Н. Телия, С. Г. Тер-Минасова и др.), *психолингвистики* (Н. Нörmann, А. А. Залевская, А. А. Леонтьев, А. В. Рудакова, Н. В. Уфимцева, Р. М. Фрумкина и др.), работы в области изучения *языковой картины мира* (В. фон Гумбольдт, Й. Л. Вайсгербер, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Ю. Н. Караулов, Г. В. Колшанский, В. Г. Костомаров, В. А. Маслова, М. В. Пименова, В. И. Постовалова, Б. А. Серебренников, И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева и др.), *языковых реалий* (Е. Drahotá-Szabó, С. И. Влахов, С. П. Флорин, В. С. Виноградов, О. С. Лиличкович, Г. Д. Томахин, Н. А. Фененко и др.), *языка и культуры российских немцев* (С. Gansel, О. Kurilo, N. Paulsen, Е. И. Зейферт, Д. А. Салимова, Ю. Ю. Данилова и др.).

Материалом исследования послужили данные из русских и немецких толковых, этимологических, синонимических, антонимических, фразеологических, паремиологических, ассоциативных словарей, художественных произведений (роман Г. Яхиной «Дети мои» и Г. Завацкого „Wir selbst“), а также анкеты и опрос информантов (всего в эксперименте приняли участие 412 человек).

Достоверность результатов, полученных в ходе исследования, обеспечивается применением современных и классических подходов к обработке языкового материала, использованием адекватных методов для изучения предмета исследования, репрезентативным корпусом, комплексным анализом материалов исследования.

Для достижения цели и решения поставленных задач использовались следующие **методы исследования**: метод сплошной выборки, описательный метод, сопоставительный метод, метод лексикографического анализа, метод

компонентного анализа, экспериментальные (психолингвистические) методы: свободный и направленный ассоциативные эксперименты, метод когнитивной интерпретации языкового материала, количественные методы обработки языковых данных. Указанные методы были применены на каждом из этапов семантико-когнитивного анализа, использованного в данной работе и подразумевающего переход от изучения содержания значений языковых средств, вербализирующих концепт, к моделированию концепта. Методом лексикографического анализа на основании данных словарей было выделено интегрированное лексикографическое значение ключевого слова-репрезентанта концепта. В результате использования экспериментальных методов были выявлены психолингвистические значения и с помощью количественных методов вычислена их яркость. В качестве экспериментальных методов были выбраны свободный и направленный ассоциативный эксперименты, где испытуемым предлагались анкеты с пятнадцатью словами-стимулами, к которым необходимо было записать любые пришедшие в голову ассоциации. В сформированном ассоциативном поле сходные по значению языковые средства объединялись и были вычислены ядерные и периферийные значения психолингвистических значений слова. Метод когнитивной интерпретации позволил выделить когнитивные признаки концепта на основе сем лексикографических и психолингвистических значений и смоделировать исследуемый концепт. Методом сплошной выборки были отобраны реалии российских немцев в художественных произведениях Г. Яхиной и Г. Завацкого и переводе романа Г. Яхиной на немецкий язык.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что впервые была описана когнитивная структура концепта НЕМЕЦКИЙ с использованием семантико-когнитивного метода, сформированы и сопоставлены модели концептов в немецком и русском языках с учетом сходств и различий языковых средств объективации данных концептов. В сопоставительном плане впервые был проведен анализ лексического и паремиологического фондов немецкого и русского языков, репрезентирующих концепт НЕМЕЦКИЙ. Кроме того, при

использовании экспериментальных методик для исследования концепта НЕМЕЦКИЙ в национальной языковой картине мира в качестве испытуемых впервые была привлечена группа российских немцев и проведено сопоставление языковых картин мира современных российских немцев и немцев ФРГ. Также впервые в качестве материала исследования был взят роман российского немца Герхарда Завацкого „Wir selbst“ (1938), найденный в архиве и опубликованный в 2020 году немецким германистом К. Ганзелем, и проведен анализ произведения.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты проведенного исследования вносят вклад в разработку лингвоконцептуальных исследований в когнитивной лингвистике, проблем психолингвистики и сопоставительной лингвокультурологии, обозначив универсальные и национально-специфичные вербальные характеристики концепта различных этнических групп. Рассмотрение лексики, объективирующей концепт, способствует углублению и накоплению знаний о немецкой картине мира и картине мира российских немцев. Уточнение фрагментов языковых картин на основании языковых реалий позволяет включить в концептуальные исследования национально-специфичную лексику как средства вербальной репрезентации концепта. Анализ реалий в художественном произведении является продолжением исследований художественного реаликона как единого эстетического и культурно значимого комплекса, необходимого для создания национального колорита текста.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы и результаты исследования могут быть использованы в лекционных курсах, посвященных вопросам когнитивной лингвистики, этно- и психолингвистики, лингвокультурологии, лексикологии, фразеологии, в курсах по межкультурной коммуникации, при создании дидактических материалов по иностранному языку, при составлении лингвострановедческих и многоязычных словарей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концепт НЕМЕЦКИЙ является одним из наиболее актуальных, коммуникативно-релевантных и этномаркированных концептов в концептосфере

немцев ФРГ и российских немцев, что подтверждается значительным номинативным полем концепта. Универсальные и национально-специфические характеристики концепта отражают культуру и служат средством репрезентации языковой картины мира исследуемых этнических групп.

2. Структура исследуемого концепта в немецком и русском языках организована схожим образом: в макроструктуре преобладает интерпретационное поле, значительную долю занимает информационное содержание и выделяется образный компонент, категориальная структура совпадает по трем когнитивным классификационным признакам из четырех. Однако содержание концепта в немецком и русском языках различается, в ходе различных видов объективаций было установлено 7 общих и 40 различных когнитивных признаков, что свидетельствует о национально-культурной специфике концепта. Тем не менее содержание ядерных зон концепта в немецком и русском языках большей частью совпадает, хотя и отличается по объему.

3. Психолингвистические значения этнонимов «немцы», «русские немцы» и «поволжские немцы» отражают особенности авто- и гетеростереотипов в языковой картине исследуемых этнических групп. Лингвокультурная (само)идентификация российских немцев обусловлена семейными отношениями, причастностью к трагичной истории и характеризуется выделением исключительно положительных черт характера. Языковая самопрезентация немцев ФРГ связана с маркированием положительных и отрицательных черт национального характера, при этом этнонимы «русские немцы» и «поволжские немцы» в языковом сознании немцев ФРГ слабо выражены или практически отсутствуют.

4. В художественных романах о российских немцах концепт НЕМЕЦКИЙ реализуется в реалиях-словах, номинирующих национально-специфичные явления, среди которых выделяются этнографические, общественно-политические, ономастические и ассоциативные реалии. Национальная специфика языковой картины мира немцев ФРГ и российских немцев проявляется в репрезентации реалий в языковом сознании исследуемых этнических групп.

Немцы ФРГ актуализируют немецкую культуру в этнографических (бытовых) реалиях, российские немцы – с помощью ономастических реалий (имен деятелей искусства и культуры). Сходство или совпадение реалий, номинирующих немецкую еду, немецкие традиции и прецедентные названия и актуализированных в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев, свидетельствует о совпадении фрагментов языковых картин мира изучаемых групп.

Апробация работы. Результаты исследования были апробированы в ходе выступлений на следующих международных, всероссийских и региональных конференциях: IV Международная научно-практическая конференция «Проблемы теории и методики профессионального лингвистического образования» (Казань, 15 апреля 2022 г.), Международная конференция «Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы» (Казань, 6–7 декабря 2022 г.), Всероссийская научная конференция с международным участием «Стернинские чтения: Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (Воронеж, 3 февраля 2023 г.), Международная научно-практическая конференция IV Фирсовские чтения «Современные языки и культуры: вариативность, функции, идеологии в когнитивном аспекте» (Москва, 19–21 октября 2023 г.), VIII Международная научно-практическая языковая конференция «Российские немцы в языковом и культурном многообразии народов России» (Томск, 31 октября – 4 ноября 2023 г.), Культурно-исторический семинар «Немцы России: траектории развития в меняющемся пространстве» (7–10 декабря 2023 г.), Межвузовская научно-практическая конференция „Wirtschaft. Gesellschaft. Sprache“ (Москва, 15 апреля 2024 г.).

Работа выполнена в рамках грантовой программы DAAD «Международные партнерства в области германистики» (Germanistische Institutspartnerschaft) при значимой поддержке профессора, доктора Карстена Ганзеля и доктора Хосе Фернандеса Переса. Эксперимент среди российских немцев проведен при поддержке Международного союза немецкой культуры и лично Елены Кодылевой.

По теме диссертации опубликовано 10 научных работ, 4 из которых в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы: диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 207 наименований (из них 41 на иностранных языках), приложения. Приложение включает в себя анкеты на русском и немецком языках, данные ассоциативных полей. Диссертационная работа содержит 6 таблиц и 24 рисунка.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1.1. Картина мира в современной когнитивно-дискурсивной парадигме научного знания

Понятие «картина мира» возникло в конце XIX – начале XX в. в рамках естественнонаучного знания и подразумевало прежде всего «физическую картину мира». Одним из первых это понятие ввел немецкий физик Г. Герц, который под картиной мира понимал совокупность внутренних образов или символов внешних предметов, создаваемых исследователями [37, с. 208]. Вслед за Г. Герцем термин используют и другие ученые, в том числе физик М. Планк, представляющий картину мира как «образ мира», который отражает реальные закономерности природы и находится в непрерывном изменении в связи с развитием науки [81, с. 105]. В дальнейшем понятие заимствуют представители гуманитарных наук: оно встречается в работах философов К. Ясперса и Л. Витгенштейна, лингвиста Л. Вайсгербера. Однако предпосылки исследования картины мира можно заметить уже в трудах В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, А. А. Потебни.

В отечественной лингвистике интерес к картине мира возникает в 60–70-е гг. XX века и связан с работами философов Г. А. Брутяна и Р. Й. Павилениса, лингвиста Г. В. Колшанского. В этот же период в языкознании развивается когнитивное направление, в частности ономазиологическое направление как одна из ранних версий когнитивной лингвистики, рассматривающей язык как средство доступа к мыслительной деятельности человека и ментальным процессам. Особое значение для когнитивистики приобретают проблемы «осмысления и представления в языке окружающего мира», «вторичной репрезентации и интерпретации вербализованных знаний» [19, с. 26]. В свою очередь в исследовании картины мира на первый план выходит вопрос о роли языка в ее формировании, что приводит к появлению двух противоположных точек зрения.

В противовес представлениям о том, что язык отражает мир (Г. Г. Почепцов), вырабатывается подход, в рамках которого язык рассматривается как инструмент, который «означивает», концептуализирует действительность, «отображает ее знаковым способом» [93, с. 6], а отражением действительности признаются концепты (Б. А. Серебренников, В. И. Постовалова, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия). Возникает вопрос о соотношении образа мира, существующего в сознании человека, с образом, который запечатлевает язык. В связи с этим исследователями выделяются различные формы картины мира – концептуальная, или когнитивная, и языковая. Одним из первых разграничение проводит Г. А. Брутян в своей статье «Язык и картина мира» (1973).

Под концептуальной картиной мира (ККМ) Г. А. Брутян подразумевает «не только знание, которое выступает как результат мыслительного отражения действительности, но и итог чувственного познания, в снятом виде содержащийся в логическом познании» [21, с. 108]. Соответственно, языковая картина мира понимается исследователем как «вся информация о внешнем и внутреннем мире, закрепленная средствами живых, разговорных языков» [Там же].

Термин «языковая картина мира» (ЯКМ) впервые в лингвистике был употреблен Л. Вайсгербером в работе «О картине мира немецкого языка» (“Vom Weltbild der deutschen Sprache”), который определял ее как «der ganze in ihr beschlossene Reichtum von Sprachinhalten, von Wegen der Begriffs- und Gedankenprägung» («заключенное в нем богатство языковых значений, образцов рассуждений и понятий») [146, S. 17]. По замечанию О. А. Селемневой, именно Л. Вайсгербер расширил содержание термина «картина мира» – от представления об объективно-универсальной основе языковой картины мира, отсылающей к внешнему миру, до выделения ее субъективно-национального, идиоэтнического характера, обусловленного представлениями данного народа [101, с. 133].

В словаре-справочнике когнитивных терминов языковая картина мира определяется как «внутренняя форма языка», под которой понимается «специфический для каждого языка способ отражения и представления в языке действительности, “языковое мировидение”» [162, с. 203–204].

Е. С. Кубрякова сравнивает ЯКМ со «своеобразной сеткой, накидываемой на наше восприятие, ...влияющей на членение опыта и виденье ситуаций и событий и т.п. через призму языка и опыта» [62, с. 64–65]. Языковая картина номинирует и выражает основные элементы концептуальной картины мира. По мысли Е. С. Кубряковой, ЯКМ – это «проекция концептуальной системы нашего сознания, куда, возможно, входят как некоторые врожденные концепты, так и концепты, сложившиеся в ходе предметно-познавательной деятельности, и, наконец, концепты, вычлененные из повторяющихся в семантических структурах слов объединений значений» [Там же].

М. В. Пименова определяет концептуальную картину мира как совокупность знаний о мире, «накопленных за всю историю существования народа, говорящего на языке» [83, с. 75], при этом указывает на ее многоуровневость: на первом уровне находятся архаичные, донаучные знания, сложившиеся в дописьменный период, следующий уровень образуют знания, зафиксированные частично в текстах, на последующих уровнях располагаются научные знания. Таким образом, выстраивается трехчленная цепочка отношений: объективная действительность (мир вне нас) – ее ментальное отражение (концептуальная картина мира) – выражение картины мира, прежде всего через язык (языковая картина мира). Концептуальная картина мира, будучи ментальной репрезентацией действительности, вербализуется в языковой картине мира.

На основании языковой картины мира можно получить сведения о когнитивной картине мира, исследовать концептосферу народа, то есть ЯКМ рассматривается как средство доступа в ментальную сферу народа. На лингво- или этноспецифичность языковой картины мира указывает Ю. Д. Апресян, замечая, что языковая картина мира отражает «особый способ мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-то других языков» [132, с. 35]. В связи с этим выделяют национальные языковые картины мира, различия которых объясняются разными культурными представлениями и проявляются в «принципах категоризации действительности, материализуясь и в лексике, и в грамматике» [118, с. 52].

В отечественной лингвистике понятие «языковая картина мира» подробно исследуется в работах Ю. Д. Апресяна (Апресян 1995), Ю. Н. Караулова (Караулов, 1976), Г. В. Колшанского (Колшанский, 1990), Е. С. Кубряковой (Кубрякова, 1988), В. И. Постоваловой (Постовалова, 2017), З. Д. Поповой и И. А. Стернина (2002), В. А. Масловой (Маслова, 2001) и других. В рамках когнитивной лингвистики сложились два направления в изучении ЯКМ: как наивной языковой картины мира, при которой изучаются концепты-универсалии, и как национальной языковой картины мира, в центре изучения которой находятся концепты-уникалии, проявляющие национальную специфичность концептуализации и категоризации окружающей действительности [127, с. 5].

Исследованием вопроса соотношения концептуальной и языковой картин мира занимались многие отечественные ученые, в когнитивной науке дискуссия о соотношении ментальных репрезентаций действительности и объективирующих их форм языка не утрачивает своей актуальности [62, с. 13]. М. В. Пименова и О. Н. Кондратьева выделяют три подхода к данной проблеме. В рамках первого подхода утверждается, что языковая картина мира шире концептуальной. Эту точку зрения представляет Г. А. Брутян, считавший, что в основном содержании языковые картины мира совпадают, а периферия отличается в зависимости от языка. Сторонники второго подхода, например, Г. В. Колшанский [53], придерживаются идеи совпадения языковой и концептуальной картин мира. Суть третьего подхода заключается в том, что концептуальная картина мира несравнимо шире языковой, поскольку не все, что осмысливается человеком при восприятии окружающего мира, находит языковое выражение. Знаковой для данного подхода стала опубликованная в 1988 году коллективная монография (авторы Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др.) «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира», в которой Б. А. Серебренников убедительно доказывает, что концептуальная картина мира богаче языковой, «поскольку в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные» [93, с. 6]. В этой же монографии представители когнитивного направления ставят новые задачи при исследовании языка, среди

которых – описание свойств и особенностей образа мира в сознании человека, обусловленных существованием языка [61, с. 142]. Утверждение несовпадения концептуальной и языковой картин мира является в современной когнитивной лингвистике общепризнанным, языковой мир представляется как репрезентант концептуального мира, репрезентирующий реальный мир.

Кроме разделения картины мира на концептуальную и языковую, также выделяют научную и наивную картины мира. Под наивной картиной мира понимается обыденное знание, которым оперирует человек в повседневной жизни. Как замечает Н. К. Рябцева, «наше восприятие и осмысление всех ненаблюдаемых, “нефизических”, абстрактных сущностей: времени, чувств и эмоций, социальных явлений, коммуникации, мышления, познания...» определяется «наивными» представлениями, которые содержатся в обыденном сознании (ср. «Время летит», «Горе сушит») [97, с. 58]. Наивная картина мира стала одним из основных предметов исследования в Московской семантической школе и Школе логического анализа языка. Некоторые лингвисты приравнивают языковую картину к наивной (Ю. Д. Апресян, С. Г. Воркачев, Е. И. Зиновьева, В. А. Маслова, М. В. Пименова).

Научную картину мира (НКМ) О. А. Корнилов характеризует как «способ моделирования реальности, который существует помимо отдельных научных дисциплин (но на их основе) и характеризуется универсальностью, глобальностью охвата всех областей знания о мире, человеке и обществе» [55, с. 9]. Ученый подчеркивает, что НКМ отражает «коллективное знание о мире», содержащее данные как естественных (физическая, химическая, биологическая и астрономическая картины мира), так и общественных наук.

Понятие «картины мира», или употребляемого в тождественном значении «образа мира», является одним из ключевых в отечественной когнитивной лингвистике. В словаре-справочнике когнитивных терминов картина мира определяется как «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности

человека» [162, с. 50]. Это определение, принадлежащее лингвисту В. И. Постоваловой и данное ей в упомянутой ранее монографии «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира» [87, с. 21], подчеркивает субъективный характер картины мира по отношению к объективной действительности.

Когнитивистика не была единым направлением, и уже в начале 80-х годов намечаются существенные расхождения в представлениях о роли языка в процессах познания, в результате в когнитивном русле складываются различные научные школы и течения. Одно из ведущих направлений получило название «когнитивно-дискурсивной парадигмы», сформулированное и обоснованное выдающимся российским лингвистом Е. С. Кубряковой в монографии «Язык и знание» (2004). Е. С. Кубрякова включает в концептуальный анализ коммуникативную, или дискурсивную, составляющую и рассматривает дискурс как часть когниции. Как пишет В. И. Заботкина, представляя в своей статье развитие когнитивно-дискурсивной парадигмы в ретроспективе, «Е. С. Кубрякова выходит за рамки анализа ментальных репрезентаций в голове человека и помещает ментальные репрезентации в дискурс и контекст культуры, в рамках которой происходит взаимодействие между людьми и интерпретация окружающего мира» [45, с. 86]. Данное направление разрабатывалось в рамках Московской, Тамбовской, Воронежской и других научных школ. По замечанию В. З. Демьянкова, когнитивно-дискурсивный подход, укрепившийся в современной лингвистике, «состоит в исследовании не только системы языка, но и того, как и в какой мере реализуются потенции этой системы в реальных текстах» [42, с. 67].

Когнитивно-дискурсивная парадигма, будучи, по выражению В. И. Заботкиной, «отечественной версией когнитивизма», отличается от подхода зарубежных ученых, склонных противопоставлять когнитивное как индивидуальное и коммуникативное как социальное явление. Российские когнитивисты пытаются найти то, что объединяет когницию и

коммуникацию [45, с. 87], поскольку любое языковое явление указывает как на включенность в процессы познания, так и в речевое общение.

Главной установкой когнитивно-дискурсивной парадигмы становится положение об адекватном познании языка при анализе «на пересечении когниции и коммуникации» [72, с. 44]. Языковые явления не только фиксируют в языке определенное знание или фрагмент мира, но и обретают мотивированную форму, необходимую для коммуникации концептуальную структуру. Как точно определяет Е. С. Кубрякова, «описание мира – это одновременные свидетельства стоящей за ним когнитивной деятельности (постижение какого-либо фрагмента действительности), но также и деятельности дискурсивной, в ходе которой был рожден сам текст описания, зафиксированный в завершенной его форме» [62, с. 325]. Таким образом, задачи когнитивно-дискурсивной парадигмы заключаются, в частности, в выяснении того, как репрезентирован мир в сознании человека, какие структуры знания следует выделять и «как соотносятся между собой ... данные из разных областей других когнитивных наук со сведениями из языка» [71, с. 47], другими словами, в исследовании концептуальной (когнитивной) картины мира и ее отражения в языке.

На данный момент существует множество научных работ, созданных в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы и посвященных исследованию определенных «фрагментов действительности» (концептов) и национальных языковых картин мира (работы в научных изданиях «Вопросы когнитивной лингвистики» и «Когнитивные исследования языка», диссертационные исследования И. А. Барабушки (2013), М. С. Лымаревой (2006), Е. А. Чистюхиной (2012) и других).

По мнению И. В. Тивьяевой и Э. В. Нерсесовой, изучивших развитие когнитивно-дискурсивной парадигмы на материале работ отечественных лингвистов, ведущими тенденциями развития парадигмы являются использование экспериментальных методов в исследовании, анализ дискурсивных практик на материале различных языков и развитие лингвоаксиологического подхода [78].

В связи со всем вышесказанным обращение к понятию «картины мира» в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы представляет актуальность и для данной работы.

§ 1.2. Взаимосвязь мышления, языка и культуры

Проблема взаимосвязи языка и мышления, языка и культуры является одной из фундаментальных в языкознании и философии. Идея исследования языка в связи с культурой и духовной деятельностью народа принадлежит немецкому филологу В. фон Гумбольдту, впоследствии развитая такими учеными, как Г. Штейнталь, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ и другими.

В. фон Гумбольдт определяет языки не только как знаковые, но и как мировоззренческие системы, навязывающие свое «мировидение», способ мышления и восприятия носителям языка: «... различия между языками суть нечто большее, чем просто знаковые различия, ... различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями» [39, с. 370]. В работе «Характер языка и характер народа» он пишет о языке как проявлении деятельности «духа народа» и воплощении культуры, а также о картине мира, которая формируется под влиянием языка. Именно к идеям В. фон Гумбольдта восходит понятие языковой картины мира, ставшее одной из центральных тем лингвистических исследований второй половины XX века.

Основатель Казанской лингвистической школы И. А. Бодуэн де Куртенэ, развивая идею языка как системы мировидения, выделяет наряду с интуитивным, созерцательным и научным, теоретическим, языковое знание. Он определяет языковое знание как «воспринимание и познание мира в языковых формах», отражающее при этом не всю действительность, а лишь некоторые «внеязыковые представления», и в каждом языке группы представлений различны [18, с. 83].

Одним из важных импульсов в исследовании связи языка, мышления и культуры стала деятельность американских ученых начала XX века Ф. Боаса,

Э. Сепира, Б. Уорфа, которая привела к возникновению новой дисциплины – этнолингвистики. В частности, Э. Сепир писал о решающем влиянии языка на мышление: «На самом же деле «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [102, с. 193]. Исследователь пишет об «отсутствии причинной зависимости между языком и культурой», культура и язык, скорее, соотносятся как содержание и способ действия: «культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [Там же]. Культуру Сепир обозначает как «ценностный отбор, осуществляемый обществом», и этот отбор независим и лишь формально выражен языком. Язык и мышление соотносятся как орудие и продукт, при этом одно без другого немислимо, они оказывают взаимное влияние: «Орудие делает возможным продукт, продукт способствует усовершенствованию орудия» [Там же, с. 38]. По мысли Э. Сепира, содержание языка как «интуитивного знания опыта» универсально, оно не зависит от «словесных ассоциаций отдельного языка».

В 30-е гг. XX в. учеником Э. Сепира Б. Уорфом была разработана гипотеза лингвистической относительности, согласно которой структура языка влияет на когнитивные процессы, определяет мышление, способ познания действительности и в конечном итоге нормы поведения. Язык, упорядочивая и организуя окружающую человека действительность, начинает влиять на мышление. По мысли Б. Уорфа, человек не способен освободиться от влияния родного языка на процесс познания. Языку приписывается абсолютная, всеобъемлющая власть. «Он (язык – прим. М.Ю. Васильевой) устанавливает нормы мышления и поведения, руководит становлением логических категорий и целых концепций, проникает во все стороны общественной и индивидуальной жизни человека, определяет формы его культуры, сопутствует человеку на каждом его шагу и ведет его за собой, как слепца», анализируя гипотезу Сепира-Уорфа, пишет отечественный исследователь В. А. Звегинцев [48, с. 119].

Впоследствии гипотеза Сепира-Уорфа не раз подвергалась критике, в частности, ее критиковали за ограниченность: она рассматривает лишь семантическую сторону языка и принципы категоризации действительности по семантическому принципу. Тем не менее данная гипотеза привела к появлению многочисленных исследований, посвященных языковой картине мира разных народов мира.

В последние десятилетия XX века возникли новые научные отрасли, разработавшие новые подходы к вопросу связи языка, мышления и культуры, в частности когнитивная лингвистика и лингвокультурология.

Когнитивная парадигма рассматривает язык в его связи с познавательными процессами, с процессами получения, обработки и хранения информации, изучает восприятие действительности и ее отражение в голове человека. Когнитивная лингвистика продолжила исследования в направлении национально-культурной специфики категоризации и концептуализации знаний о мире и представлена именами таких зарубежных и российских ученых, как Р. Дженкендорф, Т. Гивон, Д. Лакофф, Р. Лангакр, Я. Ньютс, Л. Телми, Ч. Филлмор, В. Чейф, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Р. М. Фрумкина, З. А. Харитончик и другие.

В когнитивном подходе язык рассматривается как «источник сведений о концептуальных или когнитивных структурах нашего сознания и интеллекта» [62, с. 59]. В противоположность гипотезе Сепира-Уорфа, когнитивный подход говорит о детерминированности языка деятельностью сознания, но именно язык обеспечивает к нему доступ. Е. С. Кубрякова выделяет языковые и ментальные репрезентации, то есть языковые формы и структуры сознания, репрезентирующие какой-либо класс или категорию объектов. Языковая картина мира с необходимостью «дублируется» в сознании, внутреннем лексиконе в виде ментальных репрезентаций языковых форм. При номинации реальные объекты замещаются словами, происходит «удвоение» объекта в сознании человека – «в виде представления о нем самом» и «в виде энграммы его ярлыка, названия, имени» [62, с. 68]. Кроме того, в мышлении отражаемые

объекты могут быть представлены как в вербализованном, так и невербализованном виде.

Соотношение языка и мышления стало ведущей темой концептологических исследований, направленных на выявление основных закономерностей образования абстрактных концептов.

О. Г. Почепцов, размышляя о конструирующей функции языка, вводит понятия языковой ментальности и языкового мышления. Языковая ментальность определяется как «способ языкового представления», она усваивается вместе с языком и формируется социокультурными условиями, в которых находится индивид. К социокультурной среде ученый относит семью, знакомых и близких, страну проживания с ее традициями, историей, политическим устройством [89, с. 118]. Данные социокультурные факторы не только способствуют формированию ментальности, но и отражаются в ней. Языковая ментальность изменчива ввиду непостоянства социокультурных факторов. О. Г. Почепцов предлагает выделять типы ментальностей не по языковому, а по социокультурному признаку. «Независимость особенностей языковой ментальности от языка может приводить к тому, что различия между языковыми ментальностями представителей разных социокультурных групп, которые являются членами одной языковой общности, могут оказаться более значительными, чем различия между языковыми ментальностями представителей одной социокультурной группы, принадлежащих к разным языковым общностям» [89, с. 120] Подтверждение этому суждению мы можем наблюдать в истории российских немцев, для которых российские народы ментально оказываются порой ближе, чем близкие по языку немцы Германии.

Языковое мышление трактуется О. Г. Почепцовым как «представление, или деление мира в языке и с помощью языка, иными словами, языковое представление или отражение мира» [89, с. 113]. В этом смысле данное понятие близко понятию языковой картины мира. Оно состоит из актов мышления, которые могут быть как вербализованы, так и не эксплицированы средствами языка, и реализуется с помощью языково-мыслительных актов, то есть «актов

представления, или отражения мира в языке и с помощью языка». Ученый выделяет два типа языково-мыслительных актов: языково-ментальные акты, акты концептуального и / или фокусного представления мира, и рече-ментальные акты, акты ситуационного представления мира.

Проблема связи языка и мышления традиционна. Если изначально в лингвистических исследованиях разрабатывалась проблема влияния категорий мышления на языковые категории, то дальнейшее научное развитие привело к смене перспективы, и в центре внимания оказалось изучение влияния категорий языка на мыслительные структуры.

В исследованиях связи языка и мышления ученые на протяжении десятилетий занимали разные исследовательские позиции: язык изучался вне связи с мышлением и действительностью, в соответствии с формами и законами мышления или же в соотнесении с действительностью без учета мышления, и, наконец, исследовалась связь языка с мышлением и действительностью. Как пишет В.Г. Гак [34, с. 210], изучение языка вне его связи с мышлением, характерное для структурализма, хотя и имеет ряд преимуществ для языкознания, например, большой упор на углубленное изучение языковых единиц, их модификации, отличается ограниченностью. В исследованиях связи языка и мышления «слово...рассматривается в соотношении с обозначаемым им понятием, предложение сопоставляется с различными формами суждений» [Там же]. При этом возможно номинирование тех явлений, которые еще не «обозначены» в языке, в таком случае объект классифицируется на основе выделения определенных признаков и соотносится с понятием, то есть в случае естественных языков происходит «классифицирующее «вторжение» мышления в каждый семиотический акт» [Там же, с. 211]. С развитием когнитивной лингвистики начинается новый этап изучения отношений языка и мышления. Одной из главных задач нового направления становится исследование способов ментальной репрезентации знаний с помощью языка, о чем подробнее рассказывается в следующем параграфе. Как определяют З. Д. Попова и И. А. Стернин, «когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы,

происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций» [84, с. 9]. Дальнейшее развитие проблема соотношения языка и мышления получила в психолингвистике, рассматривающей язык как систему знаков, которая хранится в сознании человека.

В последнее десятилетие XX века появилась новая научная дисциплина – лингвокультурология, главным предметом которой стало взаимоотношение языка и культуры. Большой вклад в развитие данной отрасли языкознания внесла А. Вежбицкая и ее теория «ключевых слов». А. Вежбицкая указывает на зависимость концептуализации действительности от языка, то есть на «лингвоспецифичность» мира. Выяснению языковых универсалий и поиску элементарных человеческих концептов, «алфавита человеческих мыслей» посвящены ее многочисленные исследования. Так, в своей работе «Семантические примитивы» она предлагает ряд концептов, характерных для любой культуры и языка, «ведь вне универсальных, “не зависящих от культуры” исследовательских рамок невозможны ни тщательный анализ, ни сравнение значений, закодированных в языке и получающих в нем свое выражение» [25, с. 191]. А. Вежбицкая стремится сконструировать «естественный семантический метаязык», благодаря которому лингвоспецифичные понятия могут быть объяснимы и понятны носителям другой культуры, такой метаязык может стать инструментом для восприятия и понимания других культур. По мнению А. Вежбицкой, создание естественного семантического метаязыка позволит «показать, в какой высокой степени большинство значений зависит от культуры» [Там же, с. 199]. А. Вежбицкая рассуждает, что в основании всех естественных языков лежит «универсальное множество элементарных концептов», или основные человеческие понятия, составляющие естественный семантический метаязык.

Исследования в области лингвокультурологии проводились такими учеными, как Н. Ф. Алефиренко, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик,

Т. В. Булыгина, И. Б. Левонтина, В. А. Маслова, В. А. Плунгян, В. Н. Телия, С. Г. Тер-Минасова, Ю. С. Степанов, О. А. Леонтович и другие.

В. А. Виноградов выделяет несколько аспектов взаимодействия языка и культуры: это культура в языке, то есть «отражение в языковых текстах и в самих языковых средствах определенного культурного содержания, связанного с мировосприятием данного этноса/ народа, ментальной категоризацией мира природы и общества, верованиями и/ или верой»; язык в культуре, когда язык используется в представлении культурных установок; культура языка и речи, включающая языковую и культурную компетенции, и язык культуры, означающий «семиологически ориентированное изучение системы базисных концептов (констант, по Ю. С. Степанову) национальной культуры, пронизывающих ее разнообразные материальные и духовные формы» [29, с. 481–483].

По мнению С. Г. Тер-Минасовой, язык является зеркалом культуры, в котором «отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [118, с. 85]. (Здесь можно вспомнить известное выражение Л.В. Щербы «Каждый язык отражает культуру того народа, который на нем говорит».) Таким образом, язык отражает не только реальный, но и культурно-понятийный мир, репрезентирует «субъективную, свойственную данному народу» картину мира. Язык хранит и передает культурные ценности, но также и формирует человека, носителя культурных ценностей. При этом язык как вид деятельности является частью культуры, но культура в то же время является компонентом, свойством языка. По мнению С. Г. Тер-Минасовой, язык – «зеркало и инструмент культуры одновременно, выполняет пассивные функции отражения и активные функции созидания» [118, с. 68].

Об этих двух основополагающих функциях языка – культуронакопительной (культуроносной) и культуropriобщающей – пишут в своем фундаментальном

труде «Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции» российские исследователи Е. Верещагин и В. Костомаров. Язык, с одной стороны, накапливает знания, сведения, обладающие национально-культурной семантикой, а с другой стороны, приобщает к этой информации своих носителей [27, с. 26]. Как точно замечают В. Г. Костомаров и Е. М. Верещагин, «слово – это коллективная память носителей языка, «памятник культуры», зеркало жизни нации; слово – ключ к образу жизни соответствующего народа, вообще ключ к знаниям» [Там же, с. 31].

С. Г. Тер-Минасова, говоря об отражении языком реального мира, указывает, что данное отражение происходит не напрямую, а через обусловленное культурой и идиоэтническим мировосприятием понятие [118, с. 61]. Понятия в языках различаются, они «строятся на разных представлениях в национально отличных сознаниях» [Там же, с. 69]. Ученый наряду с реальной и языковой картинами мира выделяет третью – культурную. Культурная картина мира отражает действительность «через призму понятий», сформировавшихся на основе представлений человека, и является первичной по отношению к языковой. В то же время она тесно связана с языком, ведь именно язык словесно выражает, вербализует, хранит ее. Поэтому языковая и культурная картины мира являются частью друг друга, в то время как когнитивные лингвисты рассматривают языковую картину мира как часть концептуальной.

В. Н. Телия определяет язык и культуру как «интерактивно взаимопроникающие друг в друга семиотические системы», культура концептуализируется языком и обретает в нем свое знаковое бытие [116, с. 21]. В свою очередь «факты культуры как «элементы» моделей мира внедряются в языковое сознание в процессах номинации, создающей языковую картину мира» [Цит. по: 69, с. 27].

С. Г. Тер-Минасова рассуждает о том, что именно язык выступает той «демаркационной линией», которая отделяет «своих» от «чужих»: с одной стороны, язык служит сплочению и сохранению этноса, с другой стороны, отделяет, дифференцирует его от других этносов. При этом С. Г. Тер-Минасова

замечает, что культурные различия зачастую обнаруживаются лишь при сопоставительном изучении языков. Культурный компонент значения слова, ответственный за накопление и хранение культурной информации, исследовался с позиций лексикографии, лингвострановедения, переводоведения. В ряду лексики с национально-культурным компонентом особое место занимают реалии. Будучи репрезентантом культурных концептов, они «отражают национально-специфические фрагменты языковой картины мира» [123, с. 152]. Э. Драхота-Сабо также рассматривает реалию в контексте, точнее, макротексте культуры, для нее реалии – это «интертекстуальные элементы в макротексте культуры, они относятся к текстовому корпусу культуры, важные «кирпичики» культурного макротекста / макродискурса» („Die Realien betrachte ich als intertextuelle Elemente im Makrotext der Kultur, sie gehören zum Textkorpus einer Kultur, sie sind relevante Bausteine des kulturellen Makrotexes / Makrodiskurses“) [133, S. 28].

Язык реагирует на изменения в общественной и культурной жизни, одним из ярких «индикаторов» изменений служат **реалии** («Нагляднее всего изменения и в жизни и, соответственно, в языке видны на примере реалий, то есть разного рода фактов внеязыкового, реального мира» [118, с. 97]).

Неразрывная связь языка и мышления и их взаимообусловленность с культурой неоспоримы для представителей различных научных школ и течений, аспекты данной связи разрабатываются и остаются темой современных научных исследований. Одним из актуальных научных направлений остается изучение «национально самобытного в каждой культуре» [4, с. 76], обусловленного идиоэтническими представлениями и репрезентированного в национальной языковой картине мира.

§ 1.3. Ментальные репрезентации и их языковые проекции.

Понятие «концепт»

Как мы уже определили ранее, окружающая действительность не отражается в языке как в зеркале, а «преломляется» в человеческой психике,

проходит «обработку» благодаря когнитивным процессам. В когнитивной лингвистике репрезентация знаний, их роль в процессах мышления и соотношение структур знаний с языком относятся к ключевым проблемам. Употребление в языкознании термина «репрезентация» связано с именем Н. Хомского, который считал языковую способность и когнитивную способность речи врожденными и рассматривал систему ментальных репрезентаций как присущий человеку с рождения источник информации о языке. Он писал: «Каждое выражение, таким образом, представляет собой внутренний объект, состоящий из двух наборов информации: фонетической и семантической. Эти наборы называются «репрезентациями», а именно, фонетической и семантической...» [Цит. по: 60, с. 15].

Интерес к ментальным репрезентациям после разрыва когнитивной науки с генеративной лингвистикой Н. Хомского сохранился. Распространяются взгляды, что язык развивается на базе предшествующей ему концептуальной системы, и высказываются предположения о равенстве концептуальной и репрезентирующей системы. Так, Р. Джекендорф размышлял о том, что высказыванию о мире предшествует ментальная репрезентация этой информации. Концептуальная система, являясь репрезентирующей системой, постоянно меняется, а вместе с ней изменяются мнения и знания человека о мире. Единицами системы знаний признают концепты, которые считаются тождественными ментальным репрезентациям. По мысли Е.С. Кубряковой, концептуальная система содержит «первичные» концепты – простейшие ментальные репрезентации, возникшие в результате перцептивного опыта человека и вербализованные первыми, невербальные концепты и новые концептуальные структуры, образованные на базе двух названных концептов и соответствующие воображаемым и/ или абстрактным сущностям [59, с. 107–108].

Само понятие «ментальная репрезентация» так и не получило однозначного толкования, но признается, что их создание является «фундаментальным свойством и признаком человеческого сознания, памяти, знания» [52, с. 45]. При обработке, хранении и использовании человеком знаний предполагается

существование в сознании определенных структур, служащих для репрезентации знаний в мозгу человека. Репрезентация служит человеку для отображения объекта в режиме «офф-лайн», необходимого для взаимодействия с внешним миром. По замечанию Е. С. Кубряковой и В. З. Демьянкова, «то, что мы “видим” на внутреннем экране, и есть ментальная репрезентация» [60, с. 26].

В различных теоретических концепциях ментальная репрезентация представляется «как продукт когнитивной деятельности, охватывая как процесс представления мира в сознании, так и его результат – единицу подобного представления» [52, с. 47]. По мнению И. Ю. Колесова, доступ к ментальным репрезентациям как когнитивным структурам обеспечивают лингвокогнитивный анализ дискурса («естественный» путь) и направленные экспериментальные методики, например, психолингвистические («искусственное окружение») [Там же]. И. Ю. Колесов выделяет следующие свойства ментальных репрезентаций: содержательность (замещение свойств объекта), модельность (моделирование, конструирование данных свойств), произвольность (возникновение без контроля со стороны индивида), одновременность их появления и необходимость их использования, востребованность в новых условиях [Там же, с. 46]. Ученый сопоставляет значение языковых выражений, их смысловое наполнение с содержательностью ментальных репрезентаций.

Вслед за Л. Г. Бабенко под ментальными репрезентациями мы понимаем «мысленные представления, в которых аккумулированы знания человека о мире действительности, его фрагментах, полученные в процессе его познания, категоризации и концептуализации» [13, с. 37].

Е. С. Кубрякова подчеркивает знаковую природу ментальных репрезентаций, поскольку они замещают объект, при этом репрезентации могут быть иконическими, т. е. образными, и символическими [59, с. 108].

Ментальные репрезентации имеют знаковую природу, а также обладают другим важным свойством – они осознаваемы: мы можем вообразить что-либо – как реальный, так и воображаемый объект – и описать результаты увиденного «на внутреннем экране». Ученые также говорят об индивидуальном когнитивном

пространстве, состоящем из знаний, образов и представлений индивида, и национально детерминированном (см. например, Т. А. Янссен-Фесенко, А. Вайгель).

Л. Г. Бабенко указывает на двойственность понятия «репрезентация» в современном научном дискурсе, когда, с одной стороны, речь идет о ментальной сущности, с другой стороны, о языковом выражении ментального содержания [13, с. 36]. На опасность смешивания обоих понятий – «ментальные репрезентации» (в сознании человека) и «языковые репрезентации» (объективированные в языке) – указывали еще классики когнитивной лингвистики Е. С. Кубрякова и В. З. Демьянков. Они полагали, что подобное смешивание приводит к неточному использованию терминологического аппарата, а также к смешению разных проблем: «одной, касающейся вопроса о том, как мы видим мир и как этот мир отражен в существующих мнениях, знаниях и верованиях людей (т. е. в концептуальной системе как осознаваемой части нашего сознания), и как – в отличие от этого – часть названной концептуальной системы объективирована языком и представлена таким образом в форме языковых репрезентаций» [60, с. 19–20].

В современной лингвистике к ментальным репрезентациям относят различные структуры знания: ментальные модели, гештальты, концепты, фреймы, сценарии, образ-схемы. Для нашего исследования важным представляется понятие концепта как ментальной единицы сознания.

Термин «концепт» впервые был употреблен С. А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928 году, под ним ученый понимал «мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода» [12, с. 269]. Хотя понятие концепта считается устоявшимся в лингвистической науке, по сей день оно не имеет однозначного толкования, различные научные школы предлагают свою трактовку данного термина.

В лингвокогнитивном подходе (Е. С. Кубрякова, И. А. Стернин, З. Д. Попова) концепт определяется как ментальное явление, которое

формируется из непосредственного чувственного опыта, предметной и мыслительной деятельности индивида. З. Д. Попова и И. А. Стернин понимают под концептом «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [84, с. 24]. При этом невозможно зафиксировать все языковые средства выражения концепта в силу его объемности, отсутствию у него жесткой структуры, а также в силу того, что язык является лишь одним из способов формирования концепта в сознании человека. Е. С. Кубрякова отмечает такие свойства концептов: они существуют в виде целостных и гештальтных единиц, не обладающих структурой до вербализации; в силу субъективности человеческого опыта концепты не обладают четкими границами и могут быть «объективированы» языком различным образом [59, с. 107].

В лингвокогнитивном подходе была разработана полевая модель концепта, включающая в себя ядро и периферию. По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, путь исследования от языковых средств к концепту является наиболее надежным, хотя и позволяет описать лишь ту его часть, которая нашла языковое выражение. О методах исследования концепта будет написано подробнее в следующей главе.

Представители психолингвистического направления (А. А. Залевская, А. А. Леонтьев) рассматривают концепты с точки зрения их преломления в сознании человека, в зависимости от психики индивида. А. А. Залевская определяет концепт как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду

параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [46, с. 38]. С точки зрения Р. Р. Фрумкиной, термин «концепт» выделяет реалии, к которым нас отсылает слово, и заменяет принятый в логике термин «понятие» [125, с. 45]. Концепты исследуются с помощью психолингвистических экспериментов, где изучаются реакции и ассоциации испытуемых, связанные с определенным концептом.

В лингвокультурологии концепт исследуется в трудах Ю. С. Степанова, А. Вежбицкой, С. Г. Воркачева, В. А. Масловой, В. И. Карасика и др. По определению С. Г. Воркачева, концепт – это «вербализованный культурный смысл», а лингвокультурный концепт – «семантическая единица “языка” культуры, план выражения которой представляет двусторонний языковой знак» и которая отличается «этнокультурной отмеченностью», или этноспецифичностью [33, с. 11]. С. Г. Воркачев считает, что лингвоконцепты являются единицами ментальности, через которые можно описать национальный характер [Там же, с. 12]. С точки зрения Ю. С. Степанова, концепт – это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [109, с. 43]. Г. Г. Слышкин под лингвокультурным концептом понимает единицу ментальной и вербальной репрезентации культурного опыта социума и определяет его как «комплексную ментальную единицу, формирующуюся в результате редукции фрагмента познаваемого мира до пределов человеческой памяти, включения данного фрагмента в контекст культуры и его воплощения в вербальных единицах, необходимых для удовлетворения коммуникативных потребностей членов социума» [106, с. 8].

По мысли В. И. Карасика, культурный концепт представлен в языковом сознании как «многомерная сеть значений», которые выражаются языковыми единицами на разных уровнях: лексическом, фразеологическом, паремиологическом, а также прецедентными текстами, речеповеденческими тактиками [50, с. 149]. Одним из признаков такого концепта является *специфическая комбинаторика ассоциативных признаков* [Там же, с. 151], что подтверждается результатами проведенного нами ассоциативного эксперимента. Как замечает В. И. Карасик, «различие между культурами проявляется в

количественном и комбинаторном предпочтении признаков при концептуализации мира» [Там же, с. 152].

В. И. Карасик подчеркивает, что лингвокультурный и лингвокогнитивный подходы к концепту не являются взаимоисключающими, а отличаются лишь векторами исследования: если лингвокогнитивный концепт подразумевает направление от индивидуального сознания к культуре, концептосфере социума, то лингвокультурный концепт – направление от культуры, коллективного опыта к индивидуальному сознанию [Там же, с. 133]. Ментальная природа концепта обуславливает когнитивную составляющую исследований в рамках указанных нами подходов.

В нашем исследовании при изучении концепта НЕМЕЦКИЙ мы будем придерживаться когнитивного направления с элементами лингвокультурологического анализа, при этом опираться на определение концепта, сформулированное З. Д. Поповой и И. А. Стерниным и приведенное нами выше.

Когнитивисты З. Д. Попова и И. А. Стернин одним из средств доступа к сознанию, к содержанию концептов как единиц мышления считают язык. Это значит, концепт объективируется или репрезентирован в языке семантикой языковых единиц. По замечанию ученых, концепт включает в себя психолингвистическое значение, или «психологически реальное» значение слова, выявляемое экспериментальными методами в сознании носителя языка, и лексикографическое значение, отраженное в толковых словарях, но по объему содержания остается больше суммы этих значений [84, с. 14]. Наряду с вербализованными существуют невербализованные концепты, что зависит от коммуникативной релевантности концепта.

Сопоставляя концептуальные или когнитивные структуры с языковыми формами, когнитивные лингвисты также стремятся «объяснить причины выбора или создания данной «упаковки» для данного содержания» [59, с. 33]. На то же указывает Р. Р. Фрумкина, говоря о мотивированности языковой формы «нашей интерпретацией мира» [125, с. 265].

Е. С. Кубрякова подчеркивает особую роль номинативного потенциала слова, когда слово, замещая в сознании определенный фрагмент действительности, связывает с ним различные, языковые и неязыковые, знания и позволяет в «конечном счете оперировать этим фрагментом действительности в процессах мыслительной и речемыслительной деятельности» [62, с. 68]. Знаковая природа языка позволяет не только конструировать окружающую нас действительность в нашем сознании, категоризировать и концептуализировать мир, структурировать его, но и конструировать «иные возможные миры».

Таким образом, концепт обладает, по верному замечанию Л. Г. Бабенко, «двойной репрезентативностью»: «ментальной, закрепленной в сознании в виде мысленного представления, и вербальной, выражающей его в языке и дискурсе» [13, с. 36].

В. И. Карасик по способу языковой репрезентации концептов выделяет концепты, получившие языковое выражение в лексической и фразеологической системах языка и выраженные на грамматическом и фонетическом уровнях [50, с. 147].

Важным для нашего исследования является следующее замечание В. И. Карасика: «Различие между культурами состоит в значимых нюансах, выделяемых при сравнении больших концептуальных объединений (концептосфер). Множественные характеристики дадут здесь более веские основания для того, чтобы сделать выводы о специфике менталитета того или иного народа» [50, с. 148].

Это значит, что только многочисленные показатели лингвокультурологического поля позволят наиболее полно репрезентировать национальную концептосферу и вместе с ней исследуемый концепт. Исследование концепта НЕМЕЦКИЙ включает в себя также его различные «реализации» в виде национально-специфичных явлений – реалий, аккумулирующих и маркирующих этнокультурную специфику конкретной лингвокультуры.

§ 1.4. К вопросу о национально-культурной маркированности реалий

В культуре каждого народа существуют предметы, явления, представления, связанные с особыми историческими, географическими, экономическими и социальными условиями его существования. Язык, обладая кумулятивной и репрезентативными функциями, отражает национально-культурное своеобразие и закрепляет особенности мироосвоения народа в особом пласте безэквивалентной лексики – реалиях.

Реалии как носители яркой национальной специфики, выразители колорита подлинника и стилистического своеобразия стали предметом пристального внимания отечественных лингвистов с 50-х гг. XX в. Исследование реалий и проблема передачи национального колорита изначально связывались с проблемами перевода и разрабатывалось в трудах Л. Н. Соболева, С. И. Влахова, С. П. Флорина, А. Е. Супруна, Л. С. Бархударова и других ученых. Впоследствии к изучению реалий обратились дисциплины, для которых характерен лингвокультурологический подход: лингводидактика, страноведение, культурология. В рамках данного направления необходимо отметить работы М. Л. Вайсбурд, Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, Г. Д. Томахина, С. Г. Тер-Минасовой, Н. Л. Новиковой. В связи с этим исследователи выделяют два основных подхода к определению реалий: переводческий и страноведческий [8, с. 338].

В рамках переводческого направления реалии рассматриваются с точки зрения приемов их передачи в переводном тексте, то есть главной задачей является поиск адекватных способов перевода реалий на другой язык. Данный подход не утратил актуальности и по сей день, о чем свидетельствует значительное количество исследований по проблемам перевода реалий с разных языков. По мнению венгерского ученого Э. Драхоты-Сабо, значение реалий остается важным для переводоведческих исследований также в связи со сменой языкоцентрированного, языкоориентированного понимания перевода на культуροцентричный подход, при котором язык понимается как часть культуры, а

перевод как культурный трансфер („Nach dem sprachzentrierten Verständnis der Translation steht nun das kulturzentrierte Verständnis im Vordergrund, wobei Sprache als Teil der Kultur und Translation als kultureller Transfer aufgefasst werden“) [133, S. 10].

При страноведческом, или лингвокультурологическом подходе важно выявление и описание «уникальных предметов быта и жизни, т. е. реалий-вещей, которые впоследствии могут стать предметом исследования для переводчиков» [68, с. 102]. В трудах основоположников лингвострановедения язык рассматривается в тесной взаимосвязи с национальной культурой, анализ реалий основывается на кумулятивной функции языка, «связанной с отражением, фиксацией и сохранением в языковых единицах информации о постигнутой человеком действительности» [57, с. 7].

Обратимся к словарной дефиниции «реалии». Слово «реалия» происходит от латинского *realis* «вещественный», «действительный». В словаре-справочнике Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой реалии определяются как «предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова» [164]. В немецком словаре иностранных слов *Großes Fremdwörterlexikon* реалии дефинируются как слова, означающие предметы и явления, специфичные для отдельных стран и культурных областей („Wörter für Gegenstände u. Erscheinungen, die für einzelne Länder u. Kulturkreise spezifisch sind“ [187, S. 643]. В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой реалии характеризуются как «1) разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке; 2) предметы материальной культуры» [148, с. 381]. Данное определение обнаруживает двойственность реалии: она подразумевает как предмет материальной культуры, так и языковое обозначение национально-специфичного предмета или явления.

На необходимость разделения реалии-слова и реалии-предмета указывали и другие исследователи, в том числе выдающиеся болгарские лингвисты

С. И. Флорин и С. П. Влахов, впервые целостно изложившие понимание реалии как национально окрашенной единицы языка. К реалиям-словам они относят слова и словосочетания, семантически равные слову, а также аббревиатуры, фразеологические единицы с характерной национальной или исторической окраской, фразеологизмы, в состав которых входят реалии. Общей чертой реалии как предмета и как слова является отсутствие явления или предмета в другой культуре [68, с. 103]. В дальнейшем в нашем исследовании под «реалией» мы будем подразумевать «реалию-слово», то есть языковое обозначение референта.

В работе «Непереводимое в переводе» С. И. Влахову и С. П. Флорину удалось подробно разработать и описать теорию реалии. По мнению российских ученых А. А. Кретьова и Н. А. Фененко, их теория обладает интегративным характером, поскольку «включает элементы лингвистического, филологического, литературоведческого и культурологического подходов» [57, с. 8]. С. И. Влахов и С. П. Флорин определяют реалии как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу «на общем основании», требуя особого подхода» [32, с. 52]. К основным признакам реалий они относят колорит, то есть «окрашенность слова, которую оно приобретает благодаря принадлежности его референта... к данному народу, определенной стране или местности, конкретной исторической эпохе», и отсутствие соответствия, эквивалента на другом языке [32, с. 105]. Ученые подчеркивают тесную связь реалий с мировоззрением, культурой и бытом народа, говорят о связи референта с нацией и ее историческим прошлым.

Отечественный ученый Г. Д. Томахин в работе «Реалии – американизмы» характеризует реалии как «названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т. п.» [119, с. 5]. Вслед за С. И. Влаховым и С. П. Флориным

Г. Д. Томахин в качестве основного признака реалии выделяет национальный, местный или исторический колорит, подразумевающий «тесную связь обозначаемого реалией предмета, понятия, явления с народом (страной), с одной стороны, и историческим отрезком времени – с другой» [Там же].

Современные российские исследователи А. А. Кретов и Н. А. Фененко также придерживаются лингвокультурологического подхода в определении реалии и дефинируют данное понятие как «языковой знак, обозначающий свойственный одной культуре и отсутствующий в другой натурфакт/артефакт, отличающийся вещностью денотата, а также ментефакт, определяющий моральные, художественные ценности нации и черты ее национального менталитета» [57, с. 10]. Ученые выделяют три аспекта реалии: R-реалию, то есть реалию как предмет реальной действительности (натурфакт, артефакт), C-реалию, где реалия рассматривается как идеальный эквивалент среды обитания социума (концепт), и L-реалию, реалию как средство номинации культурного концепта.

Данная концепция, по сути, является развитием теории реалии с делением на «реалию-предмет» и «реалию-слово», дополняющей ее реалией-культурным концептом, когда расширяется не только денотативное и номинативное пространство языка, но и концептосфера языка-реципиента. Необходимо заметить, что в рамках лингвокультурологического подхода исследователями зачастую используются термины «культурема» и «лингвокультурема» как языковое выражение реалии и подразумевающие под собой культурные концепты, понятия и предметы, специфичные для какой-либо лингвокультуры, а также черты национального менталитета [122, с. 7].

Любопытным представляется определение реалии, данное венгерским ученым Э. Драхота-Сабо, в котором подчеркивается коннотативное значение как существенной черты реалии: «Realien sind solche sprachlichen Zeichen und Zeichenverbindungen, die in einer bestimmten Epoche für eine bestimmte Gruppe der Zeichenbenutzer – über die Denotation der Zeichen hinaus – einen Zusatzwert, eine Konnotation aufweisen, d.h. in den Mitgliedern der Gruppe – die auch eine ganze Nation sein kann – weitgehend identische bzw. ähnliche Assoziationen hervorrufen

können» («Реалии – такие языковые знаки и сочетания знаков, которые обнаруживают в определенную эпоху для определенной группы пользователей знаковой системы дополнительное значение, коннотацию, выходящую за рамки денотативного значения, то есть способны вызывать в членах группы, которой может выступить целая нация, в значительной мере идентичные или похожие ассоциации» – *здесь и далее перевод выполнен М.Ю. Васильевой*) [133, S. 24].

Таким образом, по мнению Э. Драхта-Сабо, коннотация выявляется в одинаковых ассоциациях, которые реалия вызывает у носителей языка. Подтверждение своей точки зрения исследователь находит в теориях других зарубежных лингвистов, в частности, у Хельтай, согласно которому реалия не только называет референт, не существующий в другом языке, но и содержит в себе многочисленные эмоционально-ассоциативные значения и энциклопедическое знание, то есть реалия имеет эксплицитное и имплицитное коммуникативное значение [133, S. 18].

Существование различных подходов и теорий реалии, трудности ее дефинирования объясняются разными причинами. Так, термин «реалия» используется как для обозначения предмета, явления, так и для их языкового выражения, языкового номинанта, что нередко приводит к смешению понятий. Кроме того, реалия не всегда обозначает «вещественное», но может отражать **ментефакты** или **культурные концепты**, например, когда речь идет о таких явлениях, как *Парижская коммуна, Вторая мировая война* [57, с. 10].

В переводоведении и отечественной лингвистике существует множество понятий, используемых как синонимы термина «реалия»: «локализм», «варваризм», «экзотизм», «культурема», «слова с культурным компонентом», «лакуны» и т. д., на что указывали и другие исследователи реалий. В зарубежном, в частности, немецком переводоведении так же наблюдается плюрализм терминов и, помимо понятия «реалии» (Realien), применяются такие термины, как «экзотизмы» (Exotismen), «экзотизмы-обозначения» (Bezeichnungsexotismen), «культурно-специфические слова» (kulturspezifische Wörter), «культурно-специфические выражения» (kulturspezifische Ausdrücke) [Цит. по: 133, S. 17].

Кроме того, используется термин «непереводимые слова» (unübersetzbare Wörter), означающий «слова, не имеющие прямого соответствия в другом языке, содержащие культурные импликации или коннотации, которые в данной форме существуют только в исходной культуре и не имеются в целевой культуре или культурах» [207, S. 46].

Для нашего исследования в качестве рабочего мы возьмем определение «реалии», данное в диссертационном исследовании Э. А. Левиной «Языковые реалии в прагма- и социолингвистическом аспекте» (2006), в котором, как нам представляется, учтены все основные черты реалии-слова: «Под языковыми реалиями понимаются слова и словосочетания, обозначающие предметы и явления материальной и духовной жизни народа, отражающие национальный, исторический и временной колорит, обладающие ярким коннотативным значением, не имеющие языковых эквивалентов в других лингвокультурах» [64, с. 13].

Исходя из данного определения, можно заключить, что референтом реалии-слова могут выступать различные предметы и явления, при этом важную роль играют временные и местные (национальные) характеристики, а также наличие дополнительных коннотаций реалии, связанных с рассматриваемой лингвокультурой. В связи с этим лингвисты и переводчики, предпринимая попытки классифицировать реалии, придерживаются преимущественно тематического или экстралингвистического принципа, то есть выделяют реалии в соответствии с семантикой.

Одной из наиболее разработанных классификаций по тематическому принципу является классификация, предложенная С. П. Флориным и С. И. Влаховым. Они разделяют реалии по предметному, местному (в зависимости от национальной и языковой принадлежности), временному (в синхроническом и диахроническом плане, по признаку «знакомости») и переводческому делению [32, с. 55]. В соответствии с предметным делением выделяются географические, этнографические и общественно-политические реалии. Далее те же реалии рассматриваются болгарскими лингвистами в другой

перспективе – по месту, т. е. с учетом национальной принадлежности, языков перевода и по времени. Согласно местному делению реалии в плоскости одного языка разделяются на свои и чужие, а в плоскости пары языков – на внутренние и внешние. В общем виде реалии по месту включают в себя национальные, региональные (характерные для нескольких народов), интернациональные, локальные и микролокальные реалии. Как отмечают сами ученые, данное деление достаточно условно и нередко реалию можно отнести сразу к нескольким видам [32, с. 63–67]. Согласно временному делению реалии бывают современными и историческими. Последнее – переводческое – деление основано на лингвистическом принципе и сопоставляет языковые системы.

Г. Д. Томахин также придерживается предметного деления реалий и выделяет этнографические реалии, географические, общественно-политические реалии, реалии системы образования, религии и культуры, ономастические реалии [119, с. 197]. Выделение ономастических реалий отдельно от географических ученых объясняет разницей ассоциаций, которые могут вызывать определенные географические объекты у носителей культуры. О национально-культурной специфике ономастической лексики писали и другие российские ученые Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров. Говоря о «качественной сложности» лексического фона имени, они выделяют групповую информацию, свойственную любому имени собственному, к которой относят возраст, происхождение, социальную окраску, стилевую принадлежность, употребительность, территориальную отнесенность, живую или «темную» внутреннюю форму имени, и индивидуальную информацию [26, с. 170–173]. Индивидуальная информация связана с ассоциациями, к примеру, если некоторые имена ассоциируются с известными деятелями (Александр – Невский), литературными персонажами (Евгений – Онегин), кличками животных (Мишка – медведь) и т. д. [Там же, с. 173–175]. Так, имя выполняет не только номинативную, но и накопительную функцию, сохраняя и отражая знания и представления о культуре и истории любой страны.

Взяв за основу классификацию, разработанную болгарскими лингвистами С. П. Флориным и С. И. Влаховым, российский ученый В. С. Виноградов предлагает деление реалий на бытовые, этнографические и мифологические, реалии мира природы, реалии государственно-административного устройства и общественной жизни, ономастические и ассоциативные реалии [28, с. 54–59].

Л. В. Сулова в соответствии с предметным критерием выделяет географические (*geografische Begriffe*), этнографические (*ethnografische Begriffseinheiten*), бытовые (*Alltagsrealia*), исторические (*historische Realien*), политические (*politische Realien*), военные (*militärische Realien*), религиозные (*religiöse Begriffe*), общественные (*gesellschaftliche Realien*) и архитектурные реалии (*architektonische Realien*) [113, с. 185–189].

Э. А. Левина с точки зрения семантической прагматики делит немецкие языковые реалии на этнографические, географические, общественно-политические и военные [64].

Кроме того, выделяют денотативные реалии, когда содержание лексических единиц «заполнено фоновой лексической информацией», и коннотативные, в которых главное значение имеют выражаемые ими эмоциональные оттенки. По определению Г. Д. Томахина, «коннотативные реалии – это слова, обозначающие предметы, ничем не отличающиеся от аналогичных предметов сопоставляемых культур, но получившие в данной культуре и языке особые дополнительные значения, основанные на культурно-исторических ассоциациях, присущих только данной культуре» [119, с. 220–221]. Среди коннотативных реалий Томахин выделяет а) слова, выступающие в качестве символов: вегетативные, анималистские символы, цветовая символика; б) фольклорные, исторические и литературные, книжные аллюзии; в) языковые аллюзии, содержащие намек на устойчивые выражения, крылатые фразы, пословицу и т. д. [Там же, с. 42–43].

Интересным представляется отметить замечание зарубежной исследовательницы Э. Драхоты-Сабо, занимающейся изучением реалий, о том, что в основе классификации реалий большинства зарубежных ученых находится классификация С. П. Флорина и С. И. Влахова [133, S. 24].

Таким образом, в классификациях реалий используется прежде всего тематический принцип группирования, но, как замечает М. А. Чигашева, «четких критериев дефиниции и классификации таких единиц, в частности, в рамках профессионального дискурса, в лингвистике не существует» [126, с. 95].

§ 1.5. Художественный реаликон в произведениях о российских немцах

Как утверждает Н. А. Фененко, в текстах с ярко выраженной национально-культурной направленностью использование реалий носит системный характер [124, с. 97]. Н. А. Фененко вводит понятие «художественный реаликон», представляющий собой «системно-организованный идейно-эстетический и культурнозначимый комплекс, в состав которого входит совокупность функционирующих в данном тексте реалий» [Там же, с. 98]. Художественный реаликон репрезентирует национальную картину мира и художественную модель автора произведения. В то же время, по замечанию Н. А. Фененко, нельзя свести национальную окраску текста исключительно к реалиям, важную роль играют образы, отражающие жизнь народа, и язык, воплощающий эти образы [123, с. 153].

В художественном тексте реалии не только позволяют передать национально-культурную специфику, но и зачастую несут скрытый смысл, завуалированную оценочность, они могут быть многофункциональными и выполнять как функцию создания контраста, исторического колорита, так и экспрессивную функцию. Как пишут исследователи М. Н. Левченко и Н. В. Маркарян, изучающие функционирование немецких реалий в художественных текстах, реалии «способны создавать второй план повествования, придавать тексту двойкий смысл... Они содержат в себе культурно-специфические и символические смысловые оттенки, которые накладываются на их основное значение» [65, с. 248]. Рассуждая о значении реалий в литературном тексте, Э. Драхота-Сабо отмечает, что «реалии повышают значимость культурного контекста, в рамках которого интерпретируется

исходный текст» («Die Realien erhöhen die Relevanz des kulturellen Kontextes, in dem der Ausgangstext zu interpretieren ist») [133, S. 9]. Ученый сравнивает роль реалии в литературном тексте с ролью визуальных медиа в гипертексте: «И те, и другие выполняют задачу отсылки на внешнее и в то же время обеспечивают связность текстовой структуры», выполняют эмотивную функцию, «указывают на культурный контекст и обеспечивают когерентность единичного текста» [Ibid., S. 28].

Н. А. Фененко выделяет следующие функции реалий в художественном тексте: функция воссоздания местного (национального) колорита, функция воссоздания исторического колорита, функция эстетизации бытовой детали, символическая функция, ассоциативная функция, функция маркера чужой культуры [123, с. 154–168].

В данном параграфе мы рассматриваем немецкие реалии российских немцев на материале романа Гузель Яхиной «Дети мои» [1] и его перевода на немецкий язык [2], а также романа Герхарда Завацкого „Wir selbst“ («Мы сами») [3]. В рамках анализа были исследованы языковые единицы, обозначающие немецкие реалии и отобранные методом сплошной выборки из художественных произведений, при этом учитывался контекст употребления исследуемых языковых единиц и их минимальные семантические составляющие.

Роман «Дети мои» повествует о жизни поволжского немца Якоба Баха в 20–30-е гг. XX века и – на примере главного героя – об исторической судьбе российских немцев. При написании произведения Гузель Яхина использовала документальные источники, свидетельствующие о жизни поволжской немецкой колонии («Но все, что касается исторической правды: фактов, дат, цифр, даже поговорок немцев Поволжья и их ругательств, – все выверено очень тщательно, вплоть до рисунков на оконных наличниках», – говорит Гузель Яхина в интервью изданию «Вечерняя Казань» [202]. Автор, воссоздавая в романе жизнь немецких колонистов в России, использует реалии, характерные для немецкого народа.

Концепт НЕМЕЦКИЙ в романе Г. Яхиной неоднократно изучался учеными-лингвистами в различных аспектах: с точки зрения изучения немецкой

идентичности [58], лексико-семантического поля «немецкий» [44], лингвокультурных реалий в тексте [11].

В романе российского немца Герхарда Завацкого „Wir selbst” повествуется о жизни поволжских немцев в 20-е гг. XX века и немецкой автономии на Волге, недолго просуществовавшей в молодом советском государстве. Произведение прошло долгий путь к своему читателю: после того как в 1938 году Г. Завацкого арестовали, весь тираж был уничтожен. Рукопись романа была найдена спустя 80 лет авторитетным германистом Карстеном Ганзелем, который считает „Wir selbst“ «важнейшим романом российских немцев», а Елена Зейферт называет его ««Войной и миром» российско-немецкого народа» [205]. Данный роман не переведен на русский язык и не известен широкому читателю в России.

Оба романа повествуют об одном и том же периоде в истории поволжских немцев – 20-х годах прошлого века, периоде становления Немреспублики и тесного взаимодействия русских немцев с советской властью, однако авторы используют разные художественные средства. Г. Яхина обращается к фольклорным и мифологическим мотивам и умело вплетает их в сюжетную канву романа, тем самым сочетая неомифологизм и неореализм [130, с. 70]. Г. Завацкий следует методу соцреализма и пишет производственный роман, взяв за основу реалистический концепт и без прикрас изображая последствия Октябрьской революции и Гражданской войны, коллективизацию и индустриализацию, противостояние кулаков и бедноты. Оба автора, подчеркивая немецкую идентичность, точно выстраивают, конструируют мир поволжских немцев в своих произведениях, используя для этого различные слова-реалии, характерные для материальной и духовной сфер жизни этой этнической группы.

Здесь необходимо сделать замечание о том, что в дальнейшем мы будем говорить обобщенно о реалиях российских немцев, поскольку поволжские немцы являются одной из групп российских немцев.

Опираясь на научные работы С. И. Влахова и С. П. Флорина [32], В. С. Виноградова [28], а также на основе анализа художественных

произведений нам удалось выделить следующие немецкие реалии российских (поволжских) немцев:

Этнографические реалии

1. Бытовые:

а) пища, напитки: *дoppель-кюммель* [1, с.183] – *der Doppelkümmel* [2, S. 215], *жареная колбаса* [1, с. 37] – *die Bratwurst* [2, S. 37], *Klöße mit Sauerkraut* [3, S. 155] – *клецки с кислой (квашеной) капустой* (здесь и далее перевод реалий из романа Г. Завацкого выполнен М. Ю. Васильевой);

б) одежда (обувь, головные уборы, украшения и т.д.): *короткие суконные штаны с кожаными шнурами под колено* – *Kniehosen aus feinem Tuch mit ledernen Schnürchen unter dem Knie* [2, S. 465], *полосатый фартук* [1, с. 89] – *die gestreifte Schürze* [2, S. 100], *Holzpantoffeln* [3, S. 74] – *хольцпантоффель, деревянные башмаки*;

в) жилище, имущество (посуда, мебель, предметы обихода, орудия труда): *пасторат* [1, с. 152] – *das Pfarrhaus* [2, S. 153].

2. Культурные реалии и реалии искусства:

а) литература: *йенский романтизм* [1, с. 19] – *Jenaer Romantik* [2, S. 17], *гейдельбергская школа* [1, с. 19] – *Heidelberger Schule* [2, S. 17];

б) фольклор (паремии, народные сказки, легенды, суеверия, приметы): *шибай быка и хряка в лоб, а человечка – по темечку* [1, с. 110] – *Dem Bullen und dem Eber musst du eins auf die Stirn geben, aber einem Mann auf die Birne* [2, S. 126]; *Morgenstunde hat Gold im Munde* – *Кто рано встает, тому бог подает* [3, S. 138]; *приложенная ко лбу кислая капуста избавляет от головной боли, а обильный бычий помет обещает славный урожай* [1, с. 60] – *vom Auflegen eines Sauerkrautblatts der Kopfschmerz verschwinde und ein besonders dicker Fladen vom Ochsen eine reiche Ernte verspreche* [2, S. 65–66];

в) мифология: *гномы* [1, с. 60] – *Zwerge* [2, S. 65], *великаны* [1, с. 60] – *Riesen* [2, S. 65];

г) средства массовой информации: *„Berliner Tageblatt“*, *„Lokal-Anzeiger“*, *„Völkischer Beobachter“*, *„Deutscher Allgemeine Zeitung“* [1, с. 417] – *„Berliner*

Tageblatt“, „*Lokalanzeiger*“, „*Völkischer Beobachter*“, „*Deutscher Allgemeine Zeitung*“ [2, с. 496];

д) обычаи, традиции: *и по старой гнадентальской традиции выбирать на празднике урожая Пшеничную королеву* [1, с. 184] – *die alte Gnadentaler Tradition, zum Erntefest eine Weizenkönigin zu wählen* [2, S. 217];

е) праздники: *адвент* [1, с. 125] – *Advent* [2, S. 145], *Erntefest* [3, S. 836] – *праздник урожая*;

ж) религиозные культы, их служители, культовые здания и предметы: *кирха* [1, с. 21] – *die Kirche* [2, S. 18], *пастор* [1, с. 52] – *der Pastor* [2, S. 55], *Konfirmation* [3, S. 176] – *конфирмация*;

з) календарь: *сентябрь*, «*месяц заготовки дров*» [1, с. 179] – *der Holzmonat* [2, S.211], *февраль*, «*месяц сбора оленьих рогов*» [там же] – *der Horning* [там же];

и) музыка и танцы: *die endlose Hopsapolka* [3, S. 316] – *нескончаемая хопсаполька*.

3. Этнические и социальные общности и их представители:

а) этнонимы: *жадный, как из Швабии* [1, с. 172] – *geizig wie ein Schwabe* [2, S. 202] (в переводе «шваб» – прим. М. Ю. Васильевой), *российские немцы* [1, с. 132] – *die Russlanddeutschen* [2, S. 153], *арийская нация* [1, с. 458] – *die arische Nation* [2, S. 547], *этнические арийцы* [1, с. 459] – *ethnischer Arier* [2, S. 547]; прозвищные этнонимы (этнические клички): *немчура* [1, с. 112] – *ein Deutscher* [2, S. 128];

б) названия лиц по месту жительства: *немецкие колонисты* [1, с. 132] – *die deutschen Siedler* [2, S. 153], *рейхсдойчи* [1, с. 190] – *Reichsdeutsche* [2, S. 224].

4. Денежные единицы: *рейхсмарки* [1, с. 416] – *Reichsmark* [2, S. 495].

Необходимо отметить, что некоторые этнографические реалии обусловлены не только национально-культурной спецификой, но и социальной структурой. Так, суеверия и приметы, названия месяцев можно отнести к реалиям крестьянства, то есть здесь главную роль играет не только национальная принадлежность (немцы), а сословная, классовая.

Общественно-политические реалии

1. Реалии административно-территориального характера: *община* [1, с. 96] – *die Gemeinde* [2, S. 108], *wolgadeutsche Kolonien* [3, S. 51] – *поволжские колонии*, *Kanton* [3, S. 246] – *кантон*.

2. Органы и носители власти: *Kantonvollzugskomitee* [3, S. 325] – *исполком кантона*, *Kantonparteikomitee* [3, S. 546] – *партком кантона*, *рейхсканцлер* [1, с. 414] – *der Reichskanzler* [2, S. 493], *фюрер* [1, с. 414] – *der Führer* [2, S. 493].

3. Реалии общественно-политической жизни:

а) политические организации, движения и их деятели: *национал-социалисты* [1, с. 414] – *die Nationalsozialisten* [12, S. 493], *нацист* [1, с.458] – *der Nazi-Anhänger* [2, S. 546], *культуркампф* [1, с. 421] – *Kulturkampf* [2, S. 502], *der Faschismus* [3, S. 887] – *фашизм*;

б) общественные учреждения: *шульгауз* [1, с. 17] – *das Schulhaus* [2, S. 12];

в) сословия: *германские крестьяне* [1, с. 23] – *deutsche Bauern* [2, S. 21];

г) звания, степени, титулы, обращения: *господин* [1, с. 35] – *Herr* [2, S. 35]; *бароны* [1, с. 241] – *Barone* [2, S. 284]; *ландграф* [1, с. 225] – *Landgraf* [2, S. 266], *фройляйн* [1, с. 44] – *Fräulein* [2, S. 45], *Herr* [3, S. 10] – *господин*, *Frau* [3, S. 100] – *фрау*, *госпожа*;

д) профессии: *шульмейстер* [1, с. 14] – *der Schulmeister* [2, S.10], *мукомол* [1, с. 17] – *der Müller* [2, S. 13], *Dienstmagd* [3, S. 30] – *батрачка*, *Knechte*, *Mägde* [3, S. 52] – *батраки*, *работницы*, *Oberknecht* [3, S.103] – *старший батрак*.

4. Военные реалии:

военнослужащие: *обергруппенфюрер СС* [1, с. 458] – *SS-Obergruppenführer* [2, S. 547].

Ономастические реалии

Это одна из самых многочисленных групп реалий в исследуемых художественных произведениях. В нее входят антропонимы, топонимы, имена литературных героев и названия компаний. Исследователь лексико-семантического поля «немецкий» в романе Гузель Яхиной Е. Р. Иванова обращает

внимание на многочисленность имен собственных в произведении и объясняет тем, что «трагизм судьбы поволжских немцев проявляется в линиях жизни отдельных людей – героев романа» [44, с. 66]. Подробнее эта группа реалий будет рассмотрена в третьей главе.

Антропонимы:

общие имена и фамилии: *Якоб Бах* [1, с. 14] – *Jakob Bach* [2, S. 10], *Юлиус Вагнер* [1, с. 17] – *Julius Wagner* [2, S. 13], *Марии и Катарины* [1, с. 189] – *Maria und Katharina* [2, S. 223], *Эдуард Бенклер* [3, S. 9] – *Eduard Benkler*, *Якоб Краус* [3, S. 68] – *Jakob Kraus*, *Хайнрих Остермюллер* [3, S. 84] – *Heinrich Ostermüller*;

индивидуальные имена и фамилии: *Гёте*, *Новалис*, *Шиллер*, *Гейне* [1, с. 19] – *Goethe, Schiller, Heine, Novalis* [2, S. 16];

топонимы: *Вестфалия и Саксония*, *Бавария*, *Тироль и Вюртемберг*, *Эльзас и Лотарингия*, *Баден и Гессен* [1, с. 20] – *Westfalen und Sachsen, Bayern, Tirol und Württemberg, Elsas und Lothringen, Baden und Hessen* [2, S. 17], *Рейн и Одер*, *Эльба и Везер* [1, с. 315] – *Rhein und Oder, Elbe und Weser* [2, S. 373].

Особо необходимо отметить топонимы немцев Поволжья: *Бальцер* [1, с. 67] – *Balzer* [2, S. 73], *Варенбург* [1, с. 459] – *Warenburg* [2, S. 548].

Имена литературных героев: *Сметливый Портняжка* [1, с. 248] – *der Tapfere Schneiderlein* [2, S. 294], *Глупый Ганс* [1, с. 248] – *der Dumme Hans* [2, S. 294], *Мефистофель* [1, с. 390] – *Mephisto* [2, S. 464];

эргонимы (названия предприятий) и т.д.: *фабрики «Карл Либкнехт»*, *«Клара Цеткин»*, *«Роза Люксембург» в Поволжье* [1, с. 459] – *Fabriken des Wolgagebiets „Karl Liebknecht“, „Clara Zetkin“ und „Rosa Luxemburg“* [2, S. 548].

Ассоциативные реалии

Они включают в себя фольклорные, исторические и литературно-книжные аллюзии и вызывают ассоциации с определенным литературным, историческим или фольклорным персонажем, его характером, поступками, а также могут содержать намеки на исторические события, литературные произведения, легенды, мифы, предания.

Весь центр ее занимал тесовый стол, уставленный таким количеством яств, которых хватило бы, верно, и Ослингскому великану из древней саксонской легенды [1, с. 36] – Die Mitte nahm ein großer Tisch ein, der mit Essen in solchen Mengen vorgestellt war, dass davon selbst der Riese von Ossling aus der sächsischen Sage satt geworden wäre [2, S. 36].

В данном отрывке Гузель Яхина ссылается на Ослингского великана, известного своей прозорливостью.

...в отличие от Девы-Узницы, Клара не смогла покинуть свою башню – хутор Гримм, – куда сперва заточил ее отец, а затем – неодолимые обстоятельства языкового мира [1, с. 204] – Denn im Unterschied zu der Jungfrau im Märchen konnte Klara ihren Turm, das Gehöft Grimm, nicht verlassen, wo sie zunächst ihr Vater und später die unüberwindbaren Umstände der großen Welt eingeschlossen hatten [2, S. 241].

Рассказывая о Кларе, автор проводит сравнение с главной героиней сказки «Дева Малейн».

Дюрер уводит их за собой, подобно Гамельнскому крысолову... [1, с. 288] – Sie folgten Dürer wie dem Rattenfänger von Hameln [2, S. 341].

Автор ссылается на средневековую немецкую легенду о крысолове, который за плату обещал избавить город от крыс, но, будучи обманутым магистратом Гамельна, безвозвратно увел за собой детей.

Обращает на себя внимание «сочинительская деятельность» главного героя романа «Дети мои» Якоба Баха, который создает свои истории на основе народных немецких сказок. О. А. Лисенкова замечает: «Бах сравнивает Клару с решительными девицами, счастливо соединившимися со своими робкими возлюбленными, Удо Гримма с прозорливыми великанами, Тильду с вредными ведьмами, Гофмана с горбунами, чертями и карликами, себя же изображает как преданного слугу ... Бах использует фольклорные фабулы, ...особо выделяя сказки, где герои вознаграждаются за верную службу и честный труд...» [70, с. 393].

О. С. Лилюкович указывает на то, что использование культурно значимых маркеров – намеренный прием, необходимый автору для создания у читателя этнокультурных, исторических, топографических и эмоциональных ассоциаций [68, с. 114]. Об экспрессивно-оценочной функции и преобладающем «идейно-эстетическом воздействии» реалий в художественных произведениях подробно пишут исследователи немецких реалий М. Н. Левченко и Н. В. Маркарян [65].

Реалии позволяют передать атмосферу и колорит времени, выразить локальную и социальную специфику. Используемые Г. Яхиной и Г. Завацким реалии маркируют немецкую идентичность российских немцев, выделяя данную этническую группу среди коренного русского населения и подчеркивая их национальную самобытность, национальное самосознание. Реаликон произведений «Дети мои» и „Wir selbst” позволяет не только выстроить уникальный художественный мир с неповторимыми образами, но и познакомить читателя с другой лингвокультурой, обладающей особыми культурно-специфичными чертами.

Выводы по главе 1

Во второй половине XX века одним из важных понятий в лингвистике становится понятие «картина мира», получившее свое развитие, прежде всего, в когнитивном направлении. Когнитивная лингвистика акцентирует внимание на роли языка в формировании картины мира и рассматривает язык как инструмент, отображающий действительность знаковым способом. Связь языка с познавательными процессами, процессами получения и переработки информации становится постулатом когнитивной, а затем и когнитивно-дискурсивной парадигм, что приводит к изучению национально-культурной специфики концептуализации знаний об окружающей действительности.

Разделение картины мира на когнитивную (концептуальную), существующую в сознании индивида, и языковую, запечатленную языком, является основанием для широкого исследования различных ментальных

репрезентаций, которые предполагают наличие в сознании человека определенных структур для представления знаний о мире. Значимой ментальной единицей сознания признается концепт. В современной отечественной лингвистике было выработано несколько подходов к исследованию концепта: лингвокогнитивный, лингвокультурный, психолингвистический. В данной работе мы будем придерживаться лингвокогнитивного подхода, используя некоторые элементы лингвокультурного метода, и понимать под концептом дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету.

К вербальным «маркерам», проявлениям концепта можно отнести такие национально-специфичные явления, как реалии-слова или языковые реалии, под которыми мы понимаем слова и словосочетания, обозначающие предметы и явления материальной и духовной жизни народа, отражающие национальный, исторический и временной колорит, обладающие ярким коннотативным значением и не имеющие языковых эквивалентов в других лингвокультурах. Существует множество классификаций реалий, разработанных как отечественными, так и зарубежными исследователями, но в основе большинства из них находится предметный критерий.

Использование реалий-слов в художественном произведении позволяет репрезентировать национальную картину мира, отразить важные для иной лингвокультуры концепты, создать необходимый колорит и придать определенную экспрессивную окраску. Рассмотрение реалий на материале романов Г. Яхиной «Дети мои» и Г. Завацкого „Wir selbst“, повествующих о российских немцах, позволяет раскрыть национально-культурную специфику концепта НЕМЕЦКИЙ, типичные черты национальной картины мира российских немцев.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА НЕМЕЦКИЙ

§ 2.1. К вопросу о методах исследования концепта НЕМЕЦКИЙ

Для исследования концепта нами используется метод семантико-когнитивного анализа, разработанный воронежскими учеными З. Д. Поповой и И. А. Стерниным. Данный метод предполагает переход от содержания значений языковых средств, вербализующих концепт, к моделированию концепта. Целью такого метода становится моделирование концепта «как глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальном ...своеобразии» [84, с. 16]. Сами авторы формулируют семантико-когнитивный метод следующим образом: «через изучение семантики языковых знаков – к описанию концептосферы народа» [85, с. 322].

Использование семантико-когнитивного метода подразумевает прохождение нескольких этапов: построение номинативного поля концепта; анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта; когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств, т. е. выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу; описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков; этап моделирования концепта. Последний включает в себя описание макроструктуры концепта (распределение когнитивных признаков по образному, информационному компонентам и интерпретационному полю, установление их соотношения в структуре концепта); описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков; описание полевой организации когнитивных признаков [84, с. 112–113]. В результате моделирования концепта формируется словесное или графическое представление концепта в виде полевой структуры. Далее подробно рассказывается о каждом из этапов.

Следует разграничить понятия «структура» и «содержание» концепта: если структура описывается на основе образа, информационного содержания и интерпретационного поля, то содержание концепта представляет собой совокупность когнитивных признаков, упорядоченных от ядра к периферии. З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют в структуре концепта микро- и макрокомпоненты. К микрокомпонентам ученые относят отдельные когнитивные признаки, а к образованным из микрокомпонентов макрокомпонентам – содержательные типы информации (знаний), к которым принадлежат *образный компонент*, включающий перцептивные, чувственные, и когнитивные, связанные с другими концептами, образы, *информационное поле*, определяемое как «совокупность дифференциальных признаков концепта, определяющих его основное содержание и отграничивающих его от сходных концептов» [85, с. 324], и *интерпретационное поле*, содержащее когнитивные признаки, интерпретирующие образ. Объем, содержание или яркость данных компонентов изменяется в зависимости от исследуемого концепта.

Описание концепта НЕМЕЦКИЙ будет выстроено на основании словесной модели, в которой когнитивные признаки ранжируются по степени их яркости. Выделение ядерной и периферийной зон осуществляется на основе яркости когнитивных признаков. При этом полевое описание содержания концепта не всегда совпадает с его макроструктурой, т. е. компоненты структуры могут оказаться в любой из зон: ядре, ближней, крайней или дальней периферии. Это связано с тем, что место когнитивного признака определяется яркостью и актуальностью для когнитивного сознания. Содержание концепта НЕМЕЦКИЙ в немецком и русском языках может отличаться, поскольку возможны отличия в ядерных и периферийных составляющих.

Изучение концепта через семантику языковых средств подразумевает использование традиционных и экспериментальных методов, а также анализ с помощью процедуры когнитивной интерпретации. В русле когнитивной лингвистики были выработаны различные способы исследования содержания концептов [95; 82; 121].

Мы руководствовались следующими методами исследования:

1. Построение номинативного поля концепта подразумевает установление и описание суммы языковых средств, которые номинируют концепт и его единичные признаки. Одним из приемов является *определение ключевого слова-репрезентанта*, т. е. лексемы, наиболее полно репрезентирующей концепт [84, с. 125]. Исследователем выбирается наиболее употребительное, стилистически нейтральное, неоценочное слово. Устанавливается ядро номинативного поля через *историко-этимологический анализ лексемы, синонимическое расширение ключевого слова* на основе словарей синонимов и фразеологических словарей.

Для определения периферии номинативного поля используются различные способы. К ним относится *построение паремнологического поля концепта*, основанное на анализе пословиц, поговорок, крылатых выражений, при этом «смысл паремии интерпретируется как отражение когнитивного признака концепта» [Там же, с. 129]. Кроме того, паремия может содержать ключевое слово-репрезентант, его синоним или же выражать концепт описательно. Периферийные компоненты также выявляются с помощью экспериментальных методик на основании *анализа ассоциативного поля концепта*. Ассоциативное поле формируется совокупностью реакций испытуемых на слово-стимул – ключевую лексему-репрезентант концепта, полученных в результате проведения ассоциативного эксперимента, о котором подробнее рассказывается в следующем параграфе. Ассоциаты перечисляются в порядке убывания числа испытуемых, давших определенную реакцию, и рассматриваются как языковые средства объективации когнитивных признаков концепта.

2. Описание семантики языковых средств концепта заключается в толковании значений единиц номинативного поля, выделении интегрированного лексикографического значения на основе нескольких словарей. Для установления лексикографического описания значения слова широко используется метод обобщения словарных дефиниций, подразумевающий привлечение нескольких лексикографических источников и составление наиболее полного описания слова

в системе языка. Алгоритм применения метода достаточно подробно описан в работах А. В. Рудаковой [96]. При данном методе выписываются все дефиниции исследуемой лексемы из доступных словарей и составляется единый список значений, или семем. Значения упорядочиваются от ядерных значений, т. е. тех, которые выделяются всеми словарями и приводятся на первом месте, к периферийным, к которым относятся устаревшие, стилистически окрашенные или представленные в некоторых словарях. Кроме того, может быть вычислен лексикографический индекс яркости семемы (ЛИЯС), понимаемый как «отношение количества словарей, включивших семему в свой состав, к общему количеству проанализированных словарей» [Там же, с. 155]. Результатом использования метода становится *интегрированное лексикографическое значение* (термин О. Е. Виноградовой).

На базе ассоциативных полей по методике семантической интерпретации ассоциатов [111, с. 100–106] формируются *психолингвистические значения*, т. е. значения, «реально функционирующие в языковом сознании носителей языка» [110, с. 7]. В лексикографических источниках нередко содержатся неактуальные значения, в психолингвистической семантеме, как верно замечает А. В. Рудакова, «отмечаются новые, не зафиксированные словарями значения, а также наиболее актуальные для языкового сознания носителей языка» [94, с. 177].

В итоге значения описываются в виде семантических компонентов – сем, то есть возникает семное описание значений, необходимое для следующего этапа исследования – когнитивной интерпретации.

3. Когнитивная интерпретация является важнейшим этапом семантико-когнитивного исследования, поскольку именно на этом этапе языковые данные «переводятся» в когнитивные, что позволяет в дальнейшем смоделировать концепт. З. Д. Попова и И. А. Стернин определяют когнитивную интерпретацию как «мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или

иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта» [84, с. 141].

На первом этапе когнитивной интерпретации происходит выявление когнитивных признаков. Выделенные на предыдущем этапе семы лексикографического и психолингвистического значения концепта интерпретируются как репрезентанты когнитивных признаков. При этом совпадающие или близкие по содержанию семы объединяются (т. е. сводятся к одному признаку) и определяются как единый когнитивный признак концепта. Если учитываются реализации сем в текстах или ассоциатах и выделяется их яркость, в таком случае реализации семантических компонентов, обобщаемых в один когнитивный признак, складываются. Следующий шаг предполагает ранжирование когнитивных признаков по яркости, на котором когнитивные признаки распределяются по различным зонам (ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия).

На втором этапе отдельные когнитивные признаки обобщаются, и на их основе устанавливаются когнитивные классификационные признаки.

4. Моделирование концепта состоит из следующих процедур:

- а) описание макроструктуры концепта, которое заключается в отнесении когнитивных признаков к образному, информационному компонентам и интерпретационному полю и установлении их соотношения в структуре концепта;
- б) описание категориальной структуры концепта, которое состоит в описании концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков;
- в) описание полевой организации концепта, при котором когнитивные признаки концепта распределяются по ядру и периферийным зонам.

§ 2.2. Ассоциативный эксперимент в исследовании концепта НЕМЕЦКИЙ

Ассоциативный эксперимент считается одним из наиболее эффективных психолингвистических методов исследования, который «используется с целью всестороннего изучения феномена языкового (вербального) сознания, его

структуризации и моделирования» [20, с. 266]. Вслед за Н. В. Уфимцевой под языковым сознанием мы будем понимать «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей» [120, с. 208].

В настоящее время ассоциативный эксперимент представляет собой метод психолингвистического анализа, при котором используются слова-стимулы для получения словесных реакций (ассоциаций) у испытуемых (респондентов, информантов). Как замечают авторы Русского ассоциативного словаря (1994), «любое слово в нашем сознании, в памяти, точно так же как в речевой цепи, не существует ... в отдельности: оно десятками, сотнями «нитей» тянется к другим словам» [165, с. 191].

В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой ассоциация определяется как «объединение языковых единиц по формальному или логико-семантическому признаку» [148, с. 58]. Ассоциации, возникающие в ответ на предъявляемый стимул, могут образовывать определенное множество, или ассоциативное поле. Ассоциативный эксперимент с привлечением большого количества испытуемых (массовый эксперимент) позволяет получить такое ассоциативное поле, которое будет представлять собой «фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [120, с. 208]. Немецкий психолингвист Х. Хёрман так же подчеркивает экстралингвистическую сущность ассоциаций: „Unsere Fragen richten sich also auf allgemeine Organisationsprinzipien des dem verbalen Verhalten zugrunde liegenden Kraftfeldes, auf soziale, kulturelle, entwicklungsmäßige Varianten dieser Organisationsprinzipien und schließlich auf persönlichkeitspezifische Abwandlungen, die sich eventuell nur symptomatisch im Bereich des Sprachlichen äußern, aber auf Außersprachliches hinweisen“ [138, S. 122] («Наши вопросы направлены на общие принципы устройства лежащего в основе вербального поведения поля (ассоциативного поля – прим. М. Ю. Васильевой), на социальные,

культурные, влияющие на развитие варианты этих принципов и в конечном итоге на индивидуально-специфические отклонения, которые по необходимости выражаются в области языка, но указывают на внеязыковую действительность»).

Методология проведения ассоциативного эксперимента, различные способы интерпретации экспериментальных результатов разрабатывались такими видными отечественными лингвистами, как А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, И. А. Стернин, И. Г. Овчинникова и другие.

В психолингвистике разработано три вида ассоциативного эксперимента:

1. Свободный ассоциативный эксперимент, в котором испытуемым предъявляется слово-стимул, и им необходимо, не раздумывая, высказать или записать первые пришедшие в голову слова-реакции (ассоциации).
2. Направленный (или контролируемый) ассоциативный эксперимент ограничивает ответы испытуемых определенными условиями, например, нужно назвать определенную часть речи, закончить предложение и т.д., то есть давать ассоциации определенного грамматического или семантического класса. Преимуществами направленного эксперимента является его конкретность, определенность, снижающая разброс реакций. Одним из недостатков направленного эксперимента является вероятность искажения реальной картины из-за «направленности», наличия рамок в эксперименте. Кроме того, реакции нередко могут сами выступать стимулами для последующих слов-ассоциаций.
3. Цепочный/цепной ассоциативный эксперимент, когда испытуемому предлагают реагировать на слово-стимул несколькими реакциями за определенный промежуток времени. Главным принципом ассоциативного эксперимента является отсутствие отбора ответов, необходимость отвечать первым словом, пришедшим в голову.

В нашем исследовании мы считаем целесообразным использование двух ассоциативных методов – **методов свободного и направленного ассоциативного эксперимента**. Как утверждают З. Д. Попова и И. А. Стернин, «свободный ассоциативный эксперимент с использованием первой реакции лучше выявляет связи концепта в концептосфере, а направленный ассоциативный эксперимент – образующие концепт когнитивные признаки» [84, с. 122].

Для исследования национальных особенностей восприятия, выявления этнокультурной специфики представлений в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев были проведены свободный и направленный ассоциативные эксперименты (АЭ) среди двух групп – немцев, проживающих в Федеративной республике Германия (ФРГ), и российских немцев, проживающих в Российской Федерации, в период с июня по октябрь 2022 года.

Для немецких испытуемых, проживающих в Германии, эксперимент проводился в очном формате: каждый участник получил бумажную анкету на немецком языке со стимулами, к которым нужно было записать любые пришедшие в голову ассоциации (анкета в приложении 1). Для российских немцев анкетирование с теми же стимулами на русском языке было проведено в электронном виде с помощью Гугл-формы (анкета в приложении 2).

Нами была разработана анкета со следующими словами и словосочетаниями-стимулами: «немецкий», «немцы», «российские немцы», «поволжские немцы», «немецкая история», «немецкая культура», «переселение», «Екатерина II», «Сталин», «Типичная немецкая еда – это ...», «Немецкие праздники – это ...», «Немецкие знаменитости – это ...», «Немецкие сказки / легенды – это ...», «Немецкие традиции – это ...», «Немецкие писатели – это ...». Слова-стимулы были определены на основании анализа художественных произведений Г. Завацкого и Г. Яхиной.

Испытуемым предлагалась следующая инструкция: «Ниже написан ряд слов. Вам нужно написать **первые пришедшие в голову** слова или словосочетания (ассоциации) к каждому из слов. Работайте быстро, не раздумывайте, не возвращайтесь к предыдущим словам. Если у вас нет ассоциации на какое-либо слово, ставьте прочерк и идите дальше».

Исследование в группе немцев ФРГ проводилось на базе Гиссенского университета им. Ю. Либиха в рамках программы DAAD «Международные партнерства в области германистики» (Germanistische Institutspartnerschaft) при поддержке профессора доктора Карстена Ганзеля и доктора Хосе Фернандеса

Переса. Эксперимент среди российских немцев проведен при поддержке Международного союза немецкой культуры.

В АЭ приняли участие 246 немцев ФРГ, из них 208 женщин (84,6 %), 38 мужчин (15,4 %) (рисунок 1), и 166 российских немцев, из них 122 женщины (73,5 %), 44 мужчины (26,5 %). Распределение по полу участников АЭ (в группе немцев ФРГ) представлено на рисунке 1:

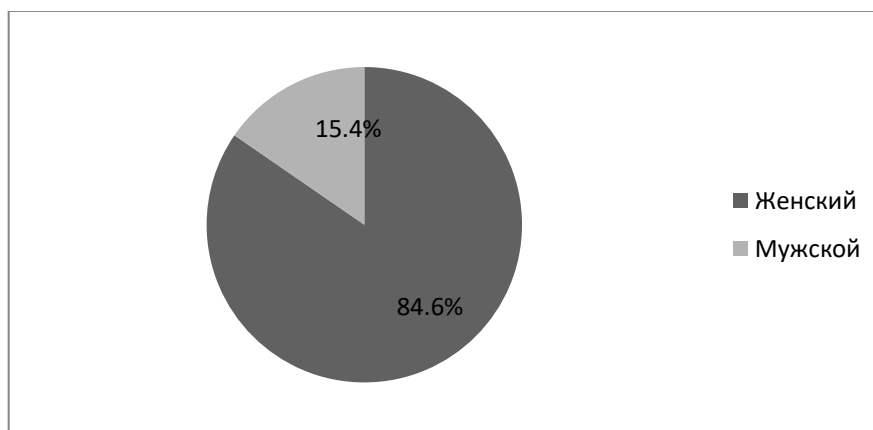

Рисунок 1 – Распределение по полу (в группе немцев ФРГ)

Распределение по полу участников АЭ (в группе российских немцев) представлено на рисунке 2:

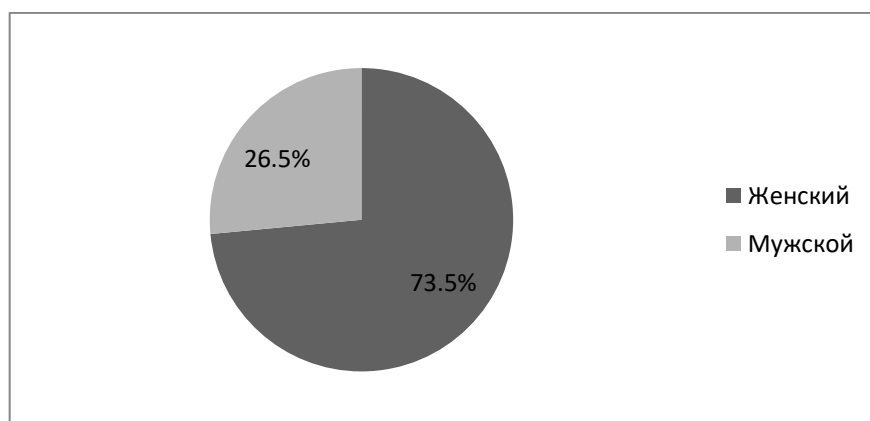

Рисунок 2 – Распределение по полу (в группе российских немцев)

Большинство испытуемых в группе немцев ФРГ – 215 человек – принадлежат к возрастной категории от 18 до 25 лет, 24 испытуемых – в возрасте 26–40 лет, в возрасте 41–47 лет – 7 человек. Все респонденты являются гражданами ФРГ, носителями языка и считают немецкий своим родным языком. Распределение по родному языку в группе немцев ФРГ представлено на рисунке 3:

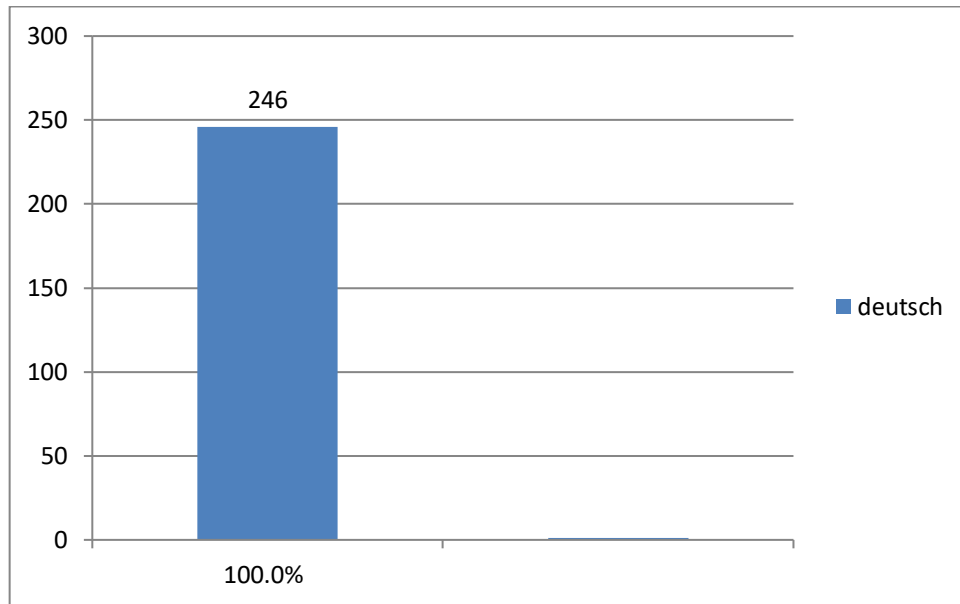

Рисунок 3 – Распределение по родному языку в группе немцев ФРГ

В группе российских немцев 18 испытуемых принадлежат к возрастной категории от 18 до 25 лет, 69 респондентов – в возрасте 26–40 лет, 67 человек – в возрасте 41–60 лет и 12 человек – в возрасте 60–79 лет. Все испытуемые являются российскими немцами.

Родным языком испытуемые назвали преимущественно русский язык (87 % респондентов), а также русский и немецкий, немецкий и платдойч. Распределение по родному языку в группе российских немцев представлено на рисунке 4:

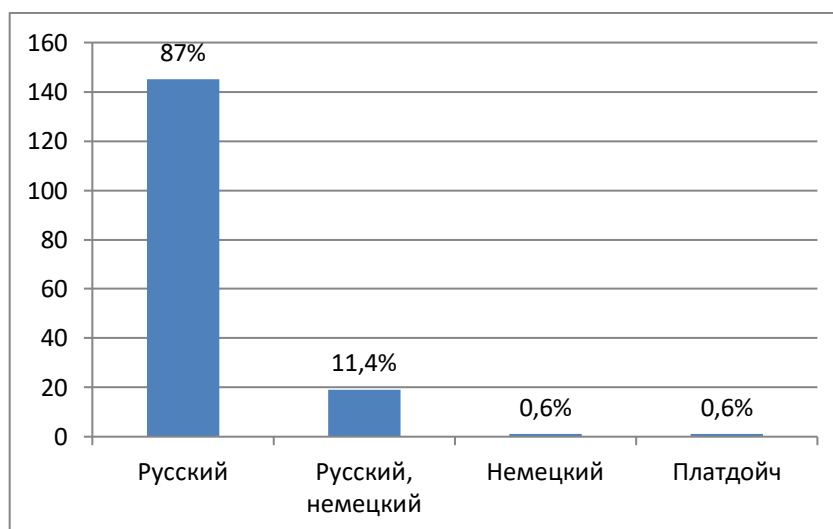

Рисунок 4 – Распределение по родному языку в группе российских немцев

Материалом исследования служат данные, полученные в результате проведения ассоциативного эксперимента с перечисленными выше испытуемыми.

Результатом ассоциативного эксперимента становится построение ассоциативного поля, состоящего из ядра – частотных ассоциатов на слово-стимул – и периферии с единичными реакциями. Таким образом, ассоциативные реакции интерпретируются как языковые репрезентации сем и упорядочиваются в семантему от ядерного значения к периферийному по принципу яркости. В нашем исследовании для выделения ядерных и периферийных значений все значения с показателем выше 20 % отнесены к ядерным, от 10 % до 20 % – к ближней периферии, от 5 % до 10 % – к дальней периферии и менее 5 % – к крайней периферии.

Ассоциативный эксперимент занимает особое место в исследовании языковой картины мира, изучении национально-культурной специфики языкового сознания. Основатель Московской психолингвистической школы А. А. Леонтьев считал ассоциативный метод одним из наиболее объективных при вскрытии «культурной» специфики слов [67, с. 4]. По мнению Н. В. Уфимцевой, результаты массовых ассоциативных экспериментов позволяют определить, какие контуры, рамки накладывает та или иная культура на восприятие действительности у своих носителей.

§ 2.3. Речевой портрет российских и поволжских немцев

2.3.1. Из истории российских и поволжских немцев

Выбор российских немцев в качестве группы испытуемых обусловлен уникальными особенностями данной этнической группы. Российские немцы как представители двух этнокультур – русской и немецкой – обладают особенной этнической идентичностью. Исследователи отмечают их «амбивалентную», «сдвоенную» и даже размытую этническую идентичность, «этническую индифферентность» [98, с. 81]. Своеобразное пересечение культур в

идентичности российских немцев вызвано историческими и социальными условиями, сложившимися на протяжении нескольких столетий. По мнению Д. А. Салимовой, Ю. Ю. Даниловой и Д. Т. Алмагамбетовой, двументальность, двуязычность и бикультурность российских немцев обусловлена экстралингвистическими факторами: условиями русскоязычного окружения и влиянием социальной и языковой политики российского/ советского государства [41, с. 75].

Первые упоминания о немцах на Руси относятся к IX веку, но важную роль в истории российского государства они начинают играть при Петре I. Во многих русских городах к тому времени находились немецкие слободы, где жили выходцы из Германии. Массовый переезд сельского населения из Германии происходит в 1762–1763 годах при Екатерине II, издавшей Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». По приглашению императрицы для заселения и освоения территорий Российской империи приезжают будущие немецкие колонисты и получают беспрецедентные свободы и льготы: освобождение от налогов и несения военной службы, свободу вероисповедания, беспроцентную ссуду на десять лет [204]. Российская императрица Екатерина II «призывала на благодатный русский юг тысячи своих трудолюбивых земляков, выделяя им деньги из бюджета («проездные» и «кормовые»), не скупясь на обещания и открывая перед новоселами самые радужные перспективы» [14, с. 42].

По социальному признаку историками выделяются три основные группы немецкого населения России: мещане, приезжавшие в Россию с XVII века в качестве специалистов, дворяне, находящиеся на государственной службе, и наиболее многочисленная – колонисты, приехавшие в Россию в ходе колонизационных мероприятий Российской империи [36, с. 7]. Колонизационная политика происходила в два этапа: во второй половине XVIII века во время правления Екатерины II и в первой половине XIX века во время правления Александра I. В Российскую империю прибывали поселенцы из различных

германских государств, что объясняет пестрый национальный состав российских немцев и наличие различных диалектов, на которых говорили колонисты [77, с. 239]. В связи с этим профессор В. А. Михайлов замечает, что *процессы самоидентификации немцев России происходили на российской почве (курсив мой – М. Ю. Васильевой)*, «из этого следует, что немцы России, будучи выходцами из Германии, имеют свои специфические культурно-исторические особенности...» [Цит. по: 36, с. 7]. Немецкие колонисты расселялись главным образом в Поволжье, на юге России, в Санкт-Петербургской губернии, Сибири.

Стоит учитывать, что первоначально немецкие колонисты занимали привилегированное положение и по своему статусу отличались от остального крестьянства. Также они отличались этнической и языковой обособленностью, вели замкнутый сельский образ жизни [77, с. 248]. Многие историки и этнографы отмечают редкость смешанных национальных браков, строгую приверженность национальной конфессии, замкнутость общин немцев. Большое значение российские немцы придавали сохранению традиций и родного языка. В каждой колонии была школа с преподаванием на немецком языке, которая содержалась за счет общины, помимо этого, большое влияние «на сохранение немецкого духа» оказывала церковь [24, с. 329]. Как отмечают И. Г. Остроух и Е. А. Шервуд, немецкие колонисты долгое время не знали русского языка [79]. Подтверждение этому мы находим в романе Г. Завацкого „Wir selbst”.

Автор описывает несколько эпизодов, когда герои попадают в затруднительные ситуации ввиду своей монолингвальности. Так, героиня из числа поволжских немцев огорчена тем, что у нее забрали лучшую овцу, но возразить она не смогла из-за незнания русского языка: «Schade, dass ich nicht russisch sprechen kann, denen hätt ich gesagt» [3, S. 68]. Или на празднике на фабрике инженер Шутиков держит речь, но российские немцы едва его понимают: «Er sprach russisch und Christian verstand kaum die Hälfte» [3, S. 523]. Авторы «Немцев в России» подчеркивают национальные черты немецких колонистов – трудолюбие, бережливость, любовь к порядку [77, с. 242]. В 1897 году, по данным Всероссийской переписи населения, в европейской части России

проживало свыше миллиона немцев, большинство из них жило в сельской местности. К началу Первой мировой войны Российская империя имела на своей территории более трех тысяч немецких колоний [Там же, с.10, 246].

Однако в XX веке история российских немцев складывается трагично. С началом Первой мировой войны под запрет попали общественные объединения и образовательные учреждения российских немцев, были запрещены печатные издания, происходило насильственное выселение колонистов из западных губерний в Поволжье, на Урал и в Сибирь [Там же, с. 251]. После Февральской революции 1917 года намечается положительная тенденция: впервые находит поддержку идея объединения всех российских немцев и делаются первые шаги по консолидации разобщенных групп немецкого населения России. Одним из значимых событий становится создание в 1924 году Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья. Но в целом после событий октября 1917 года в истории российских немцев начинается наиболее драматичный период в истории. Российским немцам пришлось пережить голод начала 1920-х гг. и начала 1930-х гг., принудительную коллективизацию и массовые репрессии в 1930-х гг., депортацию 1941 г., ограничение прав в условиях спецпоселения после войны. По мнению Н. Паульзен, моментом окончания «национальной жизни» российских немцев стал изданный 28 августа 1941 года указ о депортации (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»). В этом же году была ликвидирована Автономная республика немцев Поволжья, а поволжские немцы переселены в Сибирь и Среднюю Азию. Жизнь немцев отныне определялась депортацией, трудовой армией, комендатурой особого назначения (Sonderkommandatur), отсутствием государственности (keine Staatlichkeit), отсутствием равноправия с другими народами страны, дискриминацией по национальному признаку, тотальным рассеиванием по стране, отсутствием национальных школ и культурных мест [144, S. 52–53].

Хотя после смерти Сталина в 1953 году российские немцы были реабилитированы, им не разрешалось вернуться в родные места. Поэтому они

продолжали жить в Сибири, среднеазиатских республиках Советского Союза и в Казахстане. Немецкий язык преподавался как иностранный и в крайне редких случаях как родной язык. Следствием стало вытеснение немецкого языка из общественной жизни. Немецкий язык отныне воспринимался российскими немцами как символ потерянной родины, и если в 1939 году он считался родным для 88 % российских немцев, то в 1959-м – уже для 75 %, а в 1989-м – только для 49 % [Ibid., S. 54]. При этом Н. Паульзен указывает, что читать по-немецки могли преимущественно те немцы, которые овладели языком до войны.

В 1990-е гг. начинается обратная эмиграция российских немцев на свою историческую родину, в Германию.

Российская немка Элеонора Хуммель указывает на некую «изолированность» истории российских немцев: она малознакома как проживавшим в ГДР и ФРГ, так и в Советском Союзе, при этом ее не воспринимают как часть истории Германии („Ich habe immer wieder feststellen müssen, dass die Geschichte der Russlanddeutschen selbst in groben Zügen den wenigsten bekannt ist – das gilt sowohl für Menschen in der DDR, der BRD als auch in der damaligen Sowjetunion. Diese Aus- und Rückwanderung über einen Zeitraum von zwei Jahrhunderten wird allgemein hierzulande nicht als Teil deutscher Geschichte gesehen“) [139, S. 20]. То, что история российских немцев не играла решающей роли в господствующей коллективной памяти в Германии, в Советском Союзе и его государствах-преемниках, отмечает и крупный немецкий исследователь Карстен Ганзель. Хотя в 90-е гг. «поздние переселенцы» (так обозначали русских немцев) переезжали в ФРГ, их историческая судьба для граждан Германии «оставалась terra incognita» [206, S. 140]. Сама историография российских немцев – молодое научное направление и насчитывает чуть больше тридцати лет [36, с. 11].

В зарубежной традиции под российскими немцами понимают «группы немецких колонистов, поселившихся в XVIII и XIX вв. в Поволжье, Бессарабии, Крыму, Сибири, на Кавказе и на Черном море» («jene Gruppen deutscher Siedler..., die im 18. und 19. Jahrhundert in der Wolgaregion, in Bessarabien, am Schwarzen

Meer, auf der Krim, im Kaukasus oder in Sibirien angesiedelt worden sind» [Цит. по: 137, S. 17].

В отечественной исторической традиции российские немцы определяются как «этнические немцы, а также граждане (подданные) германских государств, проживавшие на территории России либо государств-предшественников, и их прямые потомки. В современной Германии выражение «российские немцы» употребляется также по отношению к этническим немцам, репатриировавшимся в Германию из СССР, начиная с 1951 года, а после 1991 года – к репатриантам из постсоветских государств» [77, с. 11].

В широком смысле под российскими немцами понимают немцев, которые прибывали на пространства, являющиеся территорией российского государства и находились под его юрисдикцией [47, с. 5]. Е. И. Зейферт определяет российских немцев как «потомков эмигрировавших в Россию германских немцев» [49, с. 3]. Ю. Ю. Данилова, Д. А. Салимова и Д. Т. Алмагамбетова, исследовавшие развитие этнонима «российские немцы», приводят также другие существующие определения для этнических немцев в России с учетом разных временных периодов: «русские немцы» с XVIII века, «советские немцы» – с 1922 года и «российские немцы» – с конца XX века [41, с. 77].

Одной из групп российских немцев являются немцы Поволжья, или поволжские немцы. К ним относятся потомки немецких крестьян, проживавшие на берегах Волги к северу и югу от Саратова с 60-х годов XVIII века до 1941 года, года депортации в Сибирь и Казахстан [36, с. 7].

Стоит подчеркнуть, что ввиду переломных событий лишь треть современных российских немцев считают немецкий язык родным [201], коммуникация ведется преимущественно на русском языке. В связи с этим ассоциативный эксперимент в группе российских немцев был проведен нами на русском языке.

2.3.2. Российские и поволжские немцы в отечественных и зарубежных исследованиях

Как было сказано ранее, уникальная этнокультурная ситуация российских немцев является предметом многочисленных исследований как в России, так и за рубежом. Одним из значимых трудов в нашей стране стал вышедший в 2016 году сборник «Российские немцы: вопросы языка, культуры и самоидентификации», который содержит работы группы лингвистов-исследователей из России и некоторых зарубежных стран. Язык и культура российских немцев, проблемы лингвокультурной идентификации относятся к ключевым темам сборника. Одна из статей так и называется «Русский или немец?» [9, с. 47–51].

Большую научную и просветительскую работу ведет Международный союз немецкой культуры, он ежегодно организует международные научно-практические конференции и культурно-исторические семинары, где выступают ведущие исследователи, занимающиеся изучением культурно-исторического наследия российских немцев.

В отечественных диссертационных работах, посвященных проблемам российских немцев, интерес сосредотачивается на круге определенных тем: изучении немецких диалектов российских немцев и их речевого поведения, языковых особенностях текстов и исследовании отдельных концептов в языковой картине мира. Немецкие островные диалекты и речевое поведение рассматривались в работах О. В. Байковой (2012), Ж. А. Сержановой (2006), М. В. Виноградской (2009), М. С. Смоля (2011), О. А. Александрова (2007, 2022), Л. И. Москалюк (2002) и других. Языковые особенности текстов российских немцев исследовались в работах Т. В. Корбмахер (2022), П. И. Костомарова (2011), И. В. Десятниковой (2007), Л. Н. Пузейкиной (2008) и т.д. Языковая картина российских немцев изучалась на примере концептов *Familie* (Щеголихина, 2015), *Heimat* (Кулаковская, 2013), «мужчина» и «женщина» (Чистюхина, 2012), лакуарность языковой картины на примере шванков (Пермяков 2021) и других.

Проблематика российских немцев является актуальной в Германии, наиболее плодотворными являются исследования в литературоведческом направлении. Один из известнейших немецких германистов К. Ганзель свои многочисленные изыскания посвятил изучению литературы российских немцев. В 2018 году вышел сборник статей „Literatur der Russlanddeutschen und Erinnerung“ («Литература российских немцев и воспоминание»), посвященный теме памяти и преодоления прошлого в литературном творчестве данной этнической группы, а также вопросу идентичности.

К. Ганзель подчеркивает основополагающую роль литературы российских немцев в сохранении исторической и культурной памяти: „schließlich spielen für das Bewahren des Gedächtnisses gerade dort, wo das „lebendige Gedächtnis“ sukzessive verschwindet, fiktionale Formen eine große Rolle“ [137, S. 21]. Повышению интереса к литературе российских немцев способствовало открытие доступа к прежде закрытым архивам, что позволило до сих пор умалчиваемые или забытые события сделать достоянием общественности [Ibid., S. 22].

Интересным, на наш взгляд, является исследование коллективной идентичности поволжских немцев в Аргентине, проведенное А. Ладиловой [142]. Она изучала конструирование коллективной памяти и коллективной идентичности поволжских немцев в Аргентине, используя методы анкетирования и интервью с потомками поволжских немцев, переселившихся в Аргентину. А. Ладилова называет отличительные черты (Merkmale), которые приписывают себе поволжские немцы: «еда», «танцы, музыка, празднование» („Tänze, Musik, Feiern“), «язык» (Sprache), трудолюбие (Fleiß), менталитет (Mentalität), вера (Glaube), внешний вид (Aussehen), консерватизм (Konservatismus), достойный доверия/надежность (Vertrauenswürdigkeit/ Sicherheit), «сильный характер» (starker Charakter), сплоченность (Zusammenhalt), вежливость, скромность (Höflichkeit, Bescheidenheit), образованность (Intelligenz), веселость (Fröhlichkeit) [142, S. 325].

А. Ладилова пишет: «В то время как определенные черты характера, как трудолюбие, вера, консерватизм, вежливость и надежность, так же как внешний вид и образованность называются в качестве отличительных черт, традиции

поволжских немцев, такие как еда, музыка, танцы, праздники и язык воспринимаются испытуемыми как центральные свойства их группы. Одновременно они представляют собой культурные символы...» [142, S. 325]. Любопытно, что нередко типично немецкие культурные элементы обозначаются поволжскими немцами в качестве русских, например, „Klees“ (Klöße) они считают типично русскими. То же самое с языком: „Präinek“ они считают немецким словом [Ibid., S. 333].

Безусловно, проблематика российских немцев осознается и самими российскими немцами, к ярким и активным исследователям можно по праву отнести ученого-литературоведа, российскую немку Елену Зейферт. На основе исторических, публицистических и эпистолярных источников Е. Зейферт реконструировала этническую картину мира в литературе российских немцев второй половины XX – начала XXI века [145]. Ученый отмечает такие характерные черты мировидения российских немцев: развитие культуры «в конфронтации к вынужденным скитаниям, в стремлении найти путь к дому и с волей защитить свое маленькое жизненное пространство»; связь категории времени «с временем расставания, безнадежным ожиданием освобождения, так и с временем, которое необходимо для привыкания к новому окружению и которое дает надежду» [Ibid., S. 73– 74]. Кроме того, Е. Зейферт выделяет следующие лингвоспецифичные слова – ключевые слова (концепты) (Schlüsselbegriffe), характерные для российских немцев: die Heimat, das Heim ‘Родина, родной дом’, Heim-/Heimatlosigkeit ‘отсутствие родины/ дома’, das Heimweih ‘тоска по родине’, die Angst (die Angst vor dem Ortswechsel und die Angst, sich aus der Menge hervorzuheben) ‘страх перед сменой места и страх выделиться из массы’, der Weg ‘путь’, die Verbannung ‘изгнание’ (понимаемое российскими немцами двояко: как депортация и как эмиграция), das Recht ‘право’, die Gerechtigkeit ‘справедливость’, die Hoffnung ‘надежда’ (Ibid., S. 79–95).

Можно отметить, что результаты ассоциативного эксперимента, проведенного нами в группе российских немцев, подтверждают значимость

понятия *Verbannung* ‘изгнание’ как одного из ключевых понятий в языковом сознании испытуемых.

Что касается менталитета, к какой группе – русским или немцам – принадлежат российские немцы ментально, Е. Зейферт говорит о «пограничной ситуации» и их своеобразном языковом и ментальном положении («Die Russlanddeutschen sind sich der Grenzsituation und der Eigenart ihrer sprachlichen und mentalen Lage durchaus bewusst») [Ibid., S. 75]. Однако исследователь заключает, что российские немцы все же ближе по свойствам характера немцам, нежели русским. В то же время, опираясь на размышления Г. Д. Гачева, Е. Зейферт отмечает, что российские немцы не обладают всеми чертами немецкого менталитета, поскольку переселение произошло до образования единой немецкой нации.

§ 2.4. Лексемы *deutsch*, немецкий и их парадигматические корреляты с позиций немецкой и русской лексикографии

Для анализа концепта НЕМЕЦКИЙ необходимо определить ключевое слово, наиболее полно номинирующее концепт. Лексема *deutsch* является лексемой-репрезентантом концепта в немецком языковом сознании. В частотном словаре немецкого языка лексема *deutsch* находится практически в первой сотне слов – на 105-м месте [189]. На основании данных толкового словаря Д. В. Дмитриева, который относится к словарям активного типа и содержит слова современного русского языка, можно установить, что ключевой лексемой-репрезентантом концепта НЕМЕЦКИЙ в русской языковой картине мира является слово *немецкий*. О концепте «немецкое» пишет и Г. Г. Слышкин [105, с. 15], мы будем использовать форму слова в мужском роде, как она приводится в лексикографических источниках. Таким образом, данные ключевые лексемы являются частотными и стилистически нейтральными в немецком и русском языках.

Для определения ядерного значения концепта НЕМЕЦКИЙ обратимся к этимологическим и толковым словарям.

В этимологическом словаре Duden указывается, что, в отличие от других прилагательных подобного рода, лексема *deutsch* восходит не к названию определенного народа или племени, а образовано от субстантива со значением «народ, племя» («Im Gegensatz zu anderen Bezeichnungen dieser Art ist das Wort deutsch nicht von einem Volks- oder Stammesnamen abgeleitet, sondern geht auf ein altes Substantiv mit der Bedeutung „Volk, Stamm“ zurück») [183, S. 142]. При этом в этимологии слова *deutsch* отражено выделение немецкого языкового и национального сознания в противовес романской и латинизируемым частям населения во Франции и в противоположность латинскому языку [Ibid.].

Как замечает немецкий исследователь Г. Лёфлер, название языка «немецкий» указывает в первую очередь на говорящего, то есть на собственный народ как носителя языка. («Der Sprachname ‘deutsch’ ist also durchaus sprecherbezogen, indem er auf das eigene Volk als Träger der Sprache hinweist») [143, S. 77]. В этимологическом словаре Ф. Клюге наряду со значением «относящийся к народу» (zum Volk gehörig) приводится значение «на народном языке» (in der Volkssprache) [192, S. 138]. В этимологическом словаре М. М. Маковского прилагательное *deutsch* возводится к индоевропейскому корню **teu* – “schwollen” > “kräftig“, означающему «крепкий», «сильный» и позднее получившему значение “große (kraftvolle, mächtige) Menge”, то есть «большое, огромное количество». Кроме того, индоевропейский корень имел значение: **teu*- „schwollen“ > „gebären“, означающее «народ». По замечанию ученого, «к тому же корню относится и др. англ. *tunga* «язык» (буквально «язык племени»): понятие «язык» в древности могло означать и «народ» [158, с. 91].

При рассмотрении этимологии прилагательного *немецкий* следует обратиться к исследованию происхождения лексемы *немец*, именно на данную лексему ссылаются в своих определениях русскоязычные словари. Лексема *немец* восходит к древнерусскому слову *нѣмьць* и означает «человек, говорящий неясно, непонятно», «иностранец» [170, с. 62]. Праславянская основа *нѣтьсь* образована

от «немой», то есть не говорящий на русском языке. Надо заметить, что *немцами* изначально называли всех иностранцев, происходящих из Западной Европы и не владеющих русским языком. И лишь позднее *немцами* стали называть тех, чьей исторической родиной была Германия [203]. Нужно заметить, что первоначальное значение лексемы *немец* (как «иностранец») сохраняется в некоторых русскоязычных толковых словарях с пометой «устаревшее». Кроме того, словарь В. И. Даля при определении слова «немец» отсылает к слову «немой», где указано значение ‘неговорящий по-русски, всякий иностранец с запада, европеец...; в частности же, германец’ [153, с. 434].

Для выявления семантического содержания лексем *deutsch*, *немецкий* в немецком и русском языках были проанализированы лексикографические данные. С данной целью было использовано семнадцать толковых и синонимических словарей немецкого и русского языков. На основании рассмотренных источников было установлено, что ключевое слово номинативного поля концепта *deutsch* в немецком языке и *немецкий* в русском языке является стилистически нейтральным, неоценочным, употребительным и многозначным словом.

Лексикографическое значение лексемы *deutsch* ‘немецкий’ было исследовано на основании словарных дефиниций в немецкоязычных толковых словарях Duden, DWDS-Wörterbuch, Большом словаре немецкого языка Langenscheidt, Большом словаре немецкого языка как иностранного Pons и словаре Deutsches Wörterbuch Герхарда Варига.

В немецкоязычном толковом словаре Duden рассматриваются следующие значения лексемы *deutsch*: 1) die Deutschen, Deutschland betreffend ‘относящийся к немцам, Германии’; 2) in der Sprache der Bevölkerung besonders Deutschlands, Österreichs und in Teilen der Schweiz ‘на языке населения Германии, Австрии и регионов Швейцарии’; 3) in deutscher Schreibschrift [verfasst] ‘(написано) немецким рукописным шрифтом’ [181, S. 412].

Некоторые из представленных в Duden значений совпадают с дефиницией *deutsch* в цифровом словаре современного немецкого языка DWDS-Wörterbuch, в частности, значения 1) Deutschland und seine Bevölkerung betreffend ‘относящийся

к Германии и ее населению»; 2) in der Sprache der Bevölkerung Deutschlands ‘на языке населения Германии’, а также приводится еще одно значение 3) für Deutschland und seine Bevölkerung eigentümlich, charakteristisch ‘свойственный, характерный для Германии и ее населения’ [188].

В Большом словаре немецкого языка Langenscheidt приведены схожие значения лексемы *deutsch*: 1) zu Deutschland und seinen Bürgern gehörig (die Geschichte, der Staat, die Staatsangehörigkeit, das Volk) ‘относящийся к Германии и ее гражданам (история, государство, гражданство, народ)’; 2) in der Sprache, die in Deutschland, in Österreich und in Teilen der Schweiz gesprochen wird ‘на языке, на котором говорят в Германии, Австрии и регионах Швейцарии’; 3) in der Schriftart, die in Deutschland bis etwa 1940 verbreitet war ‘шрифтом, распространенным в Германии до примерно 1940 года’ [193, S. 262].

В словаре Г. Варига Deutsches Wörterbuch представлены следующие значения: 1) zu Deutschland gehörig, es betreffend; aus Deutschland stammend, in Deutschland hergestellt ‘принадлежащий Германии, относящийся к ней; родом из Германии, произведенный в ней’; 2) in deutscher Art, auf deutsche Weise; in deutscher Sprache ‘на немецкий манер; на немецком языке’ [199, S. 346].

В словаре Pons Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache *deutsch* определяется как: 1) zu Deutschland und seinen Bürgern gehörend ‘относящийся к Германии и ее гражданам’; 2) in der Sprache, die in Deutschland, in Österreich und in (Teilen) der Schweiz gesprochen wird ‘на языке, на котором говорят в Германии, Австрии и (отдельных регионах) Швейцарии’ [195, S. 499].

Лексема *Deutscher* ‘немец’ (лексемы *die Deutschen* ‘немцы’ в форме множественного числа нет в немецкоязычных толковых словарях) в немецкоязычном толковом словаре Duden дефинируется как 1) Angehöriger des deutschen Volkes, aus Deutschland stammende männliche Person ‘принадлежащий немецкому народу, мужское лицо родом из Германии’; 2) das deutsche Volk ‘немецкий народ’ [181, S. 412]. Согласно электронному словарю современного немецкого языка DWDS-Wörterbuch *der/die Deutsche* ‘немец/ немка’ означает 1) Person, die die deutsche Staatsbürgerschaft besitzt ‘лицо, обладающее немецким

гражданством'; 2. nach Abstammung und Muttersprache dem deutschen Volke Zugehörige, Zugehöriger 'по происхождению и родному языку относящийся, относящаяся к немецкому народу' [188]. Словарь Г. Варига дефинирует *der/die Deutsche* как *jemand, der aus Deutschland stammt, dessen Muttersprache Deutsch ist, der zum deutschen Volk gehört* 'тот, кто родом из Германии, чей родной язык – немецкий, кто принадлежит немецкому народу' [199, S. 346]. Словарь PONS определяет *der/ die Deutsche* как *jmd., der die deutsche Staatsangehörigkeit hat* 'кто-либо, обладающий немецким гражданством' [194, S. 499].

Немецкий социолингвист Хайнрих Лёфлер в своей книге «Германская социолингвистика» называет *deutsch* 'немецкий' национальным и культурным понятием (*der Nationalitäts- und Kulturbegriff*), отделяя его от языкового понятия (*der Sprachbegriff*) *Deutsch* 'немецкий язык' (который он обозначает как язык культуры, языкового сообщества – *Kultursprache* [143, S. 54]. Это разделение представляется важным для нашего исследования, поскольку в нем *немецкий* исследуется как общее понятие, характеризующее нацию и ее культуру в целом. Размышляя о немецком как языке, Х. Лёфлер замечает, что наряду с существованием различных форм языка «нормальным случаем» считается немецкий язык в четырех немецкоговорящих странах: в ФРГ, Австрии, Швейцарии и Лихтенштейне. При этом ученый подчеркивает, что внешнее разграничение немецкого языка от других языковых сообществ обычно не представляет трудности [*Ibid.*, S. 55]. И Х. Лёфлер ставит закономерный вопрос: можно ли считать *немецкой* ту или иную ситуацию лишь на основании общих языковых признаков, на основании какого-либо варианта немецкого языка? [*Ibid.*]. Иначе говоря, предполагает ли принадлежность к немецкому языковому сообществу включение национальных, культурных особенностей, можно сказать, национального самосознания, свойственных *немцам*?

Этот вопрос является важным и для нашего исследования, поскольку, несомненно, одной из главных отличительных особенностей языкового сообщества российских немцев и одной из причин их обособленного проживания

на протяжении долгого времени являлось то, что главным языком коммуникации был немецкий, русским языком они владели на низком уровне.

Х. Лёфлер пишет об языковых островах, когда языковое сообщество находится в другом языковом окружении, в частности о немецком языковом острове „Sprachinseldeutsch“ и определяет его следующим образом: “Unter Sprachinseln versteht man solche Fälle, wo außerhalb des geschlossenen Sprachgebietes in einzelnen oder mehreren zusammenliegenden Orten das Deutsche noch als Vollsprache gilt“ («Под языковыми островами понимают такие случаи, когда немецкий язык считается полноценным языком (коммуникации – прим. М. Ю. Васильевой) за пределами замкнутых языковых областей, в отдельных или нескольких находящихся рядом местах»). [Ibid., S. 66]. Одним из таких мест ученый называет Республику немцев Поволжья (Wolgarepublik), где проживало до Второй мировой войны около половины миллиона говорящих на гессенском диалекте поволжских немцев.

С помощью метода обобщения словарных дефиниций удалось выявить следующие значения лексемы *deutsch* в немецком языке и вычислить лексикографический индекс яркости (ЛИЯС):

1. die Deutschen, Deutschland betreffend ‘относящийся к немцам, Германии’ (ЛИЯС 1). *Das deutsche Volk* ‘немецкий народ’, *die deutsche Sprache* ‘немецкий язык’, *die deutsche Regierung* ‘правительство Германии’.

1.1. относящийся к немецкому народу

1.2. относящийся к лицу с немецким гражданством

1.3. относящийся к лицу родом из Германии, чей родной язык – немецкий

2. für Deutschland und seine Bevölkerung eigentümlich, charakteristisch ‘свойственный, характерный для Германии и ее населения’ (ЛИЯС 0,25). *Das deutsche Wesen, Gemüt* ‘немецкий характер, нрав’, *deutsche Sagen, Märchen* ‘немецкие легенды, сказки’.

3. in der Sprache der Bevölkerung besonders Deutschlands, Österreichs und in Teilen der Schweiz ‘на языке населения Германии, Австрии и регионов Швейцарии’ (ЛИЯС 1). *Er spricht deutsch* он говорит по-немецки.

4. in der Schriftart, die in Deutschland bis etwa 1940 verbreitet war” ‘шрифтом, распространенным в Германии до примерно 1940 года’ (ЛИЯС 0,5). *Deutsch geschrieben* ‘написано по-немецки’.

Русскоязычные толковые словари определяют лексему *немецкий* как ‘относящийся к немцам, связанный с ними; то, что имеет отношение к Германии и ее жителям’, а также ‘свойственный немцам, характерный для них’, ‘принадлежащий немцам’ [150, с. 85; 169, с. 666; 154, с. 1006; 151, с. 627; 168, с. 518]. Словарь русского языка С. И. Ожегова приводит более широкое толкование и определяет *немецкий* как то, что относится «к немцам, их языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к Германии, ее территории, внутреннему устройству, истории» [160, с. 408]. Кроме того, словарями фиксируется устаревшее значение ‘иностранный, чужеземный’ [150, с. 85; 151, с. 627]. Устаревшее значение связано с этимологией слова, а также с дореволюционной традицией приглашать в семьи для воспитания и обучения детей иностранных гувернеров.

Если обратиться к лексеме *немцы*, на которую ссылаются русскоязычные словари при толковании понятия *немецкий*, то она получает более четкое определение и трактуется как ‘основное население Германии’ [160, с. 407; 154, с. 1007; 151, с. 628; 169, с. 666; 150, с. 93]. Кроме того, приводится устаревшее значение ‘иностранцы, чужеземцы’. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова *немцы* определяются не на основании географического места, а на основании владения немецким языком и определяются как «люди, говорящие на немецком языке, но образующие разные национальности, различающиеся между собой по территории, на которой они живут, по условиям экономической жизни, по психическому складу, а также по культуре», при этом выделяются швейцарские, австрийские, германские и поволжские немцы [168, с. 520]. Лексемы *немец* в единственном числе во многих русскоязычных толковых словарях нет [160; 168; 154], лишь в Большом академическом словаре представлены значения с пометами «разговорное» ‘о преподавателе немецкого языка’ и «устаревшее» ‘о воспитателе, обучающем детей немецкому языку,

немецкой культуре' [150, с. 93]. Исследование лексикографического значения этнонима «немец» и его соотнесение с психолингвистическим значением также проводилось воронежским лингвистом А. В. Рудаковой (2016), в нашей работе значения лексемы *немец* приводятся для уточнения ключевого понятия *немецкий*.

Словарями фиксируется и такая лексема, как *немецина*, означающая «все немецкое (о нравах, привычках, образе жизни)» и обладающая неодобрительным оттенком, а также имеющая значение «немецкой страны, земли, Германии» [168, с. 517; 154, с. 1006], разговорное *немчик*, имеющее пренебрежительный оттенок и значащее «немец», и просторечное *немчура*, содержащее негативные коннотации в значении «немцы» или обладающего значением «отдельного представителя немецкой нации» [150, с. 94].

Методом обобщения словарных дефиниций были выделены три значения (семемы) лексемы *немецкий* в русском языке и вычислен ЛИЯС. Представим результаты лексикографического анализа и приведем пример употребления:

1. 'Относящийся к немцам, их языку, культуре, Германии' (ЛИЯС 1). *Немецкий язык, немецкая литература, немецкий поэт.*

Если принять во внимание дефиницию лексемы «немцы», то представляется возможным уточнить (дополнить) значение:

1.1. 'Относящийся к основному населению Германии'

1.2. 'Относящийся к людям разных национальностей, говорящим на немецком языке и различающимся по территории, экономике, психическому складу и культуре'

2. 'Свойственный немцам, характерный для них' (ЛИЯС 0,8). *Немецкая пунктуальность, немецкая любовь к порядку.*

3. 'Иностраннный, чужеземный' (устаревшее) (ЛИЯС 0,3). *Немецкий фасон платья.*

В результате семасиологического и дефиниционного анализа можно констатировать, что ключевые значения лексем *немецкий* и *deutsch* во многом совпадают и определяются как «относящийся к немцам, Германии, языку немцев», «свойственный немцам, характерный для них». Немецкоязычные

толковые словари представляют еще дополнительные значения лексемы с учетом других немецкоговорящих стран и определяют *deutsch* как «на языке Австрии и регионов Швейцарии», а также указывают на вид шрифта. В русскоязычных толковых словарях приводится устаревшее значение лексемы *немецкий* «иностранный, чужеземный». Интегрированные лексикографические значения лексемы *немецкий / deutsch* представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Интегрированные лексикографические значения лексемы *немецкий / deutsch*

Интегрированные лексикографические значения	
немецкий	deutsch
1. ‘Относящийся к немцам, их языку, культуре, Германии’ 1.1. ‘Относящийся к основному населению Германии’ 1.2. ‘Относящийся к людям разных национальностей, говорящих на немецком языке и различающихся по территории, экономике, психическому складу и культуре’ 2. ‘Свойственный немцам, характерный для них’ 3. ‘Иностранный, чужеземный’ (устаревшее)	1. die Deutschen, Deutschland betreffend ‘относящийся к немцам, Германии’ 1.1. Относящийся к немецкому народу 1.2. Относящийся к лицу с немецким гражданством 1.3. Относящийся к лицу родом из Германии, чей родной язык – немецкий 2. für Deutschland und seine Bevölkerung eigentümlich, charakteristisch ‘свойственный, характерный для Германии и ее населения’ 3. in der Sprache der Bevölkerung besonders Deutschlands, Österreichs und in Teilen der Schweiz ‘на языке населения Германии, Австрии и регионов Швейцарии’ 4. in der Schriftart, die in Deutschland bis etwa 1940 verbreitet war” ‘шрифтом, распространенным в Германии до примерно 1940 года’

При рассмотрении лексемы *немцы* как общего семантического компонента было установлено, что большинством русскоязычных толковых словарей *немцы* дефинируются как ‘население Германии’, лишь в словаре Д. Н. Ушакова основополагающим признаком является не принадлежность к месту проживания, а владение немецким языком и подчеркивается разная национальная принадлежность немцев, это могут быть австрийские, швейцарские, германские и поволжские немцы. Дистинктивным признаком определения *Deutscher* ‘немец’ в

немецкоязычных толковых словарях является принадлежность к немецкому народу, Германии или же обладание гражданством Германии.

Историко-этимологический и лексикографический анализ показал необходимость рассмотрения лексемы *Deutscher/ немец* и ее включения в исследование концепта НЕМЕЦКИЙ.

Для уточнения значения исследуемых лексем необходимо обратиться к синонимическим словарям обоих языков.

В немецких синонимических словарях Duden и Wahrig синонимов к слову *deutsch* не представлено [186; 200; 185]. В цифровом словаре современного немецкого языка DWDS-Wörterbuch указаны синонимы *germanisch* 'германский', *teutonisch* 'тевтонский' [186].

В немецком словаре Duden приведены такие синонимы к лексеме *Deutscher* 'немец', как: *Deutscher Michel (abwertend)* 'немецкий Михель', *Teutone (abwertend)* 'тевтон', *Boche (abwertend, in Frankreich)* 'бош', *Fritz (abwertend, in England)* 'фриц', *Kraut (abwertend, in Amerika)* 'краут', *Fritzki (abwertend, in Russland)* 'фрицы'; *Bayer* 'баварец', *Hesse* 'гессенец', *Pfälzer* 'житель Пфальца', *Preuße* 'пруссак', *Sachse* 'саксонец', *Schlesier* 'силезец', *Schwabe* 'шваб' [185, S. 171]. Большинство синонимов имеет помету «уничижительно». Необходимо отметить, что к синонимам лексемы *Deutscher* 'немец' относятся прозвища, которыми «наградили» немцев другие народы (англичане, русские, французы, американцы), и обозначения локальных групп немцев – баварцы, саксонцы, швабы и т. д.

В Словаре синонимов русского языка З. Е. Александровой приводится следующий синонимический ряд к лексеме *немецкий*: *германский; тевтонский (книж.); иностранный*, а для лексемы *немец* указаны такие синонимы: *германец (прост.); немчура (прост. пренебр.); тевтон (книжн.); иностранец* [147, с. 246].

В Большом синонимическом словаре А. Ю. Кожевникова приводятся следующие синонимы лексемы *немецкий*: *бундесовский (сленг.), германский, тевтонский (книжн.); иностранный* [157, с. 410]. В этом же словаре для лексемы *немец* приводятся следующие синонимы: *бундес (сленг.), ганс (перен., разг.),*

германец (прост.), дойч (сленг.), тевтон (книжн.), фриц, собир.: немчура (прост., пренебр.); иностранец [Там же].

В словаре синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой приводятся в одном синонимическом ряду лексемы *немцы, германцы, пруссаки* и дается такая справка: «Люди, принадлежащие к немецкой национальности. Слово *германцы* употребляется редко; слово *пруссаки*, обозначающее уроженцев или жителей бывшей Пруссии, иногда, обычно с уничижительным оттенком, употребляется как обозначение *немцев* вообще» [167, с. 645].

Сопоставляя синонимические ряды к лексемам *немецкий* и *немец* в немецком и русском языках, можно заметить пересечения семантики синонимов («тевтон», «пруссак»), которые отсылают к историческому прошлому немцев, а также множество синонимов, имеющих просторечную окраску или пренебрежительный оттенок. По замечанию Н. П. Поповой, данные лексемы ядерной зоны отражают культурно-историческое развитие концепта [86, с. 43]. Таким образом, здесь проявляется семема ‘относящийся к немцам, их языку, культуре, Германии’.

Номинативное поле концепта НЕМЕЦКИЙ в русском языке отличается достаточным объемом и свидетельствует о его значимости. Результаты лексикографического анализа были объединены, и выделены когнитивные признаки концепта НЕМЕЦКИЙ (в скобках приводится количество словарей, объективирующих признак):

относящийся к немцам, их языку, культуре, Германии (9) (при этом нужно учитывать, что само понятие «немцы» как русскоязычные, так и немецкоязычные словари трактуют по-разному),

свойственный немцам (4),

иностранный (5).

Чтобы ранжировать когнитивные признаки по яркости, был вычислен индекс яркости отдельного признака на основании отношения количества словарей, выделивших конкретный признак, к общему количеству словарей:

относящийся к немцам, их языку, культуре, Германии 90 %

иностранный 50 %

свойственный немцам 40 %

Номинативное поле исследуемого концепта DEUTSCH в немецком языке достаточно объемно, что свидетельствует о значимости концепта в немецкой лингвокультуре. В результате лексикографического анализа могут быть выделены следующие когнитивные признаки концепта *deutsch* и установлена их яркость:

относящийся к немцам, Германии (7, 100 %)

на языке населения Германии, Австрии и регионов Швейцарии (5, 71 %)

свойственный Германии и ее населению (2, 29 %)

вид шрифта в Германии до 1940 года (2, 29 %).

Таким образом, анализ лексикографических источников позволил выделить три когнитивных признака концепта НЕМЕЦКИЙ в русском языке и четыре когнитивных признака концепта DEUTSCH в немецком языке.

§ 2.5. Фразеологическая и паремиологическая репрезентация концепта НЕМЕЦКИЙ в немецком и русском языках

Для уточнения семантики исследуемой лексемы и выявления коннотативных значений рассмотрим ее использование в устойчивых словосочетаниях и поговорках. Как пишет крупный исследователь фразеологии в лингвострановедческом аспекте Д. Г. Мальцева, «в любом фразеологизме заложено своеобразие восприятия мира через призму языка и национальной культуры» [159, с. 11]. Фразеологизмы культурно-специфичны и содержат сведения о традициях и обычаях носителей языка, их особом взгляде на мир, национальном характере и менталитете.

Отбор фразеологического материала проводился по толковым и фразеологическим словарям. На основании фразеологической репрезентации лексем становится возможным выявить, прежде всего, их оценочный потенциал, что показывает тот немногочисленный фразеологический материал, который нам удалось обнаружить.

Основными устойчивыми словосочетаниями с лексемой *deutsch*, которые фиксируются немецкоязычными толковыми, идиоматическими и немецко-русскими словарями, являются *deutsch mit jemandem reden*, *etwas auf gut deutsch sagen* и *nicht (kein) Deutsch verstehen*.

Mit j-m deutsch reden/sprechen означает jmdm. unverblümt die Wahrheit, die Meinung sagen ‘говорить правду, высказывать мнение напрямик/ без обиняков’, *auf gut deutsch (sagen)* имеет значения *offen, verständlich reden, ohne Umschweife und Hintergedanken geradeheraus und deutlich seine Meinung, die ungeschminkte Wahrheit sagen*, то есть 1. ‘(говорить) доходчиво, внятно’. 2. ‘без обиняков, говоря откровенно’ [179, S. 194; 184; 194, S. 401; 196, S. 316; 159, с. 154; 177, с. 401]. Известный исследователь немецких поговорок Ф. Зайлер, опираясь на семантику данных устойчивых словосочетаний, заключает особый немецкий характер: «Мы приписываем себе честный и открытый характер, нам нечего скрывать. Не приукрашивая и напрямик, называя все своими именами, мы говорим: *etwas auf gut deutsch sagen, Deutsch und gut, Deutsch mit jemand reden, Deutsch von der Leber weg sprechen. Das beste Deutsch ist, das von Herzen geht. Deutscher Mann, Ehrenmann*» [197, S. 294–295].

Разговорное выражение *kein Deutsch verstehen* имеет значение ‘не понимать простого языка’, то есть «не понимать простых вещей» (*Du verstehst wohl nicht mehr Deutsch?* (или *kein Deutsch mehr?*) – ты что, простого языка (букв. немецкого языка) не понимаешь?) [149, с. 124]. Л. Рёрих приводит устойчивое словосочетание в несколько иной форме *nicht deutsch verstehen wollen* со значением *dumm sein; etw. absichtlich nicht verstehen wollen* ‘быть глупым; намеренно не хотеть что-либо понимать’ [196, S. 317]. Можно в связи с этим сравнить выражения в русском языке со схожей семантикой: «Ты русского языка не понимаешь?», «Я тебе русским языком говорю!» При этом *undeutsch* ‘не немецки’ употребляется в значении «непонятно», «неразборчиво», в частности, находим такое употребление у Лютера и в диалектах [Ibid.].

Вместе с тем немецкие словари фиксируют дополнительные коннотации лексемы *deutsch*: словосочетание *auf gut deutsch sagen* означает не только

‘говорить ясно, открыто, без прикрас’, но и так же ‘грубо, резко’. Немецкий лингвист Лутц Рёрих замечает: „Mit dem Wort deutsch verbindet man oft seit frühnd. Zeit den Begriff des Klaren, Offenen und Ehrlichen, aber auch den des Derben, Groben” [Ibid., 316].

Используемое во фразеологизме качество немецкого языка как «грубого, простого, резкого» исследователь Д. Г. Мальцева объясняет средневековой традицией противопоставлять латыни «народный язык» *deutsch*. Поэтому, по замечанию ученого, изначально выражение *deutsch mit j-m reden* означало «говорить с кем-либо на простом, грубом языке» (а появление фразеологизма отмечается 15-м веком) и лишь позднее приобрело смысл «говорить с кем-либо напрямик, ясно, откровенно» [159, с. 154–155].

Примечательно, что в немецко-русском синонимическом словаре под редакцией И. В. Рахманова в качестве синонима лексемы *deutsch* приводится лексема *aufrichtig* ‘искренний’ [163, с. 117].

Можно отметить еще одно устойчивое словосочетание с лексемой *deutsch* – ироническое выражение *der deutsche Michel* ‘немецкий Михель’, означающее «национально-ограниченного немецкого бюргера; фигуру, воплотившую в себе типичные черты немецкой отсталости в период между освободительными войнами 1813–1814 гг. и революцией 1848 г.» [149, с. 397].

В результате анализа семантики фразеологизмов со словом *deutsch* можно заметить, что лексема актуализируется в значении «свойственный немцам» и приобретает дополнительные семы – «прямолинейность», «открытость», «честность», «грубость», «ограниченность». Можно сказать, что когнитивный признак «свойственный немцам» конкретизируется, и фразеологически объективируются следующие когнитивные признаки: *прямолинейность* (3; 42,9 %), *ограниченность* (1; 14,3 %).

Во фразеологических словарях русского языка также содержится небольшое количество фразеологического материала со словом *немецкий*, в некоторых словарях [171; 172; 173] исследуемая лексема отсутствует. Устойчивыми словосочетаниями с лексемой *немецкий*, фиксируемыми русскоязычными

словарями, являются *немецкая аккуратность*, просторечное, устаревшее сочетание *немецкое платье* и *немецкая слобода*.

Немецкая аккуратность означает ‘чрезмерную педантичность в чем-л.’ [174, с. 654; 150, с. 85; 160, с. 407]. *Немецкое платье* имеет значение ‘платье городского покроя, в отличие от деревенского костюма (поддевки, кафтана, сарафана и т. п.)’ [168, с. 518]. *Немецкой слободой* обозначается ‘часть города, где жили иностранцы в России 16 – 17 веков’ [160, с. 407].

Если первое фразеологическое сочетание с лексемой *немецкий* в эмоционально-экспрессивной форме актуализирует сему «педантичность», которую можно отнести к семеме ‘свойственный немцам, характерный для них’, то следующие два репрезентируют значение ‘иностранный, чужеземный’. Таким образом, фразеологически актуализируются когнитивные признаки *иностранный* (2; 20 %) и *педантичный* (1; 10 %).

Анализ фразеологического материала позволил уточнить семный состав и оценочный потенциал лексикографических значений лексем *deutsch*, *немецкий*.

Когнитивные признаки, расположенные на периферийном поле концепта, позволяют выявить паремии. Паремии содержат древние представления, которые складывались на протяжении веков, и отражают прежнее отношение народа к исследуемому концепту, особенности ментальности этноса. Чаще всего паремии находятся на крайней периферии значения, отражая наименее значимые для современной действительности когнитивные признаки. Как замечают З. Д. Попова и И. А. Стернин, «паремии отражают интерпретацию концепта сознанием народа преимущественно в исторической перспективе» [84, с. 200].

Корпус паремологического материала составляет 62 пословицы, 33 пословицы в немецком языке и 29 пословиц в русском языке. Они содержат лексему-номинант исследуемого концепта или этноним «немец», поскольку данный этноним входит в содержание лексемы-номинанта нашего концепта и является ключевым для когнитивных признаков. Материалом для исследования паремииологической репрезентации концепта НЕМЕЦКИЙ послужили словари пословиц и поговорок, в частности словарь пословиц немецкого языка Deutsches

Sprichwörterlexikon К. Ф. В. Вандера, Deutsche Sprichwörterkunde («Учение о пословицах и поговорках») Ф. Зайлера, „Die deutschen Sprichwörter“ К. Зимрока, сборник „Wahrig Zitate und Redewendungen“, сборник пословиц русского языка В. И. Даля, «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова, сборник русских пословиц и поговорок «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках» И. И. Иллюстрова [152, 155, 156, 178, 180, 197, 199].

Отобранные паремии прошли процедуру когнитивной интерпретации, были выделены когнитивные признаки и упорядочены по яркости. Яркость признака определяется как количество пословиц, объективировавших конкретный когнитивный признак.

Большинство немецких паремий актуализирует значение «свойственный немцам», конкретизируя его в различных чертах характера и склонностях, которые немцы приписывают именно себе. Таким образом, на основании паремиологических объективаций можно выделить следующие основные когнитивные признаки:

1. *Страсть к еде и выпивке (12):* Der Deutsche rechnet auf einen Koch drei Kellner (У немца на одного повара приходится три кельнера); Deutsche können alle Plagen, aber keinen Durst ertragen (Немцы могут на все жаловаться, но жажды вынести не могут); Deutsche lernen von Spaniern stehlen und Spanier von Deutschen fressen und saufen (Немцы учатся у испанцев воровать, а испанцы у немцев – жрать и выпивать); Der Teutschen Sauffen, der Italiäner Liebe, und der Spanier Mauserey kann man keine Gesetze geben (Невозможно прописать законы немцу в выпивке, итальянцу – в любви, испанцу – в воровстве); Die Teutschen vertrincken die Sorge, der Frantzose versingt sie, der Spanier verweint sie, der Engländer verlacht sie, der Italiäner verschläft sie (Немцы оставляют заботы в выпивке, французы – в песне, испанцы – в слезах, англичане – в смехе, итальянцы – во сне); Für den Deutschen Saufen, der Spanier Raufen, der Italiener Liebestreiben, lassen sich keine Gesetze schreiben (Закон не писан: для немцев – в выпивке, для испанцев – в драке, для итальянцев – в любви); Die Deutschen haben das Perpetuum mobile viel glücklicher ausgedacht als die Mathematici, sintemahl ihre Becher und Gläser niemahls

stille stehen (Немцы придумали вечный двигатель намного удачнее, чем математики, ведь их бокалы и стаканы никогда не пустуют); Man muss den Deutschen Knödel und Sauerkraut lan, will man keine Prügel han (Если не хочешь драки – дай немцу кнедли и кислой капусты); Deutsch wie Sauerkohl und Wurst (Немецкий как кислая капуста и колбаса); Der Deutsche nichts lieber kaut als Bratwurst und Sauerkraut (Ничто немец не жует с таким удовольствием, как жареную колбасу и кислую капусту); Die Deutschen trinken des Abends den Wein und am Morgen die Hefen (Вечером немцы пьют вино, а утром – пиво); Was der Deutsche bezahlt, das isst er auch (То, за что немец платит, он и съедает).

По замечанию К. Вандера, автора одного из самых значимых сборников немецких паремий, в немецких пословицах особо подчеркивается тяга немцев к вкусной еде и выпивке. (Den Deutschen wird in der sprichwörtlichen Charakteristik besonders ihre vorherrschende Neigung zum Essen und Trinken vorgehalten).

2. *Прямолинейность (7)*: Auf gut deutsch von der Sache reden (Напрямую (дословно: на ясном немецком) говорить о деле); Deutsch und gut (Ясно и понятно); Deutsch von der Leber weg sprechen (Говорить откровенно, напрямик); Das war deutsch gesagt (Это было сказано резко, прямо (дословно: по-немецки)); Nicht deutsch verstehen (Не понимать простых вещей (дословно: по-немецки)); Ich sag' dir deutsch wie ich es mein', man hängt die kleinen Dieb allein (Говорю тебе напрямик (дословно: по-немецки): мелких воров вешают в одиночку); Deutsch mit jemand reden (Высказывать мнение напрямик).

3. *Воинственная храбрость (4)*: Der Deutschen Lob besteht auf guter Rüstung und nicht auf stolzen Kleidern (Хвала немцам основывается на хорошем снаряжении, а не на величественных одеждах); Die Deutschen kriegen mit Eisen, nicht mit Gold (Немцы добиваются железом, а не золотом); Wer im Krieg will Unglück han, der fang' es mit den Deutschen an (Кто хочет неудачи в войне, тот начинает воевать с немцами); Wir Deutsche fürchten Gott, aber sonst nichts in der Welt (Мы, немцы, боимся только Бога, остальное в мире нам не страшно).

4. *Верность слову (3)*: Es ist ein alter Deutscher (Это старый немец); Was der Deutsche verspricht, das hält er (Что немец пообещал, то сдержит); Deutscher Mann, Ehrenmann (Немецкий муж, человек чести);

5. *Отличие немцев от других наций (3)*: Bei drei Deutschen findet man zwei Soldaten, bei drei Engländern zwei Hurenhengste, bei drei Franzosen zwei Köche, bei drei Italienern zwei Pfaffen (Из трех немцев двое окажутся солдатами, из трех англичан два – бесстыдниками, из трех французов два – поварами, из трех итальянцев два – священниками); Der Deutsche denkt an das, was gewesen, der Franzose an das, was ist, und der Spanier an das, was sein wird (Немец думает о том, что было, француз – о том, что есть, испанец о том, что будет); Der Deutsche denkt es aus, der Franzose macht`s nach zu Haus, der Brite kommt hinterdrein und steckt den Nutzen ein (Немец придумывает, француз берет идею с собой, британец идет следом и получает выгоду).

6. *Разобщенность (1)*: Die Deutschen sind schwer unter einen Hut zu bringen (Немцев трудно объединить).

7. *Невозмутимость (1)*: Der Deutsche ist schwer in Harnisch zu bringen, aber noch schwerer wieder heraus (Немца трудно вывести из себя, но еще труднее обратно успокоить).

8. *Ловкость (1)*: Der Deutsche hat seinen Witz in den Fingern (Остроумие немца на кончиках пальцев).

9. *Чуждачество (1)*: Wir Deutschen sind ganz eigene Käuze (Мы, немцы, себе на уме (чудаки)).

Отдельно можно выделить ряд пословиц о немцах, которые были заимствованы из других языков: литовского, русского, польского, английского, итальянского, датского. С точки зрения других народов, немец отличается *недостатком ума*: Der Deutsche wird schon noch so klug werden als der Litauer (Немцу еще предстоит стать таким умным, как литовец); Wer als Deutscher geboren wird, den hat Gott hinlänglich gestraft (Кто немцем родился, того Бог достаточно наказал); Er ist wie ein Deutscher, er versteht das Wort vernünftiger Leute nicht (Он как немец: не понимает слов разумных людей); *дьявольской натурой*:

Ein Deutscher, der italisch worden, ist von des Teufels bestem Orden (Немец, ставший итальянцем, – из лучшего ордена дьявола); Ein italisirter Deutscher ist der leibhaftiger Teufel (Немец, ставший итальянцем, – дьявол во плоти); *ограниченностью*: Der Deutsche muss einen Zopf haben (Немец должен иметь косу); *сребролюбием*: Was macht (thut) der Deutsche nicht fürs Geld! (Что немец не сделает ради денег!). Однако данные пословицы мы не используем для исследования когнитивных признаков, поскольку они были заимствованы у других народов и отражают чужие представления о немцах.

Кроме того, нужно сказать, что мы не включаем в когнитивную интерпретацию пословицы, которые относятся к различным этническим группам немцев: баварцам, швабам, гессенцам и другим, которые представлены в том же сборнике Ф. Зайлера. К примеру, Ф. Зайлер пишет: «Баварцы и померанцы грубы, гессенцы и швабы слепы, пруссаки и саксонцы – сообразительны. О пруссаках и швабах говорят, что у них «два желудка и нет сердца» (*daß sie zwei Magen und kein Herz haben*), то есть они прожорливы и бессердечны. В диалектах швабские и баварские народы ставятся рядом как наиболее заметные». Из всех народностей швабы – наиболее частый объект насмешек. Баварцы сложили, к примеру, про швабов такую пословицу: «*Schwäbisch ist gäbisch (linkisch, eigensinnig, halbverrückt)*» (*дословно*: Шваб значит дурной).

Рассмотрение пословиц, которые относятся к различным этническим группам немцев, сделало бы наше исследование менее определенным и ясным, поскольку каждая группа выискивала для насмешек определенные негативные черты у соседей и подчеркивала собственные достоинства. Нас же интересует общая картина представлений, автостереотипов немцев.

Также был определен индекс яркости когнитивных признаков, вычисляемый как соотношение количества пословиц для каждого признака к общему числу паремий. Когнитивные признаки концепта DEUTSCH, выделенные на основании анализа паремий, распределяются по индексу яркости следующим образом:

Страсть к еде и выпивке 36,4 %

Прямолинейность 21,2 %

Воинственная храбрость 12,1 %

Верность слову 9,1 %

Отличие немцев от других наций 9,1 %

Разобщенность 3 %

Невозмутимость 3 %

Ловкость 3 %

Чуждачество 3 %

Для построения полевой структуры необходимо выделить ядро и периферийные слои на основе яркости каждого признака.

Ядро: Страсть к еде и выпивке 36,4 %; Прямолинейность 21,2 %

Ближняя периферия: Воинственная храбрость 12,1 %;

Дальняя периферия: Верность слову 9,1 %; Отличие немцев от других наций 9,1 %

Крайняя периферия: Разобщенность 3 %; Невозмутимость 3 %; Ловкость 3%; Чуждачество 3 %

Полевая структура концепта DEUTSCH на основе анализа паремий представлена на рисунке 5.

Рисунок 5 – Полевая структура концепта DEUTSCH на основе анализа паремий

Пословицы, репрезентирующие концепт НЕМЕЦКИЙ в русском языке, также были подвергнуты процедуре когнитивной интерпретации. Здесь также конкретизируется когнитивный признак «свойственный немцам», актуализируя черты характера немцев, а также выделяется когнитивный признак «иностранный». Всего было выявлено 7 когнитивных признаков:

1. *Ум (9)*: Немец своим разумом доходит, а русский глазами; У немца на все струмент есть; Хитер немец: обезьяну выдумал; Немец без штуки с лавки не свалится; Настоящий немец (точен, педант, причудлив); Немецкая (т. е. точная, школярная) ученость; С немецкой стати на дурацкую статью (или: руку, лад); Кабы у немца наперед, что у русского назад, – с ним бы и ладов не было (ум); Мудрые немцы – камышинцы.

2. *Чужой, иностранный (6)*: От русских отстал, а к немцам не пристал; Что русскому здорово, то немцу смерть; Немец хоть и добр человек, а все лучше

повесить; Русский немцу задал перцу; Жены не перелюбишь, немца не перепишешь; Русский час – десять, а немецкому и конца нет.

3. *Негативные черты характера (4)*: У немца ножки тоненьки, душа коротенька; Это финти-фанты, немецкие куранты (т. е. плутни); Немчина хитрая, безверная, басурманская; Пьет по-русски, а врет по-немецки.

4. *Подражание немецкому языку (4)*: Штуки – шпеки, немецки человеки; Шпрехен зи дейч, Иван Андреич?; Вас ис дас? – Кислый квас; Прусский гут (хорош), а русский гутее (солдатск.).

5. *Наименования-клички (3)*: Немец – шмерец, копченый, колбаса, колбасник, сосиска; Немец Иван Иванович, Адам Адамыч и пр.; Ноги многи, глаза быстры, а шейка шлеп-шлеп (рак, так дразнят немцев).

6. *Относящийся к Германии (2)*: Летит орел через немецки города, берет ягоды зрелы и не зрелы (смерть); Немецкую масленицу справлять (т. е. гулять во время поста).

7. *Гибкость (1)*: Вербa – что немец: куда ни ткни, тут и примется.

Сложность когнитивной интерпретации пословиц обусловлена тем, что они отражают не только особенности развития взаимоотношений между русскими и немцами, но и ценностные установки, характерные для определенной исторической эпохи. Кроме того, по замечанию Н. Н. Поповой, исследовавшей ассоциативно-семантическое поле «немец», «они (т. е. пословицы – прим. М. Ю. Васильевой) представляют собой абсолютно субъективные суждения, которые в имплицитном виде отражают взаимосвязь с другими культурными концептами (например, выражение «немецкая ученость» вскрывает комплекс представлений, связанных с концептом «ученость/ рациональность»)» [86, с. 50].

Также для каждого когнитивного признака был вычислен индекс яркости:

Ум 31 %

Иностранный 20,7 %

Негативные черты характера 13,8 %

Подражание немецкому языку 13,8 %

Наименования-клички 10,3 %

Относящийся к Германии 6,9 %

Гибкость 3,5 %

Для построения полевой структуры концепта распределим когнитивные признаки по ядру и периферийным слоям в соответствии с яркостью признака.

Ядро: Ум 31 %; Иностранный 20,7 %

Ближняя периферия: Негативные черты характера 13,8 %; Подражание немецкому языку 13,8 %; Наименования-клички 10,3 %

Дальняя периферия: Относящийся к Германии 6,9%

Крайняя периферия: Гибкость 3,5 %

Полевая структура концепта НЕМЕЦКИЙ на основе анализа паремий представлена на рисунке 6.

Рисунок 6 – Полевая структура концепта НЕМЕЦКИЙ на основе анализа паремий

В результате анализа паремиологических фондов и выделения когнитивных признаков с дальнейшим построением полевой структуры концепта можно заметить, что общие когнитивные признаки в немецком и русском языках, объективированные паремиями, отсутствуют.

Ядро концепта в исследуемых языках формируют абсолютно разные характеристики немцев: если в русских паремиях подчеркиваются *Ум* (31 %), изобретательность немцев, то в немецком языке центральными становятся *Страсть к еде и выпивке* (36,4 %) и *Прямолинейность* (21,2 %), под которой чаще всего подразумевается недвусмысленная, искренняя, ясная речь. Кроме того, в ядро концепта в русском языке входит признак *Иностранный* (20,7 %), отграничивающий «русский мир» от чужеземцев с иной культурой и традициями.

Несовпадения обнаруживаются и в периферийной части. В немецких паремиях выделяются положительные качества: *Воинственная храбрость* (12,1 %) на ближней периферии, *Верность слову* (9,1 %) – на дальней. На дальней периферии в немецком языке находится признак *Отличие немцев от других наций* (9,1 %), когда немцы сравниваются с другими этническими группами: французами, испанцами, итальянцами, англичанами. Согласно русским паремиям, ближняя периферия представлена признаком с негативной оценкой – *Негативные черты характера* (13,8 %), немцам приписываются хитрость, лживость, безверие. На ближней периферии располагаются также признаки *Подражание немецкому языку* (13,8 %), когда на русском языке используются типичные немецкие фразы (*Вас ис дас?* – Кислый квас) или же слова коверкаются в соответствии с правилами русского языка (*Прусский гут* (хорош), а русский гутее), и *Наименования-клички* (10,3 %), представленный кличками, которыми дразнят немцев в русскоязычной среде (*немец-шмерец*). В русском языке дальняя периферия концепта **НЕМЕЦКИЙ** представлена когнитивным признаком *Относящийся к Германии*, в русских паремиях речь идет о немецких традициях (немецкая масленица) или немецких городах. Компонентами крайней периферии в немецком и русском языках являются когнитивные признаки, вербализирующие различные качества немцев или социальное поведение: в немецких паремиях

подчеркиваются *Невозмутимость, Ловкость, Чудачество, Разобщенность* немцев, в русских пословицах говорится о *Гибкости* немцев.

§ 2.6. Объективация концепта НЕМЕЦКИЙ в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев

Использование экспериментальных методик позволяет провести глубокий анализ концепта, выявить дополнительные когнитивные признаки, уточнить их яркость в языковом сознании представителя определенной лингвокультуры. Н. В. Уфимцева причисляет свободный ассоциативный эксперимент к методам исследования языкового сознания. Он предполагает в качестве контекста весь прошлый речевой и неречевой опыт носителя языка или культуры [92, с. 7].

На лексему *deutsch* было получено 278 реакций, ассоциативное поле представлено в приложении 3. В результате когнитивной интерпретации были установлены когнитивные признаки исследуемого концепта, при этом различные, но сходные по значению языковые средства были объединены в отдельный когнитивный признак. Рядом указано количество ассоциатов, объективировавших признак, ниже приведены языковые единицы, которые были обобщены в ходе когнитивной интерпретации:

1. Язык 141

Sprache ‚язык‘ 92, Muttersprache ‚родной язык‘ 20, schwere Sprache ‚трудный язык‘ 8, sprechen ‚говорить‘ 8, Adjektiv ‚прилагательное‘ 4, Grammatik ‚грамматика‘ 3, Sprache in Deutschland ‚язык в Германии‘ 2, komplexe Sprache ‚сложный язык‘ 1, Duden ‚Дуден‘ 1, Sprachauswahl auf Webseiten ‚выбор языка на веб-сайтах‘ 1, Kommunikation ‚коммуникация‘ 1.

2. Определенная черта характера 25

pünktlich ‚пунктуальный‘ 5, spießig ‚обывательский‘ 3, ordentlich ‚аккуратный‘ 2, korrekt ‚правильный‘ 2, Disziplin ‚дисциплина‘ 1, genau ‚точный‘ 1, penibel ‚кропотливый‘ 1, fromm ‚благочестивый‘ 1, Stigmatisierung ‚стереотипность‘ 1, engstirnig ‚ограниченный‘ 1, Geselligkeit ‚общительность‘ 1,

Zusammenhalt ‘сплоченность’ 1, bestimmte Eigenschaften ‘определенные качества’ 1, typisch deutsch ‘типично немецкий’ 1, groß ‘большой/ великий’ 1, klein ‘маленький’ 1, reich ‘богатый’ 1.

3. *Сложный* 21

schwer ‘тяжелый’ 13, schwierig ‘трудный’ 6, kompliziert ‘сложный’ 1, komplexe Sprache ‘сложный язык’ 1.

4. *Гражданство* 18

Staatsangehörigkeit ‘гражданство’ 13, Nationalität ‘национальность’ 3, sein ‘быть’ 2.

5. *Германия* 14

Deutschland ‘Германия’ 8, aus Deutschland ‘из Германии’ 1, Land ‘страна’ 4, Berlin ‘Берлин’ 1.

6. *Школьный предмет* 12

Fach in der Schule/ Unterrichtsfach ‘школьный предмет’ 7, Schule ‘школа’ 4, Klausur ‘контрольная’ 1.

7. *Люди* 12

ich ‘я’ 9, Mama ‘мама’ 2, wir ‘мы’ 1.

8. *Еда и напитки* 11

Kartoffel ‘картофель’ 5, Bier ‘пиво’ 3, Bratwurst ‘жареная колбаса’ 1, Würstchen ‘сосиска’ 1, Kartoffelsalat ‘картофельный салат’ 1.

9. *Общественное, политическое или культурное явление* 10

Fußball ‘футбол’ 2, Sandalen/ Sandalen mit Socken ‘сандалии’ 2, Bildung ‘образование’ 1, Politik ‘политика’ 1, Geschichte ‘история’ 1, Kultur ‘культура’ 1, Buch ‘книга’ 1, Tanzen ‘танцы’ 1.

10. *Родина* 6

Heimat ‘Родина’ 3, Zuhause ‘родной дом’ 2, heimatlich ‘родной’ 1.

11. *Флаг* 3

Flagge ‘флаг’ 3

12. *Бюрократия* 2

Bürokratie ‘бюрократия’ 2

13. *Традиция* 2

Tradition ‘традиция’ 1, traditionell ‘традиционный’ 1

14. *Определенная личность* 2

Angela Merkel ‘Ангела Меркель’ 1, Peter ‘Петер’ 1

Единичные реакции: Schäferhund ‘овчарка’ 1, Qualität ‘качество’ 1, kein Spaß ‘не приносит удовольствия’ 1, получено 7 отказов.

Для каждого когнитивного признака был вычислен индекс яркости как отношение количества ассоциатов, объективирующий данный признак, к общему количеству реакций, полученных в эксперименте. Когнитивные признаки распределены в порядке убывания следующим образом:

Язык 50,7 %

Определенная черта характера 9 %

Сложный 7,6 %

Гражданство 6,5 %

Германия 5 %

Школьный предмет 4,3 %

Люди 4,3 %

Еда и напитки 4 %

Общественное, политическое или культурное явление 3,6 %

Родина 2,2 %

Флаг 1 %

Бюрократия – менее 1 % (0,7 %)

Традиция – менее 1 % (0,7 %)

Определенная личность – менее 1 % (0,7 %)

Можно заметить, что часть испытуемых, несмотря на проведение эксперимента в письменной форме и предъявление стимула deutsch («немецкий») со строчной буквы, спонтанно выдавала реакции на омонимичный стимул Deutsch («немецкий язык») или der/ die Deutsche («немец/ немка»), что отразилось на результатах исследования.

Обратимся к ассоциативному полю концепта *немецкий*. На лексему *немецкий* было получено 172 реакции, ассоциативное поле представлено в приложении 3. Нами были выделены когнитивные признаки исследуемого концепта и установлен их индекс яркости:

1. *Язык* 112

язык 90, родной 5, Deutsch 5, иностранный язык 2, любимый язык 1, увлекательный язык 1, язык бабушки 1, язык бабушки и дедушки 1, язык моих предков 1, иностранный 1, deutsche Sprache 1, дойч 1, по духу родной, когда слушаю 1, многоэтажность, "как они выговаривают эту Pppp?" 1.

2. *Родные, близкие* 13

бабушка 4, дедушка 2, род 2, родные 1, родственники 1, прабабушка и прадедушка 1, Mutter 1, друг 1.

3. *Определенные черты языка* 12

Красивый 3, интересный 1, отменный 1, качественный 1, мягкий 1, разный 1, редкий 1, скрупулезный 1, увлекательный язык 1, старый 1.

4. *Германия* 9

Германия 8, Бавария 1.

5. *Дом* 6

дом 6.

6. *Любовь* 5

любовь 2, любимый язык 1, доставляет удовольствие 1, душа 1.

6. *Общественное или культурное явление* 4

культура 2, Библия 1, экзамен 1.

7. *Сложный* 2

сложный 1, многоэтажность, "как они выговаривают эту Pppp?" 1.

8. *Порядок* 2

порядок 2.

9. *Еда* 2

штрудель 1, торт 1.

10. *Флаг* 2

флаг Германии 2.

11. *Представители власти Германии* 2

бундестаг 1, канцлер Шольц 1.

Единичные реакции: Мир 1, образ жизни 1, Faterland 1 (написано испытуемым с ошибкой – прим. М. Ю. Васильевой), получен 1 отказ.

По индексу яркости когнитивные признаки концепта *немецкий* распределяются в порядке убывания следующим образом:

Язык 65,1 %

Родные 7,6 %

Определенные черты языка 7 %

Германия 5,2 %

Дом 3,5 %

Любовь 2,9 %

Общественное или культурное явление 2,3 %

Сложный 1,2 %

Порядок 1,2 %

Еда 1,2 %

Флаг 1,2 %

Представители власти Германии 1,2 %

Таким образом, в результате проведения психолингвистического эксперимента нам удалось выделить 14 когнитивных признаков, установленных на основании реакций немцев ФРГ, и 12 когнитивных признаков, полученных на основании реакций российских немцев.

Следующим этапом является описание полевой организации концепта DEUTSCH/ НЕМЕЦКИЙ, при котором выделенные ранее когнитивные признаки разделяются на ядерные и периферийные слои в соответствии с уровнем яркости. В ядро концепта входят наиболее яркие, значимые, устоявшиеся в языковом сознании носителей языка признаки. Периферия содержит неустойчивые, подверженные изменениям признаки.

Полевую структуру концепта DEUTSCH можно описать следующим образом:

Ядро: Язык 50,7 %.

Ближняя периферия: –

Дальняя периферия: Определенная черта характера 9 %; Сложный 7,6 %; Гражданство 6,5 %; Германия 5 %.

Крайняя периферия: Школьный предмет 4,3 %; Люди 4,3 %; Еда и напитки 4 %; Общественное, политическое или культурное явление 3,6 %; Родина 2,2 %; Флаг 1 %; Бюрократия – менее 1 % (0,7 %); Традиция – менее 1 % (0,7 %); Определенная личность – менее 1 % (0,7 %).

Полевая организация концепта DEUTSCH по данным ассоциативного эксперимента в группе немцев ФРГ представлена на рисунке 7.

Рисунок 7 – Полевая организация концепта DEUTSCH по данным ассоциативного эксперимента в группе немцев ФРГ

Полевая структура концепта НЕМЕЦКИЙ с указанием индекса яркости для каждого когнитивного признака, объективированного в сознании российских немцев, представлена ниже.

Ядро: Язык 65,1 %.

Ближняя периферия: –

Дальняя периферия: Родные 7,6 %; Определенные черты языка 7 %; Германия 5,2 %.

Крайняя периферия: Дом 3,5 %; Любовь 2,9 %; Общественное или культурное явление 2,3 %; Сложный 1,2 %; Порядок 1,2 %; Еда 1,2 %; Флаг 1,2 %; Представители власти Германии 1,2 %.

Полевая организация концепта НЕМЕЦКИЙ по данным ассоциативного эксперимента в группе российских немцев представлена на рисунке 8.

Рисунок 8 – Полевая организация концепта НЕМЕЦКИЙ по данным ассоциативного эксперимента в группе российских немцев

По результатам проведенного эксперимента можно заметить определенные сходства и отличия в объективации концепта НЕМЕЦКИЙ немцами ФРГ и российскими немцами. В языковом сознании обеих групп испытуемых когнитивный признак *Язык* относится к ядерному слою, а общий когнитивный признак *Германия* относится к дальней периферии. Общими когнитивными признаками являются также *Сложный; Германия; Общественное или культурное явление; Еда; Флаг*, но они имеют разный индекс яркости, что свидетельствует о разной релевантности в сознании немцев ФРГ и российских немцев.

Любопытными представляются различия в полевой структуре концепта *немецкий* у исследуемых групп. Если российские немцы обращают внимание на свойства, характеристику немецкого языка и выделяют признак *Определенные черты языка*, то немцы ФРГ связывают представления о «немецком» с характером человека, менталитетом народа, придавая особое значение признаку *Определенная черта характера*.

На дальней периферии языкового сознания российских немцев актуализируется когнитивный признак *Родные*, что свидетельствует об идентификации респондентов через родственные и семейные связи. Самоидентификация немцев ФРГ реализуется через принадлежность к государству, на дальней периферии их языкового сознания объективируется признак *Гражданство*. В языковом сознании обеих групп на дальней периферии объективируется признак *Германия*, свидетельствующий об ассоциативной связи «немецкого» с конкретной страной. Важным представляется выделение обеими группами на крайней и дальней перифериях признака *Сложный*, который очевидно относится к свойствам немецкого языка. Любопытным является состав когнитивных признаков на крайней периферии языкового сознания: если у российских немцев преобладают признаки, объективирующие абстрактные понятия: *Дом, Любовь, Порядок*, то у немцев ФРГ признаки более конкретны: *Школьный предмет, Родина, Бюрократия*.

**§ 2.7. Психолингвистические значения лексем «немцы»,
«российские немцы» и «поволжские немцы» в языковом сознании немцев
ФРГ и российских немцев**

По мысли И. А. Стернина, психолингвистическое значение слова при межъязыковом сравнении позволяет обнаружить национальную специфику семантики, этнические стереотипы и когнитивные различия сознания в исследуемых этнических группах [112, с. 10]. Языковая самопрезентация или лингвокультурная самоидентификация исследуемых этнических групп обладает некоторыми особенностями, и в результатах ассоциативного эксперимента можно заметить специфику репрезентации этнонимов в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев.

Цель данного параграфа заключается в выявлении и сопоставлении психолингвистических значений указанных выше этнонимов в языковом сознании российских немцев и немцев ФРГ, обнаружении общих и различающихся сем в семанте данной лексемы.

Психолингвистические значения лексем формулируются на базе ассоциативных полей по методике семантической интерпретации ассоциатов с выделением ядерных и периферийных значений [111, с. 100–106]. Данные ассоциативных полей находятся в приложении 3.

Психолингвистическое значение лексемы *die Deutschen* на основании экспериментальных данных можно представить следующим образом:

1. *Обладающие положительными чертами характера* (58 ии – 23,6 %)

pünktlich ‘пунктуальный’ 30, **ordentlich** ‘аккуратный’ 3, **direkt** ‘непосредственный’ 2, **genau** ‘точный’ 2, **strukturiert** ‘структурированный’ 2, **korrekt** ‘правильный’ 2, **reisen gerne** ‘любят путешествовать’ 2, **Reisenation** ‘путешествующая нация’ 1, **regelbewusst** ‘соблюдающий правила’ 2, **Gesetze** ‘законы’ 1, **penibel** ‘тщательный’ 2, **ernst** ‘серьезный’ 1, **zielstrebig** ‘целеустремленный’ 1, **gründlich** ‘основательный’ 1, **Disziplin** ‘дисциплина’ 1, **streng** ‘строгий’ 1, **organisiert** ‘организованный’ 1, **intelligent** ‘образованный’ 1,

unterschiedlich ‘различный’ 2, Misch-Masch (Multi-Kulti) ‘смешанный (мульти-культи)’ 1

2. *Обладающие негативными чертами характера* (40 ии – 16,3 %)

spießig ‘обывательский’ 8, **Spießer** ‘обыватели’ 2, **Almanns** ‘алманы’ (жаргонное название) 3, **kompliziert** ‘сложный’ 3, **schwierig** ‘трудный’ 1, **engstirnig** ‘недалекий’ 2, **kleinlich** ‘мелочный’ 2, **langweilig** ‘скучный’ 2, **arrogant** ‘высокомерный’ 1, **unfreundlich** ‘неприветливый’ 1, **kühl** ‘холодный’ 1, **wenig offen** ‘недостаточно открытый’ 2, **schauen einem nicht ins Gesicht** ‘не смотрят в лицо’ 1, **sichern ihren Platz mit Handtüchern** ‘занимают места, положив полотенце’ 1, **speziell** ‘специфический’ 1, **angespannt** ‘напряженный’ 1, **verkrampft** ‘напряженный’ 2, **verklemmt** ‘зажатый’ 1, **konservativ** ‘консервативный’ 1, **traditionell** ‘традиционный’ 2, **rassistisch** ‘с расистскими взглядами’ 1, **rechts** ‘праворадикальный’ 1

3. *Народ, нация* (28 ии – 11,4 %)

das (ein) Volk ‘народ’ 20, **Nation** ‘нация’ 3, **Bevölkerung von Deutschland** ‘население Германии’ 2, **Bevölkerung** ‘население’ 1, **eine Bevölkerungsgruppe** ‘группа населения’ 1, **Volksgruppe** ‘этническая группа’ 1

4. *Люди/ группа людей* (28 ии – 11,4 %)

Menschen ‘люди’ 20, **Gruppe von Menschen** ‘группа людей’ 2, **Gemeinschaft** ‘сообщество’ 2, **Gesellschaft** ‘общество’ 2, **Mitmenschen** ‘окружающие’ 1, **die deutschen Personen** ‘немецкие люди’ 1

5. *Определенные культурные, социальные и другие явления* (28 ии – 11,4 %)

Kultur ‘культура’ 4, **Dokumentarfilmreihe/ Dokumentationen** ‘документальные фильмы’ 4, **Fußball** ‘футбол’ 3, **Sandalen** ‘сандалии’ 3, **WM** ‘чемпионат мира’ 1, **Armee** ‘армия’ 2, **Bier** ‘пиво’ 2, **Bürokratie** ‘бюрократия’ 2, **Oktoberfest** ‘Октоберфест’ 1, **Gesetze** ‘законы’ 1, **Häuser** ‘дома’ 1, **Autos** ‘автомобили’ 1, **Politik** ‘политика’ 1, **Schule** ‘школа’ 1, **Urlaub** ‘отпуск’ 1.

6. *Жители Германии, Германия* (27 ии – 11 %)

in Deutschland lebende Menschen / Menschen/ Leute, die in Deutschland leben ‘люди, живущие в Германии’ 6, **Menschen in (aus) Deutschland** ‘люди в (из)

Германии' 4, Deutschland 'Германия' 4, Einwohner Deutschlands 'жители Германии' 4, Bewohner Deutschlands 'жители Германии' 2, Einheimische 'местное население' 2, Heimat 'Родина' 2, Bevölkerung von Deutschland 'население Германии' 1, in Deutschland aufgewachsen und geboren 'родившиеся и выросшие в Германии' 1, Personen meiner Heimat 'люди моей Родины' 1

7. *Историческое прошлое* (19 ии – 7,7 %)

2. Weltkrieg 'Вторая мировая война' 4, Nationalsozialismus 'национал-социализм' 4, NS-Zeit 'период национал-социализма' 3, Geschichte 'история' 3, Hitler 'Гитлер' 2, Nationalsozialisten 'национал-социалисты' 1, Krieg 'война' 1, lange Geschichte 'долгая история' 1

8. *Гражданство* (12 ии – 4,9 %)

Nationalität 'гражданство' 3, Staatsbürger 'граждане' 2, Mitbürger 'сограждане' 2, deutsche Staatsbürger 'немецкие граждане' 1, Staatsangehörigkeit 'гражданство' 1, Bürgerschaft 'граждане' 1, Angehörigkeit 'гражданство' 1, Zugehörigkeit 'гражданство' 1

9. *Стереотипы, предрассудки* (9 ии – 3,7 %)

Klischee 'клише' 3, Vorurteile 'предрассудки' 2, Stereotype 'стереотипы' 2, oft abgestempelt 'часто навешивают ярлыки' 1, haben viele Vorurteile 'имеют много предрассудков' 1

10. *Моя семья, я, мы* (3 ии – 1,6 %)

Familie 'семья' 2, dazu gehöre ich 'я отношусь к ним' 1, wir 'мы' 1.

Не интерпретируются: Nomen Plural + bestimmter Artikel 1, Klassifizierung 1, Verallgemeinerung 1

На основании экспериментальных данных психолингвистическое значение лексемы *немцы* в языковом сознании российских немцев можно представить следующим образом:

1. *Народ, нация* (40 ии – 24,1 %)

народ 26, нация 6, национальность 4, этнос 2, граждане 1, народность 1

2. *Положительные черты характера* (37 ии – 22,3 %)

порядок 5, пунктуальность 4, пунктуальные 3, педанты 2, практичные 2, вежливые 2, точные 2, дружелюбные 1, классные 1, молодцы 1, не фашисты 1, умные 1, хорошие 1, улыбка 1, логичные 1, опрятные 1, ответственность 1, дисциплина 1, прямота 1, рациональные 1, экономные 1, аккуратность 1, сила 1, труд 1

3. *Родственники, семья, друзья* (22 ии – 12 %)

родня 5, семья 3, мы 3, родные 2, родственники 2, папа 2, друзья 2, моя бабушка, сколько себя помню, она всегда очень гордилась тем, что она немка, что ее родители оба немцы 1, предки 1, дед 1

4. *Российские немцы* (20 ии – 12 %) (немцы Поволжья – 6 %)

поволжские 10, российские 7, России 2, Омск 1

5. *Люди* (14 ии – 8,4 %)

люди 14

6. *Германия, люди из Германии* (14 ии – 8,4 %)

Германия 9, гости из Германии 1, мои родственники в Германии 1, Альпы 1, Берлин 1, Европа 1

7. *Связанные с определенным историческим периодом* (8 ии – 4,8 %)

переселенцы 3 (переселенцы 2, приглашенные Екатериной 1), связанные с довоенным периодом истории СССР и ВОВ 3 («немцы идут» 2, репрессии 1), германцы 2

8. *Deutsche* – 1,2 %

Deutsche 2

9. *культура* – 1,2 %

культура 1, великая культура 1

Не интерпретируются: шляпка 1, земля 1, качество 1, коренные 1, лучше 1, требуют привыкания 1, бретцель 1

Психолингвистические значения лексемы *немцы* в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Психолингвистические значения лексемы *немцы* в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев

Немцы ФРГ	Российские немцы
Ядро семантемы	
Обладающие положительными чертами характера – 23,6 % (пунктуальные – 12,2 %, основательные, организованные – 8,9 %)	народ, народность, национальность – 24,1 % с положительными чертами характера – 22,3 % (аккуратные, педантичные, практичные, логичные, трудолюбивые – 13,9 %, пунктуальные – 4,2 %)
Ближняя периферия	
Негативно оцениваемые черты характера – 16,3 % (обыватели – 5,3 %, высокомерные, не приветливые – 2,9 %, мелочные, ограниченные – 2,4 %) Народ, нация – 11,4 % Люди/ группа людей – 11,4 % Определенные культурные, социальные и другие явления – 11,4 % Жители Германии, Германия – 11 %	родственники, семья, друзья – 12 % российские немцы – 12 % (немцы Поволжья – 6 %)
Дальняя периферия	
Историческое прошлое – 7,7 % (национал-социализм и Вторая мировая война – 6,1 %)	люди – 8,4 % Германия, люди из Германии – 8,4 %
Крайняя периферия	
Гражданство – 4,9 % Стереотипы, предрассудки – 3,7 % Моя семья, я, мы – 1,6 %	связанные с историческим периодом – 4,8 % (переселенцы – 1,8 %, связанные с довоенным периодом истории СССР и ВОВ (1930–1940 гг.) – 1,8 %, германцы – 1,2 %) Deutsche – 1,2 % культура – 1,2 %

В языковом сознании российских немцев и немцев ФРГ ядерными значениями лексемы *немцы* являются «положительные черты характера» – 22,3 % и 23,6 % испытуемых соответственно актуализировали данное значение. При этом в обеих группах наиболее частотными ассоциациями являются «пунктуальный» и «порядок»/ «аккуратный». В группе российских немцев выделяется еще одно

ядерное значение – это значение «народ, народность, национальность» (24,1 %). Для немцев ФРГ данное значение актуально, но оно находится на ближней периферии (11,4 %).

Существенно различаются значения ближней периферии: для немцев ФРГ лексема *немцы* ассоциируется с негативными чертами характера (16,3 %), наиболее частотными реакциями являются «обывательский», «высокомерный», «неприветливый». Данное значение, а также другие негативно окрашенные значения полностью отсутствуют у российских немцев. Кроме того, к ближней периферии значения *немцы* у немцев ФРГ относятся «люди» (11,4 %), «определенные культурные, социальные и другие явления» (11,4 %) и «жители Германии, Германия» (11 %). Эти значения актуализированы и российскими немцами, но они находятся на дальней и крайней перифериях. Среди явлений немцами ФРГ выделяются «культура», «документальное кино» и «футбол», значимым явлением для российских немцев является только «культура». Обращает на себя внимание то, что для немцев ФРГ ближняя периферия включает значения как бы «вовне», то есть определяет большие сообщества, группы людей, у российских немцев ближняя периферия представлена значениями, которые служат самоидентификации этнической группы, – это «родственники, семья, друзья» (12 %) и «российские немцы» (12 %) (из них «немцы Поволжья» – 6 %). Для немцев ФРГ явное указание принадлежности себя и своей семьи к немцам практически не характерно: значение «моя семья, я, мы» относится к крайней периферии (1,6 %).

Примечательно, что обе группы испытуемых выделяют историческое прошлое – 7,7 % немцев ФРГ и 4,8 % российских немцев. Но если для немцев ФРГ данное значение включает в себя преимущественно национал-социализм и Вторую мировую войну, то для российских немцев, помимо репрессий и Великой Отечественной войны, также выделяется значение, связанное с историей российских немцев, – «переселенцы».

На крайней периферии значения *немцы* в языковом сознании немцев ФРГ находится еще одно значение с негативной оценкой – «стереотипы,

предрасsudки» (3,7 %), это могут быть стереотипы в мышлении немцев или же стереотипы в отношении немцев.

Таким образом, сопоставление психолингвистических значений лексемы *немцы* в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев выявило сходства и существенные отличия в семанте исследуемой лексемы. Ядерная сема «обладающие положительными чертами характера» характерна для обеих групп испытуемых, остальные значения при совпадении обнаруживают разное место в семанте слова. Для российских немцев лексема *немцы* является маркером собственной этнической идентичности (народ; родственники, семья; российские немцы), у немцев ФРГ превалирует значение больших человеческих сообществ (народ; люди; жители Германии). Кроме того, для немцев ФРГ характерны значения с отрицательной оценкой (отрицательные черты характера, стереотипы), у российских немцев доминируют положительные и нейтральные значения.

Интересным представляется сравнение полученных данных со сведениями в ассоциативных словарях – результатом массовых опросов россиян. Так, например, в Русском региональном ассоциативном словаре Сибири и Дальнего Востока на слово «немец» из 500 реакций наиболее частотными являются: фашист (77); Германия (41); иностранец (32); Гитлер (28); война (22); русский (20); враг (19); фриц (13); национальность, нация, человек (9); пиво, француз (6); Берлин, педант (5); нерусский, педантичность, пунктуальность, Фриц (4); злой, нацист, рыжий, фашизм (3) [Шапошникова 2014: 257]. 120 реакций являются единичными.

В Русском региональном ассоциативном словаре-тезаурусе ЕВРАС на слово-стимул «немец» было получено 544 реакции, самыми частотными стали: фашист (72); Германия (35); русский (34); иностранец (33); враг (24); война (22); национальность, фриц (20); Гитлер (17); человек (11); язык (10); нация (7); пиво (6); каска, нерусский, педантичный, фашизм (5), BMW, пунктуальный (4); ариец, качество, машина, немой, пунктуальность (3) [Черкасова 2014: 132]

Во второй части Славянского ассоциативного словаря (2004) приводится Обратный словарь «От реакции к стимулу», то есть заголовком являются реакции

испытуемых, а затем приведены стимулы к ним. Так, слово «немец» стало реакцией на стимул «враг» в пяти случаях, «немецкая» – на стимул «машина» и «немецкий» единичной реакцией на стимул «враг» [166, с. 316].

Можно заметить, что в данных экспериментальных исследованиях преобладают ассоциации с негативным значением: «фашист», «враг», следующей по частотности является ассоциация «Германия».

Для проведения экспериментального исследования нами были взяты также этнонимы *российские немцы* и *поволжские немцы* и исследованы их психолингвистические значения в языковом сознании немцев ФРГ, а также российских немцев.

Чтобы описать значения этнонимов как элементов языкового сознания, обратимся сначала к лексикографическим источникам. При изучении лексикографического значения слов были привлечены данные пяти немецкоязычных толковых словарей. В трех словарях значение этнонимов не зафиксировано [190; 199; 193]. В немецком толковом словаре Duden российский немец (*Russlanddeutscher*) определяется как *in Russland geborener [und dort lebender] ethnischer Deutscher* ‘родившийся в России [и там живущий] этнический немец’ [182, S. 424], понятие «поволжский немец» отсутствует. В цифровом словаре современного немецкого языка DWDS-Wörterbuch представлено следующее значение для лексемы «российский немец»: *Person mit deutschstämmigen Vorfahren, die in Russland geboren wurde und dort lebt oder für längere Zeit gelebt hat* ‘человек, предки которого были немцами и который родился в России и там живет или жил продолжительное время’ [188]. Этноним «поволжский немец» в DWDS-Wörterbuch также не зафиксирован. Таким образом, немецкими толковыми словарями этноним «российский немец» дефинируется как «человек с немецкими корнями, родившийся в России и живущий/ живший там». Лексема «поволжский немец/ поволжские немцы» ни в одном из немецкоязычных словарей не зафиксирована.

В результате свободного ассоциативного эксперимента в группе немцев ФРГ на стимул «российские немцы» было получено 270 реакций, на стимул «поволжские немцы» – 248 ассоциаций, включая отказы.

Психолингвистические значения были выявлены и описаны на базе ассоциативных полей (приложение 3) по методике семантической интерпретации ассоциатов с выделением ядерных и периферийных значений [10, с. 100–106]. Полевое описание семантемы этнонимов «русские немцы» и «поволжские немцы» представлено в таблице 3.

Таблица 3 – Полевое описание семантемы этнонимов *русские немцы* и *поволжские немцы* в языковом сознании немцев ФРГ

«Русские немцы»	«Поволжские немцы»
Ядро семантемы	
22,4 % (55 испытуемых) – нет ассоциаций	84,6 % (208 испытуемых) – нет ассоциаций
Ближняя периферия	
Ближнее окружение или люди, с которыми есть личные отношения: друзья, знакомые, соседи, семья – 11,8 %	нет
Дальняя периферия	
Мигранты, переселенцы – 8,9 % немцы, часть Германии – 7,3 % славные, приветливые, обходительные, радушные – 7,3 % русские или лица с русским происхождением, проживающие в Германии, люди из России, Россия – 6,5 % люди, сообщество, народ – 6,1 % связанные с историческими событиями и явлениями – 5,3 %	нет
Крайняя периферия	
лишенные Родины, идентичности – 4,5 % связанные с языком – 2,4 % лица, имеющие двойное гражданство – 2 % интегрировавшиеся – 2 % шумные – 2 % имеющие определенный внешний вид – 2 % живущие обособленно – 2 % оскорбление, дискриминирующее понятие – 2 % и русские, и немцы – 1,6 % водка – 1,2 % дисциплинированные – 0,8 % связанные с Казахстаном – 0,8 %	река, Волга – 4,5 % люди/ группа людей – 3,3 % историческое прошлое, события и личности – 2,4 % живущие в Германии, часть немецкого общества – 1,6 % немцы, живущие на Волге – 1,2 % предки – 1,2 % мигранты – 0,8 % связанные с языком – 0,8 %

В языковом сознании немцев ФРГ оба этнонима слабо выражены и не имеют ядерных значений. У 55 испытуемых (22,4 %) и 208 испытуемых (84,6 %) отсутствуют ассоциации к словам-стимулам «российские немцы» и «поволжские немцы» соответственно. К ближней периферии этнонима «российские немцы» относится значение «ближнее окружение» (11,8 %), актуализированное испытуемыми в таких реакциях, как *Freunde* ‘друзья’, *meine/ unsere Nachbarn* ‘мои/наши соседи’, *Familie* ‘семья’, *Umfeld* ‘окружение’. На дальней периферии наиболее ярким является значение «мигранты, переселенцы» (8,9 %), частотными реакциями стали *(russische) Migranten/ Immigranten* ‘(русские) мигранты/иммигранты’, *Einwanderung/ Einwanderer* ‘иммиграция/ переселенцы’, *Auswanderer* ‘эмигранты’, *Umsiedlung* ‘переселение’. При этом испытуемые в реакциях указали на факт миграции как из России или Казахстана в Германию, так и на переселение в обратную сторону, из Германии в Россию.

К дальней периферии понятия «российские немцы» относятся также значение «немцы, часть Германии» (реакции *Deutsche, Teil von Deutschland*) и значение, характеризующее российских немцев, – «славные, приветливые, обходительные, радушные» (частотные реакции *nett, freundlich, herzlich*). Оба значения выделили 7,3 % информантов. На дальней периферии с меньшей долей реакций находятся значения «русские или лица с русским происхождением, проживающие в Германии, люди из России» (6,5 %), подчеркивающее национальную принадлежность, значения «люди, сообщество, народ» (6,1 %) и «связанные с историческими событиями и явлениями» (5,3 %). Исторические факты были актуализированы в языковом сознании немцев ФРГ ассоциатами, связанными с войной (*Krieg* ‘война’), Советским Союзом (*Sowjetunion* ‘Советский Союз’, *Ostblock* ‘Восточный блок’) и современными реалиями (*Putin* ‘Путин’).

На ближней и дальней перифериях понятия «поволжские немцы» отсутствуют значения, что свидетельствует о невысокой известности этнонима среди немцев ФРГ и, следовательно, крайне слабой выраженности в языковом сознании данной этнической группы.

На крайней периферии находятся значения, актуализированные наименьшим количеством реакций (от 2 до 12). Для этнонима «русские немцы» это значения «лишенные Родины, идентичности» (4,5%), «связанные с языком» (2,4 %), «лица, имеющие двойное гражданство» (2 %), «интегрировавшиеся» (2 %), «шумные» (2 %), «имеющие определенный внешний вид» (2 %), «живущие обособленно» (2 %), «оскорбление, дискриминирующее понятие» (2%), «и русские, и немцы» (1,6 %), «водка» (1,2 %), «дисциплинированные» (0,8 %), «связанные с Казахстаном» (0,8 %). Примечательно, что на крайней периферии располагаются взаимоисключающие реакции. Так, часть испытуемых определила российских немцев как изгнанников, лишенных Родины и корней (реакции *heimatlos* ‘не имеющий Родины’, *nicht deutsch, nicht russisch* ‘не немцы, не русские’, *"Russen" fühlen sich weder deutsch noch russisch – sind in Russland die Deutschen und in Deutschland die Russen* ‘«русские» чувствуют себя ни немцами, ни русскими – в России немцами, а в Германии – русскими’), другая часть информантов, напротив, указала на смешанную идентичность (реакции *deutsch-russische Personen* ‘немецко-русские люди’, *fühlt sich teilweise russisch, teilweise deutsch* ‘ощущает себя отчасти русским, отчасти немцем’). Противоположные значения интеграции/ обособления содержат реакции *gut integriert* ‘хорошо интегрировавшиеся’ и *häufig „eigene Siedlungen“* ‘зачастую собственные поселения’, *bilden eigene Kreise* ‘образуют собственные сообщества’, значения шумные/ дисциплинированные – реакции *laut* ‘шумные’ и *diszipliniert* ‘дисциплинированные’. Значение «связанные с языком» включает в себя преимущественно реакции, связанные с языковыми особенностями российских немцев: речь с акцентом (реакции *(russischer) Akzent* ‘(русский) акцент’) и владение несколькими языками (реакции *mehrsprachig* ‘многоязычный’).

На крайней периферии этнонима «поволжские немцы» наиболее ярким является значение, связанное с рекой, с Волгой (4,5 %), отраженное в реакциях *Fluss* ‘река’ и *Wolga-Fluss* ‘река Волга’. Далее на крайней периферии располагаются следующие значения: «люди» (3,3 %), «историческое прошлое,

события и личности» (2,4 %), «живущие в Германии, часть немецкого общества» (1,6 %), «немцы, живущие на Волге» (1,2 %), «предки» (1,2 %), «мигранты» (0,8 %), «связанные с языком» (0,8 %). Как и для этнонима «русские немцы», исторические события проявились в значении, связанном с войной (реакции *Krieg* ‘война’, *die Folgen des 1. und 2. Weltkrieges* ‘последствия Первой и Второй мировой войн’), значение «связанные с языком» также выражается в наличии акцента и многоязычии. Заметим, что хотя все значения этнонима «поволжские немцы» располагаются на крайней периферии языкового сознания немцев ФРГ, среди значений нет «путаницы» в идентичности и «поволжские немцы» однозначно определяются как «немцы».

Можно сделать вывод, что образ российских немцев неярко выражен в языковом сознании немцев ФРГ и проявляется преимущественно через значения, связанные с личным отношением испытуемых и с процессами миграции. Кроме того, образ содержит противоречивые черты, это отражается в значениях этнической идентичности (немец/ русский), интеграции в общество (успешная интеграция/ обособление) и свидетельствует о неустоявшихся представлениях немцев ФРГ о российских немцах. Образ поволжских немцев практически отсутствует в языковом сознании граждан Германии и для небольшой части испытуемых выражается главным образом через значение, связанное с географическим местоположением (река Волга).

Далее рассмотрим психолингвистические значения этнонимов в языковом сознании российских немцев.

Для описания значений лексических единиц как элементов языкового сознания обратимся сначала к лексикографическим источникам. Понятия «русские немцы» и «поволжские немцы» не фиксируются толковыми словарями русского языка [150; 151; 153; 154; 160; 169]. Исключением является словарная статья в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова, в котором лексема «немцы» дефинируется как «люди, говорящие на немецком языке, но образующие разные национальности, различающиеся между собой по территории, на которой они живут, по условиям экономической жизни, по

психическому складу, а также по культуре», и выделяются австрийские, швейцарские, германские и поволжские немцы [168, с. 520]. На основании данного определения можно заключить, что поволжские немцы образуют отдельную национальность, которая отличается от остальных немцев географическим и экономическим положением, культурно-историческим своеобразием.

Этноним «русские немцы» в языковом сознании русских немцев по результатам ассоциативного эксперимента представлен на рисунке 9.

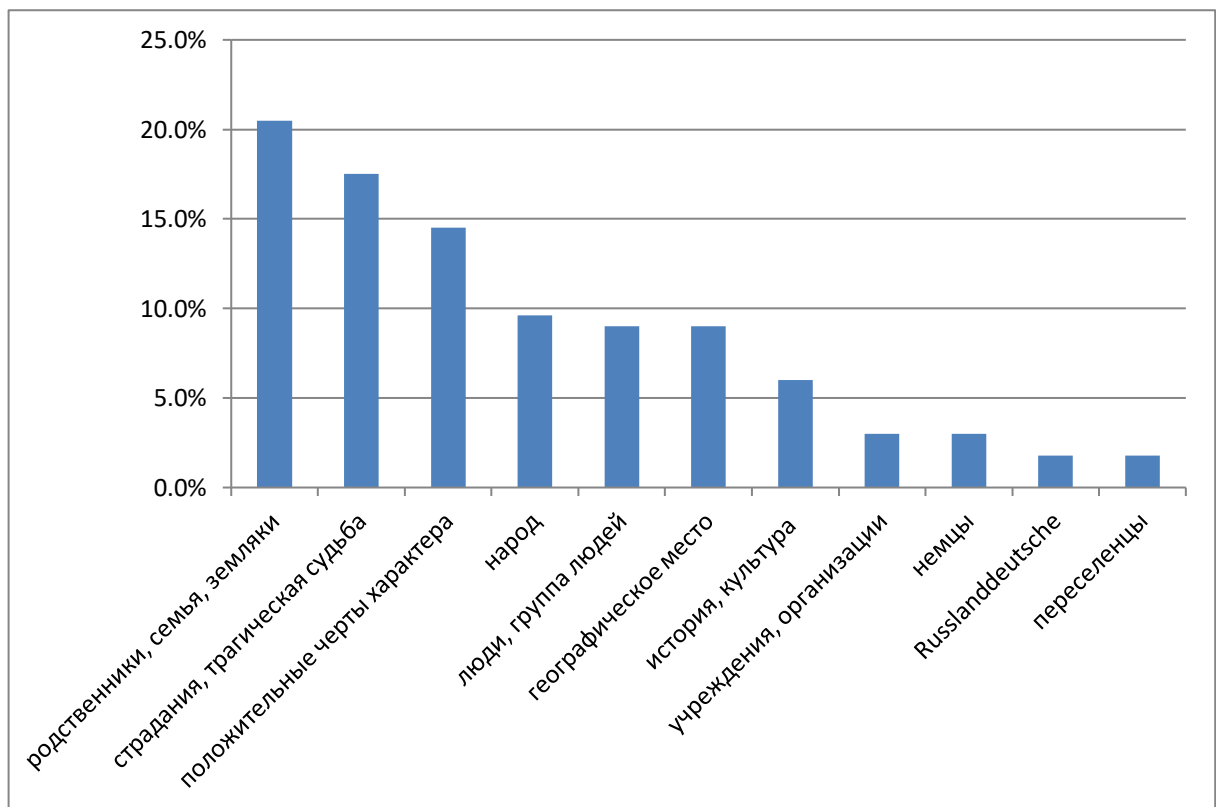

Рисунок 9 – Этноним «русские немцы» в языковом сознании русских немцев по результатам ассоциативного эксперимента (период проведения: сентябрь – октябрь 2022 года)

Этноним «поволжские немцы» в языковом сознании российских немцев по результатам ассоциативного эксперимента представлен на рисунке 10.

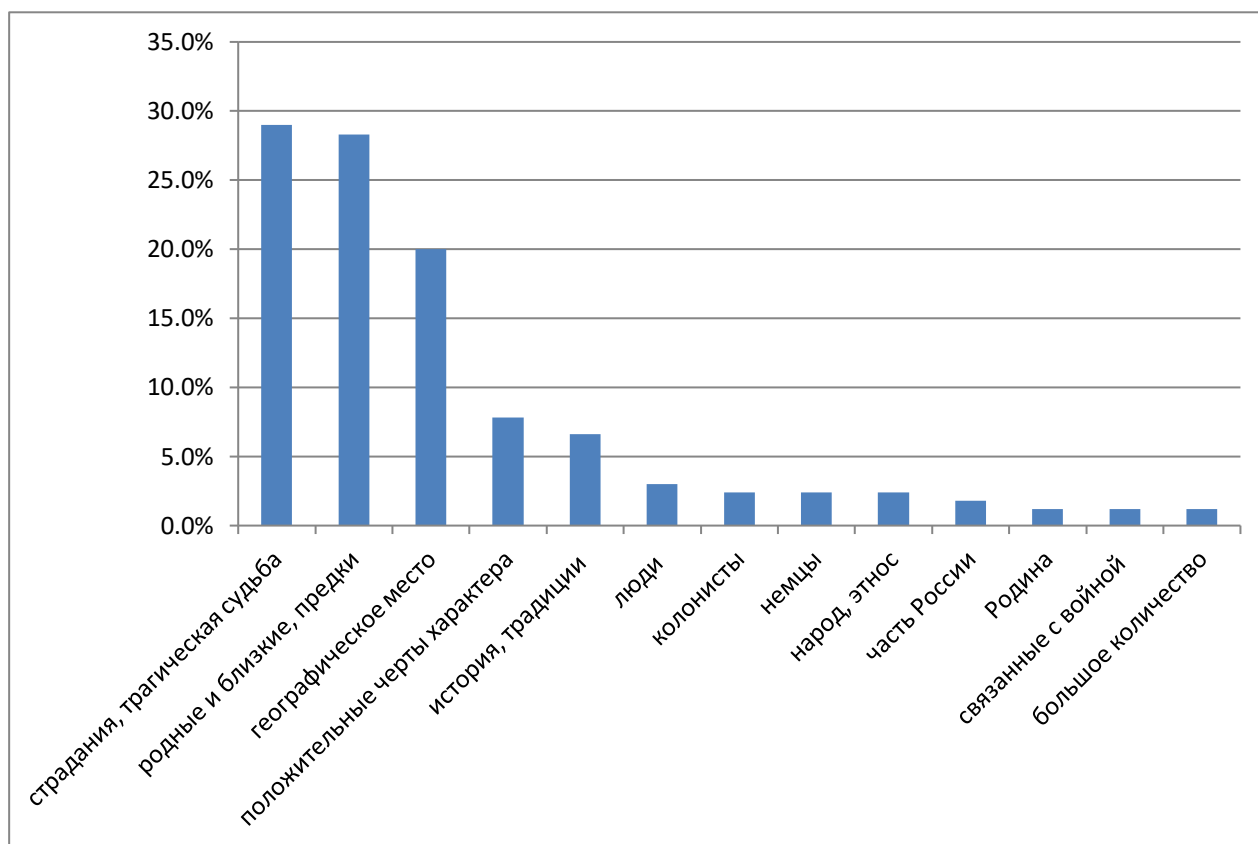

Рисунок 10 – Этноним «поволжские немцы» в языковом сознании российских немцев по результатам ассоциативного эксперимента (период проведения: сентябрь – октябрь 2022 года)

Полевое описание семантемы этнонимов «российские немцы» и «поволжские немцы» представлено в таблице 4.

Таблица 4 – Полевое описание семантемы этнонимов *российские немцы* и *поволжские немцы* в языковом сознании российских немцев

«Российские немцы»	«Поволжские немцы»
Ядро семантемы	
родственники, семья, земляки – 20,5 %	связанные со страданиями, трагической судьбой, наказанием – 29 % (депортация, изгнание, бегство – 12,7 %, страдания, боль, трагедия,

	трудная судьба – 11,5 %, репрессии – 4,8 %) родные и близкие, предки, друзья – 28,3 %
Ближняя периферия	
связанные со страданиями, трагической судьбой, наказанием – 17,5 % (страдания, трагическая судьба – 9,6 %, связанные с наказанием – 7,8% (с репрессиями, ссылками, тюрьмой – 4,8 %; депортация – 3 %)); обладающие определенными чертами (хорошие, трудолюбивые, целеустремленные, умные, аккуратные) – 14,5 % народ – 9,6 %	определенное географическое место – 20 % (Волга, Поволжье – 9,6 %, Саратов – 5,4 %, Республика немцев Поволжья – 1,8 %, Энгельс – 1,8 %)
Дальняя периферия	
люди, группа людей – 9 % определенное географическое место – 9 % (Поволжье – 3 %, Россия – 1,8 %) история, культура – 6 %	обладающие определенными чертами характера – 7,8 % (трудолюбивые – 4,2 %) история, традиции – 6,6 % нет ассоциаций – 6,6 %
Крайняя периферия	
связанные с учреждениями, организациями – 3 % немцы – 3 % нет ассоциаций – 3 % Russlanddeutsche – 1,8 % переселенцы – 1,8 %	люди – 3 % колонисты – 2,4 % немцы – 2,4 % народ, этнос – 2,4 % часть России – 1,8 % Родина – 1,2 % связанные с войной – 1,2 % большое количество – 1,2 %

В результате свободного ассоциативного эксперимента в группе российских немцев на стимул «российские немцы» была получена 171 реакция, на стимул «поволжские немцы» – 190 ассоциаций, включая отказы.

В языковом сознании российских немцев ядерными значениями этнонимов «российские немцы» и «поволжские немцы» являются «родственники», «семья», «земляки», «предки», «мы» – такое определение дали 20,5 % испытуемых

(34 информанта) и 28,3 % испытуемых (47 информантов) соответственно. Здесь можно привести замечание исследователя российских немцев А. Авдашкина, по мнению которого для поколений 60–90-х гг. этнодифференцирующим признаком становятся семья, семейные истории, распространены «представления о том, что этничность – это наследуемая от семьи характеристика, обусловленная этничность предков» [5, с. 27]. Наблюдение ученого подтверждается результатами эксперимента, семья и родственники выступают главными маркерами национального самосознания.

Кроме того, к ядерным значениям понятия «поволжские немцы» относится значение «связанные со страданиями, трагической судьбой, наказанием», его актуализировали 29 % информантов. Наибольшей частотностью обладают реакции «депортация», «изгнание», «бегство», «страдания», «трагедия» и «репрессии». Данное значение актуально и для понятия «российские немцы», но оно находится на ближней периферии (17,5 %).

Как пишет К. Ганзель, депортация, война, заключение, опыт изгнания, темы страданий немцев (*Leiderfahrungen*), прежде табуизированные, продолжают влиять на культуру памяти российских немцев („Von daher gehören Krieg, Deportation, Gefangenschaft und die Erkenntnis, vertrieben zu sein, zu einer gemeinsamen Erfahrung in Russlanddeutschen Familien bis in die Gegenwart und prägen die Erinnerungskultur“) [136, S. 920]. В настоящее время история российских немцев, отсутствующая в коллективной памяти советских граждан ввиду замалчивания до 1989 года, стала открываться широкой публике и сохраняться в культурной памяти, в том числе благодаря работе современных авторов, пишущих автобиографические тексты [206, S. 141].

К ближней периферии понятия «российские немцы» относятся также значение «черты характера» (14,5 %), наиболее частотными ассоциациями являются «хорошие» (5,4 %) и «трудолюбивые» (3 %), и значение «народ» (9,6 %). Значение «черты характера» актуализируется на дальней периферии понятия «поволжские немцы» (7,8 %) и сема «трудолюбивые» является также наиболее яркой (4,2 %).

К ближней периферии понятия «поволжские немцы» относится значение «определенное географическое место» (20 %), включающее в себя реакции «Волга, Поволжье» (9,6 %), «Саратов» (5,4 %), «Республика немцев Поволжья» (1,8 %) и «Энгельс» (1,8 %). Это значение актуализировано на дальней периферии понятия «российские немцы» (9 %). К дальней периферии обоих исследуемых понятий относится значение «история, культура / традиции» (6 % и 6,6 %).

К крайней периферии относятся значения, получившие наименьшее количество реакций (2–5 испытуемых). Для понятия «российские немцы» это значения «связанные с организациями», «немцы», «Russlanddeutsche» и «переселенцы». На крайней периферии понятия «поволжские немцы» находятся значения «люди», «колонисты», «немцы», «народ, этнос», «часть России», «Родина», «связанные с войной» и «большое количество».

Примечательно, что среди психолингвистических значений исследуемых понятий нет значения «язык», некоторые исследователи культуры и истории российских немцев рассматривают его в качестве маркера национальной идентичности [100, с. 90], [99, с. 29], [40, с. 93].

По результатам эксперимента можно заключить, что особенностью языковой самопрезентации российских немцев является их идентификация через родственные и семейные связи, а также через трагические исторические события и процессы в XX веке, сохраняющиеся в культурной памяти этнической группы. Психолингвистические значения понятий «российские немцы» и «поволжские немцы» большей частью совпадают, наиболее яркими значениями в языковом сознании российских немцев являются «родственники», «семья», «предки», «страдания», «трагическая / трудная судьба», «депортация», «страдания». Кроме того, понятие «российские немцы» включает в себя значение с позитивной коннотацией, указывающее на положительно оцениваемые черты характера («хорошие», «трудолюбивые»). В понятии «поволжские немцы» актуализируется значение географического места проживания этнических немцев.

§ 2.8. Моделирование концепта НЕМЕЦКИЙ

2.8.1. Когнитивные признаки концепта НЕМЕЦКИЙ

В результате объединения лексикографической, паремиологической и экспериментальной объективаций концепта DEUTSCH нами было выделено 29 когнитивных признаков. Большинство когнитивных признаков удалось выявить на основе экспериментальных данных – 14, путем паремиологической объективации – 9, в ходе лексикографической объективации, включая фразеологическую, – 6. Учитывая повторяющиеся когнитивные признаки в лексикографической и паремиологической объективациях (*Прямолинейность*), а также объединив схожие признаки (*Определенная черта характера и Свойственный Германии и ее населению; Язык и На языке населения Германии, Австрии и регионов Швейцарии*), было выделено всего 26 признаков.

Язык

Свойственный Германии и ее населению

Относящийся к немцам, Германии

Страсть к еде и выпивке

Прямолинейность

Сложный

Гражданство

Германия

Школьный предмет

Люди

Еда и напитки

Общественное, политическое или культурное явление

Родина

Флаг

Бюрократия

Традиция

Определенная личность

Вид шрифта в Германии до 1940 года

Ограниченность

Воинственная храбрость

Верность слову

Отличие немцев от других наций

Разобщенность

Невозмутимость

Ловкость

Чуждачество

В результате анализа лексикографической, экспериментальной и паремиологической объективаций концепта НЕМЕЦКИЙ нами было выделено 24 когнитивных признака. В ходе экспериментальной объективации было выявлено 12 когнитивных признаков, паремиологической – 7 признаков, лексикографической, включая фразеологическую, – 5. Совпадающие и схожие когнитивные признаки (признаки *Иностранный*; *Относящийся к немцам, их языку, Германии* и *Относящийся к Германии*) были объединены, и в результате был выделен 21 когнитивный признак:

Язык

Родные

Относящийся к немцам, их языку, культуре, Германии

Свойственный немцам

Иностранный

Ум

Определенные черты языка

Негативные черты характера

Подражание немецкому языку

Германия

Дом

Любовь

Общественное или культурное явление

Сложный

Порядок

Еда

Флаг

Представители власти Германии

Педантичный

Наименования-клички

Гибкость

Можно заметить, что в лексикографических источниках концепт объективирован общей формулировкой с достаточно широким содержанием (*Относящийся к немцам* или *Свойственный немцам*), в то время как остальные виды объективаций «конкретизируют» и точнее определяют содержание концепта (*Негативные черты характера, Педантичный*). В ходе исследования было выявлено два повторяющихся признака: в лексикографической и паремиологической объективациях совпали признаки *Иностранный* и *Относящийся к немцам, Германии*.

Так же, как и в объективациях концепта НЕМЕЦКИЙ, когнитивные признаки концепта DEUTSCH включают в себя признаки с широким содержанием (*Свойственный Германии и ее населению*) и с близким, но более узким значением (*Прямолинейность, Верность слову*).

2.8.2. Описание макроструктуры концепта НЕМЕЦКИЙ

Выделенные когнитивные признаки концепта распределяются по основным структурным элементам – образному компоненту, информационному содержанию и интерпретационному полю.

Образное содержание включает в себя перцептивный, т. е. чувственный, образ и когнитивный образ, включающий когнитивные метафоры. Перцептивный образ представлен слуховыми и зрительными образами через когнитивные

признаки *Подражание немецкому языку, Дом, Флаг, Еда*. Таким образом, он составляет 19 % от общего количества когнитивных признаков. Когнитивный образ концепта НЕМЕЦКИЙ включает в себя один когнитивный признак: *Любовь*. Он составляет 4,8 % всех когнитивных признаков.

Образный компонент в целом включает в себя 23,8 % когнитивных признаков, составляющих содержание концепта.

Информационное содержание концепта образуют когнитивные признаки, отражающие сущность и отличительные особенности исследуемого концепта. Информационное содержание концепта НЕМЕЦКИЙ образовано следующими когнитивными признаками: *Относящийся к немцам, их языку, культуре, Германии; Свойственный немцам; Иностранный; Язык; Родные; Германия*. Информационное поле образуют 28,6 % когнитивных признаков, оно является самым объемным компонентом в структуре концепта НЕМЕЦКИЙ.

Интерпретационное поле представлено следующими когнитивными признаками: *Наименования-клички, Негативные черты характера, Сложный, Определенные черты языка, Педантичный, Ум, Гибкость, Порядок, Общественное или культурное явление, Представители власти Германии*, что составляет 47,6 % от общего числа когнитивных признаков. В интерпретационном поле можно выделить оценочную (*Наименования-клички; Определенные черты языка; Негативные черты характера; Педантичный; Ум; Гибкость, Порядок, 33,3 % всех когнитивных признаков*), утилитарную (*Сложный, 4,8 %*) и энциклопедическую зоны (*Общественное или культурное явление; Представители власти Германии, 9,5 %*).

Моделирование макроструктуры концепта НЕМЕЦКИЙ позволяет заключить, что в нем существенную долю занимает информационное содержание (28,6 % всех когнитивных признаков) и ярко выражен образный компонент (23,8 %). Преобладает интерпретационное поле (47,6 %), в котором выделяются оценочная, утилитарная и энциклопедическая зоны. Кроме того, интерпретационное поле содержит в себе объективации как сложности, так и красоты языка (одна из наиболее частых объективаций когнитивного признака

Определенные черты языка согласно экспериментальным данным), а также объективированные преимущественно в паремиологическом фонде черты характера немцев.

Далее представим описание макроструктуры концепта DEUTSCH.

Образное содержание включает в себя 11,5 % когнитивных признаков, объективирующих концепт. К перцептивной зоне (7,7 %) относятся зрительные признаки: *Флаг; Еда и напитки*, когнитивный образ (3,8 %) содержит признак *Страсть к еде и выпивке*. Яркость образного компонента обусловлена многочисленностью когнитивных признаков, которые были получены из паремиологической объективации.

Информационное содержание является достаточно объемным компонентом концепта DEUTSCH – 34,6 % всех когнитивных признаков – и образуется следующими признаками: *Язык; Свойственный Германии и ее населению; Относящийся к немцам, Германии; Гражданство; Германия; Школьный предмет; Люди; Родина; Вид шрифта в Германии до 1940 года*.

Интерпретационное поле представлено когнитивными признаками утилитарной зоны: *Сложный* (3,8 % от общего числа всех когнитивных признаков); оценочной зоны: *Ограниченность; Отличие немцев от других наций; Чуждачество Прямолинейность; Воинственная храбрость; Верность слову; Невозмутимость; Разобщенность; Ловкость* (34,7 %); энциклопедической зоны: *Общественное, политическое или культурное явление; Бюрократия; Традиция; Определенная личность* (15,4 %). Таким образом, доля интерпретационного поля составляет 53,9 % всех когнитивных признаков.

Таким образом, в макроструктуре концепта DEUTSCH наиболее ярко представлено интерпретационное поле (53,9 % от общего числа когнитивных признаков), существенную долю занимает информационное содержание – 34,6 % и достаточно ярко выражен образный компонент – 11,5 %.

2.8.3. Категориальная структура концепта НЕМЕЦКИЙ

Следующим этапом моделирования концепта является выявление и описание его категориальной структуры, т. е. иерархии когнитивных классификационных признаков.

Когнитивный классификационный признак определяется З. Д. Поповой и И. А. Стерниным как «компонент содержания концепта, отражающий тот или иной аспект, параметр категоризации соответствующего объекта или явления и обобщающий однородные дифференциальные когнитивные признаки в структуре концепта» [84, с. 90].

Категориальную структуру концепта НЕМЕЦКИЙ можно представить следующими когнитивными классификационными признаками (в скобках приведено количество объективаций).

Связь с языком: *Подражание немецкому языку (4); Наименования-клички (3); Язык (112); Определенные черты языка (12); Сложный (2).*

Связь с Германией: *Относящийся к немцам, их языку, культуре, Германии (11); Германия (9); Общественное или культурное явление (4); Иностраннный (13); Еда (2); Флаг (2); Представители власти Германии (2).*

Родственные отношения: *Родные (13); Дом (6); Любовь (5).*

Черты характера немцев: *Свойственный немцам (4); Педантичный (1); Ум (9); Негативные черты характера (4); Гибкость (1); Порядок (2).*

Таким образом, в категориальной структуре концепта НЕМЕЦКИЙ выделяется 4 когнитивных классификатора, наиболее ярким из них является *Связь с языком*, представленный 133 объективациями. Далее в порядке уменьшения яркости за ним следуют когнитивные классификаторы *Связь с Германией* (43 объективации), *Родственные отношения* (24 объективации) и *Черты характера немцев* (21 объективация).

Категориальная структура концепта DEUTSCH представлена следующими когнитивными классификаторами.

Связь с языком: Язык (146); Сложный (21); Вид шрифта в Германии до 1940 года (2).

Связь с Германией: Относящийся к немцам, Германии (7); Гражданство (18); Еда и напитки (11); Общественное, политическое или культурное явление (10); Родина (6); Флаг (3); Бюрократия (2); Традиция (2); Германия (14); Школьный предмет (12).

Черты характера немцев: Свойственный Германии и ее населению (27); Страсть к еде и выпивке (11); Прямолинейность (7); Ограниченность (1); Воинственная храбрость (4); Верность слову (3); Отличие немцев от других наций (3); Разобщенность (1); Невозмутимость (1); Ловкость (1); Чужачество (1).

Персонализация: Люди (12); Определенная личность (2).

В концепте DEUTSCH можно выделить 4 когнитивных классификатора, наиболее ярким является классификатор *Связь с языком*, представленный 169 объективациями. Далее в порядке уменьшения яркости за ним следуют когнитивные классификаторы *Связь с Германией* (85 объективаций), *Черты характера немцев* (60 объективаций), *Персонализация* (14 объективаций).

2.8.4. Полевая организация концепта НЕМЕЦКИЙ

На данном этапе моделирования концепта описывается полевая организация концепта НЕМЕЦКИЙ, при котором выявленные когнитивные признаки распределяются по ядру и перифериям. Распределение происходит на основании яркости, которая будет вычисляться нами как средний показатель в трех объективациях: лексикографической, паремиологической и экспериментальной. Представим сводную таблицу с указанием индекса яркости для каждой из объективаций и показателем среднего индекса яркости каждого когнитивного признака. Сводная таблица когнитивных признаков концепта НЕМЕЦКИЙ представлена в таблице 5.

Таблица 5 – Сводная таблица когнитивных признаков концепта НЕМЕЦКИЙ

Когнитивный признак	Индекс яркости в объективациях			Средний индекс яркости
	лексикогр.	паремиолог.	эксперимент.	
Относящийся к немцам, их языку, культуре, Германии	90	6,9	–	32,3
Свойственный немцам	40	–	–	13,3
Иностраннный	50	20,7	–	23,6
Педантичный	10		–	3,3
Ум	–	31	–	10,3
Негативные черты характера	–	13,8	–	4,6
Подражание немецкому языку	–	13,8	–	4,6
Наименования-клички	–	10,3	–	3,4
Гибкость	–	3,5	–	1,2
Язык	–	–	65,1	21,7
Родные	–	–	7,6	2,5
Определенные черты языка	–	–	7	2,3
Германия	–	–	5,2	1,7
Дом	–	–	3,5	1,2
Любовь	–	–	2,9	0,9
Общественное или культурное явление	–	–	2,3	0,8
Сложный	–	–	1,2	0,4
Порядок	–	–	1,2	0,4
Еда	–	–	1,2	0,4
Флаг	–	–	1,2	0,4
Представители власти Германии	–	–	1,2	0,4

Исходя из полученных показателей среднего индекса яркости, нами была выстроена полевая структура концепта НЕМЕЦКИЙ.

Ядро: *Относящийся к немцам, их языку, культуре, Германии;*
Иностраннный; Язык

Ближняя периферия: *Свойственный немцам; Ум*

Дальняя периферия: –

Крайняя периферия: *Негативные черты характера; Подражание немецкому языку; Наименования-клички; Педантичный; Родные; Определенные черты языка; Германия; Дом; Гибкость; Любовь; Общественное или культурное явление; Сложный; Порядок; Еда; Флаг; Представители власти Германии.*

Таким образом, в полевой структуре концепта НЕМЕЦКИЙ объем ядра составляет 14,3 % (3 признака), объем ближней периферии – 9,5 % (2 признака), дальняя периферия отсутствует, крайняя периферия обладает наибольшим объемом – 76,2 % (16 признаков).

Полевая структура концепта НЕМЕЦКИЙ на основании трех видов объективаций представлена на рисунке 11.

Рисунок 11 – Полевая организация концепта НЕМЕЦКИЙ (на основе трех видов объективаций)

Для построения полевой структуры концепта DEUTSCH нами также были вычислены средние показатели яркости когнитивных признаков, выявленных в трех объективациях. Сводная таблица когнитивных признаков концепта DEUTSCH представлена в таблице 6.

Таблица 6 – Сводная таблица когнитивных признаков концепта DEUTSCH

Когнитивный признак	Индекс яркости в объективациях			Средний индекс яркости
	лексикогр.	паремиолог.	эксперимент.	
Относящийся к немцам, Германии	100	–	–	33,3
Свойственный Германии и ее населению	29	–	–	9,7
Язык	71		50,7	40,6
Страсть к еде и выпивке	–	36,4	–	11,5
Прямолинейность	–	21,2		7,3
Сложный	–	–	7,6	2,5
Гражданство	–	–	6,5	2,2
Германия	–	–	5	1,7
Школьный предмет	–	–	4,3	1,4
Люди	–	–	4,3	1,4
Еда и напитки	–	–	4	1,3
Общественное, политическое или культурное явление	–	–	3,6	1,2
Родина	–	–	2,2	0,7
Флаг	–	–	1	0,3
Бюрократия	–	–	0,7	0,2
Традиция	–	–	0,7	0,2
Определенная личность	–	–	0,7	0,2
Вид шрифта в Германии до 1940 года	29	–	–	9,7
Ограниченность	–	14,3	–	4,8
Воинственная храбрость	–	12,1	–	4,2
Верность слову	–	9,1	–	3,1

Отличие немцев от других наций	–	9,1	–	3,1
Разобщенность	–	3	–	1
Невозмутимость	–	3	–	1
Ловкость	–	3	–	1
Чужачество	–	3	–	1

Исходя из полученных показателей среднего индекса яркости, нами была выстроена полевая структура концепта DEUTSCH.

Ядро: *Язык; Относящийся к немцам, Германии.*

Ближняя периферия: *Страсть к еде и выпивке.*

Дальняя периферия: *Свойственный Германии и ее населению; Прямолинейность; Вид шрифта в Германии до 1940 года.*

Крайняя периферия: *Ограниченность; Воинственная храбрость; Верность слову; Отличие немцев от других наций; Сложный; Гражданство; Германия; Школьный предмет; Люди; Еда и напитки; Общественное, политическое или культурное явление; Разобщенность; Невозмутимость; Ловкость; Чужачество; Родина; Флаг; Бюрократия; Традиция; Определенная личность.*

Таким образом, в полевой структуре концепта DEUTSCH объем ядра составляет 7,7 % (2 признака), объем ближней периферии – 3,9 % (1 признак), дальней периферия – 11,5 % (3 признака), крайняя периферия обладает наибольшим объемом – 76,9 % (20 признаков).

Полевая структура концепта DEUTSCH на основании трех видов объективаций представлена на рисунке 12:

Рисунок 12 – Полевая организация концепта DEUTSCH
(на основе трех видов объективаций)

Сопоставляя полевую структуру исследуемого концепта в немецком и русском языках, можно заметить, что ядерная часть совпадает по содержанию (совпадение признаков *Язык, Относящийся к немцам, Германии*), но различается по объему (7,7 % в немецком и 14,3 % в русском языке). При этом если в концепте DEUTSCH наибольшей яркостью обладает значение «язык», то в концепте НЕМЕЦКИЙ наиболее ярким является значение «отношение к Германии, немцам, их культуре». Кроме того, в ядерные значения русского концепта входит значение «иностранность». Зоны ближней периферии концептов НЕМЕЦКИЙ и DEUTSCH не совпадают по содержанию и различаются по объемам. Если в немецком концепте выделяется особое пристрастие немцев к вкусной еде и напиткам, то в русском концепте подчеркиваются ум и

характерные немецкие черты. Дальняя периферия у концепта НЕМЕЦКИЙ отсутствует, в то время как в концепте DEUTSCH она составляет 11,3 %. Крайние периферийные зоны обоих концептов обширны и значительны по объему, что свидетельствует о множестве и разнообразии средств языковой объективации исследуемых концептов.

Выводы по главе 2

В отечественной лингвистике были выработаны различные подходы к исследованию концептов, одним из значимых является семантико-когнитивный метод, предполагающий переход от семантики языкового выражения концепта к созданию его модели. Семантико-когнитивное исследование включает в себя несколько основных этапов: построение номинативного поля концепта, описание семантики языковых средств, когнитивную интерпретацию и в результате моделирование концепта. Использование экспериментальных методик наряду с традиционными позволяет учитывать актуальные значения, существующие в языковом сознании индивидов.

Языковым материалом исследования послужили лексикографические данные (данные толковых, синонимических, фразеологических, ассоциативных словарей), результаты анализа паремиологического фонда, данные ассоциативного эксперимента, проведенного в группе немцев ФРГ и российских немцев. Выбор российских немцев в качестве группы испытуемых обусловлен их уникальным, амбивалентным положением: в силу социально-исторических причин они являются представителями двух культур – русской и немецкой, и именно немецкая составляющая этнической идентичности российских немцев представляет интерес для нашего исследования.

В лексикографическом анализе ключевых лексем концепта нами использовался метод обобщения словарных дефиниций, позволивший выявить основные компоненты значений, которые были интерпретированы как когнитивные признаки. В ходе паремиологического анализа были установлены

признаки, репрезентирующие древние представления народа о концепте. В результате анализа лексикографической, паремиологической и экспериментальной объективаций был выделен 21 когнитивный признак концепта НЕМЕЦКИЙ и 26 когнитивных признаков концепта DEUTSCH. При сопоставлении когнитивных признаков в обоих языках было выявлено семь общих и 40 различных когнитивных признаков, что свидетельствует о национальной специфичности концепта. В ходе моделирования концепта были установлены незначительные различия в макроструктуре концепта НЕМЕЦКИЙ в исследуемых языках: и в немецком, и в русском языках интерпретационное поле преобладает по объему, существенную долю занимает информационное содержание. Однако образный компонент концепта НЕМЕЦКИЙ выражен ярче, чем тот же компонент концепта DEUTSCH.

Сопоставительный анализ классификационных признаков показал, что для исследуемых концептов ключевыми являются когнитивные классификационные признаки *Связь с языком*, *Связь с Германией* и *Черты характера немцев*. Различается лишь один классификационный признак: в концепте НЕМЕЦКИЙ выделяется признак *Родственные отношения*, тогда как в концепте DEUTSCH выявлен признак *Персонализация*.

При сопоставлении полевых структур исследуемых концептов были установлены сходства в ядерной части, совпадают признаки *Язык* и *Относящийся к немцам*, при этом различается объем ядерных значений. Яркое, четко выстроенное ядро обоих концептов позволяет сделать вывод о концептуальной сформированности концепта и его высокой значимости в концептосферах носителей языка. Периферийные зоны исследуемых концептов отличаются и по содержанию, и по объему значений.

ГЛАВА 3. КОНЦЕПТ НЕМЕЦКИЙ В НОМИНАЦИЯХ РЕАЛИЙ РОССИЙСКИХ (ПОВОЛЖСКИХ) НЕМЦЕВ

Одним из ярких представителей литературной плеяды российских немцев является Герхард Завацкий, опубликовавший в 1938 году свое главное произведение – „Wir selbst” («Мы сами»). Как отмечает К. Ганзель, «Завацкий до мельчайших подробностей изображает важную историческую эпоху в жизни различных слоев населения из среды поволжских немцев» („Sawatzky stellt eine wichtige historische Epoche im Leben unterschiedlicher Schichten der wolgadeutschen Bevölkerung bis in kleinste Details dar“) [134, S. 212].

По наблюдению Т. Юдиной, исследовавшей литературу российских немцев, в постреволюционной России идентичность российских немцев не была гомогенна, «мысль о сохранении (традиций – прим. М. Ю. Васильевой) находилась в конфликте со стремлением к радикальному переустройству, в то время как возникали новые понятия и конструкты» [140, S. 264–265].

После Октябрьской революции в 1917 году литература российских немцев, как и остальная советская литература, была вынуждена транслировать новые идеологические установки и убеждения, но обязанность соблюдать норму «социалистического реализма» многие из них воспринимали как шанс создать новый материал [137, S. 25]. Однако следование общей литературной доктрине не уберегло многих ведущих литераторов от сталинских чисток и репрессий, жертвой которых стал и Г. Завацкий [Ibid.]. К. Ганзелю удалось восстановить рукопись, включая правки, сделанные автором под страхом цензуры, и опубликовать ее в Германии с обширным предисловием в 2020 году.

Двумя годами ранее, в 2018 году, в России была издана книга современной русской писательницы Гузель Яхиной «Дети мои». Хотя автор не принадлежит к числу российских немцев, ее роман признан одним из значимых произведений о поволжских немцах, который достаточно точно воссоздает их жизнь, уклад и традиции.

Обстоятельное описание жизни, уклада и обычаев российских (поволжских) немцев в произведениях Г. Завацкого и Г. Яхиной позволили взять данные романы за основу для исследования немецких реалий российских немцев, репрезентирующих концепт НЕМЕЦКИЙ.

Привлечение художественных произведений для исследования концепта удовлетворяет требованиям семантико-когнитивного метода, согласно которому ядро и периферийные компоненты номинативного поля концепта устанавливаются на основании анализа контекстов, в которых репрезентирован исследуемый концепт. Кроме того, когнитивно-дискурсивная парадигма, исследующая язык на пересечении когниции и коммуникации, то есть его реализацию, употребление языка, так же подразумевает рассмотрение концепта в тексте, составляющем основу коммуникации, в данном случае – в рамках художественных произведений.

К. Ганзель убежден в необходимости сохранять историческую и культурную память российских немцев, давать различным сообществам слово и возможность «подпитывать» культуру памяти своими «рассказами» („...dass vielfältige Erinnerungsgemeinschaften zu Wort kommen und die Chance haben, ihre ‘Erzählungen’ in die Erinnerungskultur einzuspeisen“) [Ibid, S. 21].

§ 3.1. Особенности языковой репрезентации этнографических реалий

3.1.1. Этнографические реалии российских немцев в романах

Г. Яхиной «Дети мои» и Г. Завацкого „Wir selbst“

По мнению Э. Драхоты-Сабо, реалии являются «интертекстуальным элементом в макротексте культуры, ... важными звеньями культурного макротекста/ макродискурса» и рассказывают в большей мере не индивидуальные, а коллективные истории [133, S. 28, 50].

В классификации слов-реалий по предметному признаку исследователями выделяются этнографические реалии.

С. И. Влахов и С. П. Флорин к этнографическим реалиям относят слова, обозначающие предметы быта (пища, напитки, бытовые заведения, одежда, украшения, жилье, утварь, транспорт), трудовую деятельность (люди труда, орудия и организация труда), предметы искусства и культуры (музыка и танцы, музыкальные инструменты, фольклор, театр, исполнители, обычаи, праздники, мифология, культы, календарь), этнические объекты (этнонимы, клички, названия лиц по месту жительства), меры и деньги (единицы мер, денежные единицы) [32, с. 57].

Г. Д. Томахин к этнографическим реалиям относит реалии быта, которые включают в себя предметы домашнего обихода, жилье, мебель, посуду и другую утварь; реалии, обозначающие одежду, пищу и напитки, бытовые заведения и обслуживающий персонал, транспорт, средства связи, отдых, обычаи и традиции, праздники, единицы измерения и деньги, рутинное поведение [119, с. 46–72].

Л. В. Сулова, рассматривая немецкие реалии, выделяет в отдельные тематические группы этнографические, (*ethnographische Begriffseinheiten*) бытовые (*Alltagsrealia*) и религиозные реалии (*religiöse Begriffe*) [113, с. 207]. К этнографическим реалиям ученый относит фольклорные реалии, игры, танцы, жанры, культурные и культурно-исторические реалии, мифологию, к бытовым причисляет пищу, напитки, одежду, головные уборы, украшения, жилье, деньги, единицы измерения.

По мнению Н. Паульзен, этническая идентичность, самосознание российских немцев прежде строились на **фольклоре, традициях и обычаях, образе жизни и религии**. Исследователь пишет: «Вся языковая культура немецких колонистов на Волге, Украине и Закавказье основывалась в XVIII веке на народном искусстве, привезенном с родины. В течение многих десятилетий после поселения литература немцев в России – как в Поволжье, так и на юге России – представлена преимущественно творчеством пасторов и учителей, устной народной поэзией малых форм, такой как шванки, песни, календарные истории» [144, S. 35–36].

Важным фактором сохранения немецкой идентичности российских немцев в XIX веке, по мнению О. Курило, были немецкий язык и принадлежность к евангелической или католической общине. Однако при советской власти «церкви и немецкие школы были закрыты и отношения с Германией разорваны. Они сохранили свою идентичность во время Второй мировой войны не через традиционные немецкие институты, а через воспоминания и опыт жизни в отчуждении» [141, S. 351].

В. С. Виноградов разделяет бытовые реалии, включающие в себя жилище, одежду, пищу, напитки, труд, денежные знаки и единицы меры, танцы и песни, музыкальные инструменты, праздники, игры, обращения, и этнографические и мифологические реалии, к которым относятся этнические и социальные общности и их представители, божества, сказочные существа, легендарные места [28, с. 54–59].

Авторы романов Г. Яхина и Г. Завацкий используют множество этнографических реалий для воссоздания быта, культурной жизни и традиций российских немцев, унаследованных ими от немецких предков. Роман «Дети мои», по замечанию автора Г. Яхиной, является реалистичным в этнографическом плане, все детали изображены правдиво: „Kochrezepte, Aberglauben, Texte und Sprüche, Muster von Fensterverkleidungen usw. – all dies ist wahr, alles ist in ethnographischen Quellen beschrieben“ [135, S. 486].

Нам удалось выделить следующие этнографические немецкие реалии российских немцев:

1. Бытовые реалии, которые включают в себя

а) пищу и напитки: *коньячный пуниш* [1, с. 183] – *Weinbrandpunsch* [2, S. 215], *клёцки* [1, с. 184] – *Klößchen* [2, S. 217], «несколько видов колбас – и холодную ливерную, с лиловым отливом; и горячую жареную, в чешуе золотистых шкварок; и копченую» [1, с. 37] – «*mehrere Sorten Wurst – kalte Leberwurst, die lilafarben schimmerte, heiße Bratwurst mit goldfarbener Kruste, dazu Räucherwurst*» [2, S. 37]; *Klöße mit Sauerkraut* [3, S. 155] – *клёцки с кислой (квашеной) канустой; Schnaps*

[3, S. 183] – водка, шнапс; *Brezel* [3, S. 871] – брецель; *Käseküchlein* [3, S. 167] – кезекухен, сырный пирог; *Bier* [3, S. 884] – пиво.

Достаточно широко представлены блюда из картофеля: в романе Г. Яхиной *картофельные лепешки и арбузный кисель* [1, с. 19] – *Kartoffelpuffern und Melonenkaltschale* [2, S. 16], *политая горячим маслом вареная картошка* [1, с. 23] – *mit geschmolzener Butter übergossene Pellkartoffel* [2, S. 22], *картофельный суп* [1, с. 27] – *Kartoffelsuppe* [2, S. 25], в романе Г. Завацкого *die Kartoffeln* [3, S. 74] – *картофель, Kartoffeln und Rüben und Kraut* [3, S. 82] – *картофель и репа и зелень, Pellkartoffeln* [3, S. 89] – *картофель в мундире*. Также широко представлены хлеб и колбаса как основное питание героев: *ein halber Laib Schwarzbrot und ein handlanges Stück billige Wurst* [3, S. 108] – *половина каравая черного хлеба и кусок дешевой колбасы размером с ладонь*; *Brot und ein Stück gebratene Wurst* [3, S. 136] – *хлеб и кусок жареной колбасы*; *Butterbrötchen mit Käse- und Wurstbelag* [3, S. 675] – *булочки с маслом и куском сыра и колбасы*.

В связи с этим стоит отметить исследование немецкой глоттонии, проведенное Г. М. Боваевой на основании наименований немецких гастрономических блюд, продуктов, различных текстовых реализаций гастрономического дискурса (рецепты, кулинарные книги и т.д.). В результате исследования ею были установлены субконцепты *Wurst*, *Kartoffel*, *Bier* как лингвокультурологически специфические продукты немецкой глоттонии [17, с. 14]. По мысли Г. М. Боваевой, «в центре немецкоязычной глоттонии располагаются номинации мяса, колбасных изделий (*Wurst*, *Wurstchen*, *Bockwurst*), картофеля (*Kartoffel*) и пива (*Bier*) как типично немецких продуктов, отражающих этническую, лингвосомиотическую и коммуникативную специфику» [17, с. 7].

Можно заключить, что бытовые реалии из сферы «еда и напитки», используемые авторами в произведениях о российских немцах, в полной мере отражают концепт НЕМЕЦКИЙ в сфере немецкой глоттонии.

б) одежду и обувь: *шмельмейстерский пиджачок* [1, с. 28] – *Schulmeisterjackett* [2, S. 30], *полосатый фартук* [1, с. 89] – *die gestreifte Schürze*

[2, S. 100], *weiße Schürze* [3, S. 92] – белый фартук, *Holz pantoffeln* [3, S. 74] – холщантофель, деревянные башмаки;

в) жилище, имущество (посуда, мебель, предметы обихода, орудия труда): *пасторат* [1, с. 152] – *das Pfarrhaus* [2, S. 153].

2. Культурные реалии и реалии искусства, к которым относятся:

а) литература: «Ночная песнь странника» [1, с. 19] – „*Wanderers Nachtlied*“ [2, S. 16], *гейдельбергская школа* [1, с. 19] – *Heidelberger Schule* [2, S. 16];

б) фольклор (паремии, народные сказки, легенды, суеверия, приметы): *с искусно вышитым изречением «Работа – украшение жизни»* [1, с. 86] – *mit dem kunstvoll gestickten Spruch „Arbeit ist der Schmuck des Lebens“* [2, S. 96]; *шванки, пословицы и поговорки* [1, с. 90] – *die Schwänke, die sie erzählte, all die Sprichwörter und Redensarten* [2, S. 101]; *Morgenstunde hat Gold im Munde* [3, S. 138] – *Кто рано встает, тому бог подает; Kommt Zeit, kommt Rat, kommt Saatzeit, kommt Saat* [3, S. 333] – *Поживем – увидим; Если кто ростом не вышел – бабка его с гномами пугалась* [1, с. 167] – *Seine Mutter hat sich mit Zwergen eingelassen* [2, S. 197];

в) мифология: *der Riese* [3, S. 859] – великан, *der Weihnachtsmann* [3, S. 438] – *Вайнахтсманн, Дед Мороз, горные духи* [1, с. 225] – *Berggeister* [2, S. 266];

г) средства массовой информации: „*Berliner Tageblatt*“, „*Lokal-Anzeiger*“, „*Völkischer Beobachter*“, „*Deutscher Allgemeine Zeitung*“ [1, с. 417] – „*Berliner Tageblatt*“, „*Lokalanzeiger*“, „*Völkischer Beobachter*“, „*Deutscher Allgemeine Zeitung*“ [2, S. 496];

д) обычаи, традиции: «*и по старой гнадентальской традиции выбирать на празднике урожая Пшеничную королеву*» [1, с. 184] – *die alte Gnadentaler Tradition, zum Erntefest eine Weizenkönigin zu wählen* [2, S. 217]; приглашение на похороны пастора или шульмейстера: *Kempel hatte heute schwere innere Kämpfe bestanden: wenn er dem religiösen Gefühl der Verstorbenen Rechnung tragen wollte, hatte er wenigstens den Schulmeister einladen müssen, vom Pastor konnte sowieso keine Rede sein, weil ihm das Geld dazu fehlte...* [3, S. 308], пасхальные традиции: *Отстояв службы в торжественно убранной кирхе и налюбовавшись горением праздничных свечей, одарив друг друга сладостями и вареными яйцами, проведая*

усопших родственников на кладбище и живых – в соседних деревнях, наевшись досыта “стеклянного” сыра и янтарно-желтого сливочного масла... [1, с. 26] – *Wenn der Gottesdienst in der festlich geschmückten Kirche zu Ende war, die Dorfbewohner sich an dem Glanz der Kerzen ergötzt, einander mit Süßigkeiten und hartgekochten Eiern beschenkt, ihre verstorbenen Verwandten auf dem Friedhof und die lebenden in den Nachbardörfern besucht und sich bei ihnen an glasklarem Magerkäse und bernsteingelber Butter satt gegessen hatte...* [2, S. 25];

е) праздники: *адвент* [1, с. 125] – *Advent* [2, S. 145], *Weihnachten* [3, S. 85] – *Рождество*, *Erntefest* [3, S. 836] – *праздник урожая*;

ж) религиозные культы, их служители, культовые здания и предметы: *кирха* [1, с. 21] – *die Kirche* [2, S. 18], *der Pastor* [3, S. 53] – *пастор*, *Konfirmation* [3, S. 176] – *конфирмация*;

з) календарь: *январь*, «ледовый» [1, с. 179] – *der „Eismonat“* [2, S. 211]; *март*, «весенний месяц» [1, с. 179] – *der „Lenzmonat“* [2, S. 211];

и) музыка и танцы: *die endlose Hopsapolka* [3, S. 316] – *нескончаемая хопсаполька*.

3. Этнические и социальные общности и их представители:

а) этнонимы: *жадный, как из Швабии* [1, с. 172] – *geizig wie ein Schwabe* [2, S. 202] (в переводе «шваб» – прим. М. Ю. Васильевой), *российские немцы* [1, с. 132] – *die Russlanddeutschen* [2, S. 153], *русские немцы* [1, с. 190] – *die Russlanddeutschen* [2, S. 224], *арийская нация* [1, с. 458] – *die arische Nation* [2, S. 547], *этнические арийцы* [1, с. 459] – *ethnischer Arier* [2, S. 547]; прозвищные этнонимы (этнические клички): *немчура* [1, с. 112] – *ein Deutscher* [2, S. 128];

б) названия лиц по месту жительства: *немецкие колонисты* [1, с. 132] – *die deutschen Siedler* [2, S. 153], *рейхсдойчи* [1, с. 190] – *Reichsdeutsche* [2, S. 224], *фольксдойче* [1, с. 458] – *Volksdeutsche* [2, S. 546];

4. Денежные единицы: *рейхсмарки* [1, с. 416] – *Reichsmark* [2, S. 495], *талер* [1, с. 297] – *Taler* [2, S. 351].

3.1.2. Репрезентация этнографических реалий в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев

Для исследования репрезентации этнографических реалий в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев, выявления их психолингвистических значений, был проведен ассоциативный эксперимент в данных этнических группах.

Немецкие испытуемые получили бумажную анкету со словосочетаниями-стимулами *typisches deutsches Essen ist ...* ‘типичная немецкая еда – это...’ и *deutsche Traditionen sind ...* ‘немецкие традиции – это ...’, к которым нужно было записать любые пришедшие в голову ассоциации.

Типичная немецкая еда в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев представлена на рисунках 13 и 14:

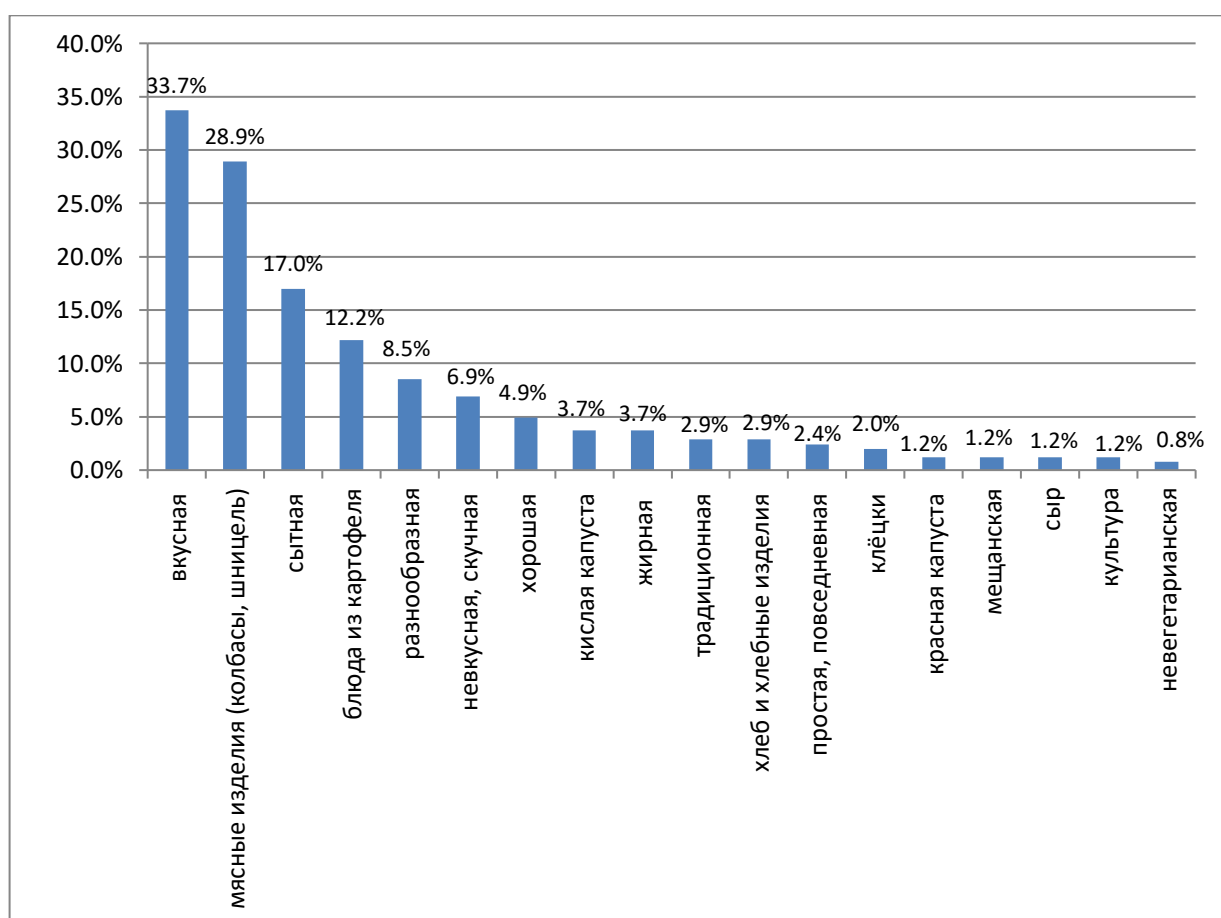

Рисунок 13 – Типичная немецкая еда в языковом сознании немцев ФРГ по результатам ассоциативного эксперимента (период проведения: июнь-июль 2022 года)

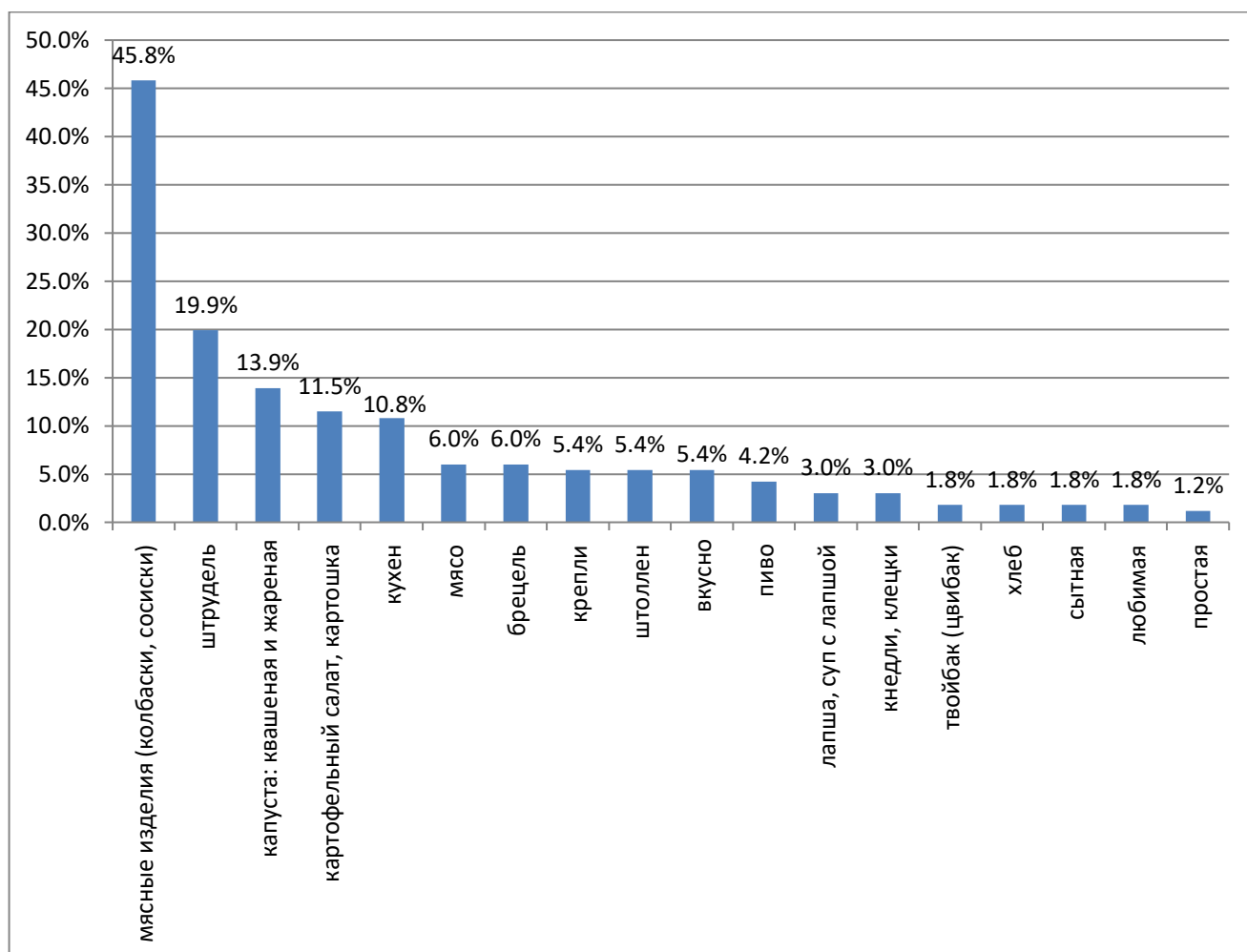

Рисунок 14 – Типичная немецкая еда в языковом сознании российских немцев по результатам ассоциативного эксперимента (период проведения: сентябрь-октябрь 2022 года)

В результате предъявления стимула «*typisches deutsches Essen ist ...*» или «типичная немецкая еда – это ...» было получено 352 реакции в группе немцев ФРГ и 244 реакции в группе российских немцев, включая отказы.

В языковом сознании немцев ФРГ типичная немецкая еда выражается в значениях «вкусная» (ассоциаты *lecker* ‘вкусно’, *sehr lecker* ‘очень вкусно’) и «мясные изделия» (наиболее частотные ассоциаты *Bratwurst* ‘братвурст, жареная колбаса’, *Würstchen* ‘сосиска, колбаска’, *Schnitzel* ‘шницель’, *Fleisch* ‘мясо’, *fleischlätig* ‘с избытком мяса’, *Braten* ‘жаркое’), которые с 33,7 % и 28,9 % соответственно относятся к ядерным значениям. Для российских немцев значение *мясные изделия* (45,8 %) также относится к ядерным значениям, и, что примечательно, наряду с ассоциациями *колбаски, сосиски, мясо, свиная рулька*

некоторые испытуемые писали ассоциации на немецком языке: *Wurst* 'колбаса', *Würstchen mit Kohl* 'сосиски с капустой'. Российские немцы также актуализируют значение «вкусно», но оно находится на дальней периферии (5,4 %).

Для немцев ФРГ ближняя периферия словосочетания представлена значениями «сытная» (реакции *deftig* 'сытный', *herzhaft* 'сытный, питательный') и «блюда из картофеля» (реакции *Kartoffeln* 'картофель', *Kartoffelsalat* 'картофельный салат', *Pommes* 'картошка фри'), российские немцы приблизительно с той же частотой относят картофель к типичной немецкой еде (12,2 % у немцев ФРГ и 11,5 % у российских немцев), при этом наиболее ярким ассоциатом является *картофельный салат/ картофельзалат*. Кроме того, у российских немцев на ближней периферии актуализируются значения «штрудель» (19,9 %), «капуста» (13,9 %), в том числе квашеная и жареная, и «кухен» (10,8 %). Для немцев ФРГ значение «кислая (квашеная) капуста» (реакция *Sauerkraut* 'кислая/квашеная капуста') находится на крайней периферии (3,7 %), то есть они не воспринимают ее как типичную немецкую еду. Можно заметить, что в языковом сознании немцев ФРГ типичная немецкая еда выражена достаточно противоречиво, то есть присутствуют как положительная или нейтральная оценки: ядерное значение «вкусная», на дальней периферии значения «разнообразная» (8,5 %, частотные реакции *vielfältig* 'разнообразная', *vielseitig* 'многогранная'), «хорошая» (4,9 %), так и негативная оценка: значения «невкусная, скучная» (6,9 %, частотные реакции *langweilig* 'скучная', *nicht lecker* 'невкусная'). Для российских немцев типичная немецкая еда обладает только положительной коннотацией, на дальней и крайней перифериях находятся значения «вкусно» (5,4 %) и «любимая» (1,8 %). Можно сделать вывод, что представления о «типичной немецкой еде» в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев обнаруживают совпадения, в частности, в ядерных значениях и на ближней периферии психолингвистического значения, но различаются в оценке.

На словосочетание-стимул «*deutsche Traditionen sind...*» или «немецкие традиции – это ...» было получено 303 реакции в группе немцев ФРГ и 229 реакций в группе российских немцев.

Психолингвистические значения словосочетаний *deutsche Traditionen/ немецкие традиции* представлены на рисунках 15 и 16:

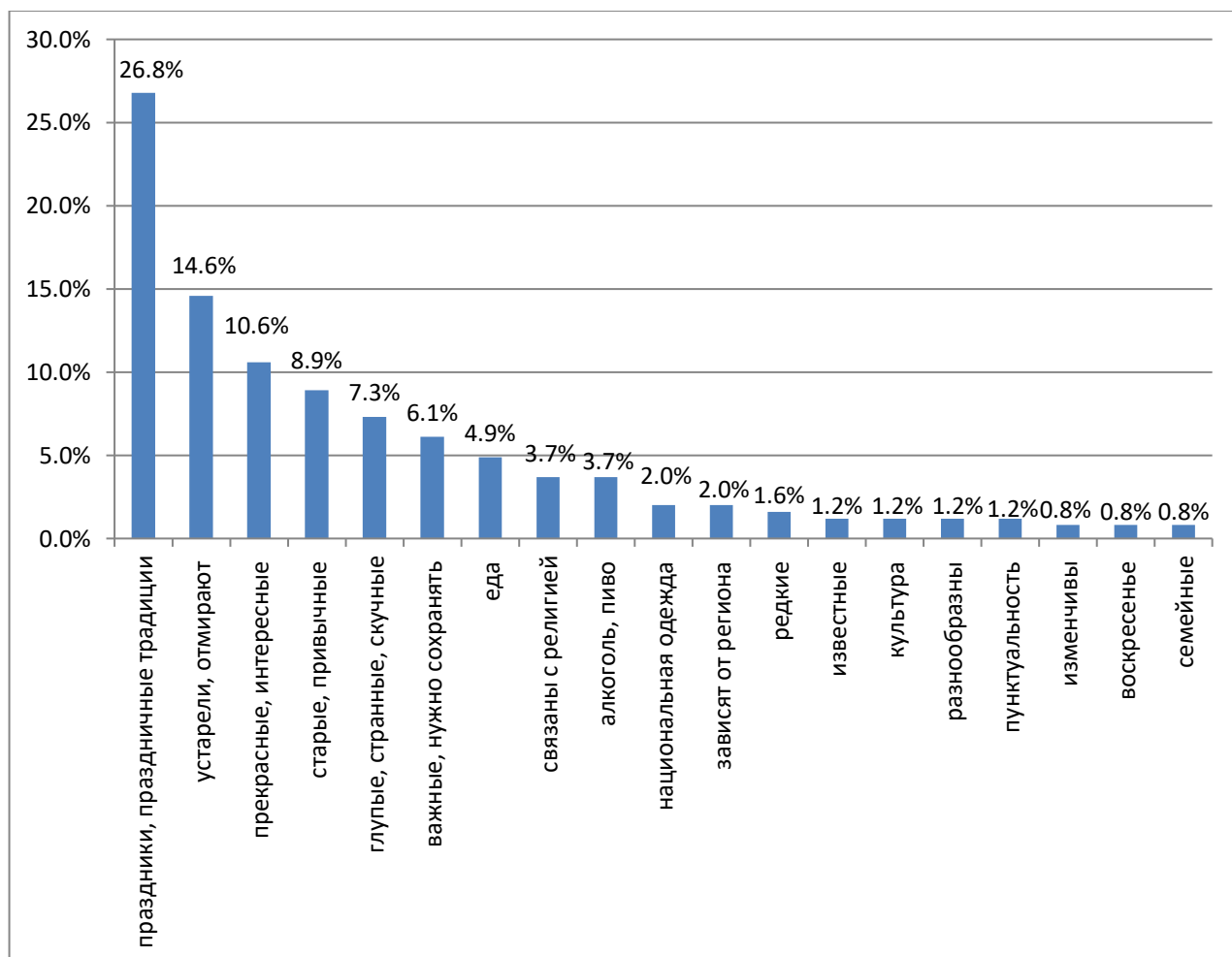

Рисунок 15. Немецкие традиции в языковом сознании немцев ФРГ

по результатам ассоциативного эксперимента

(период проведения: июнь-июль 2022 года)

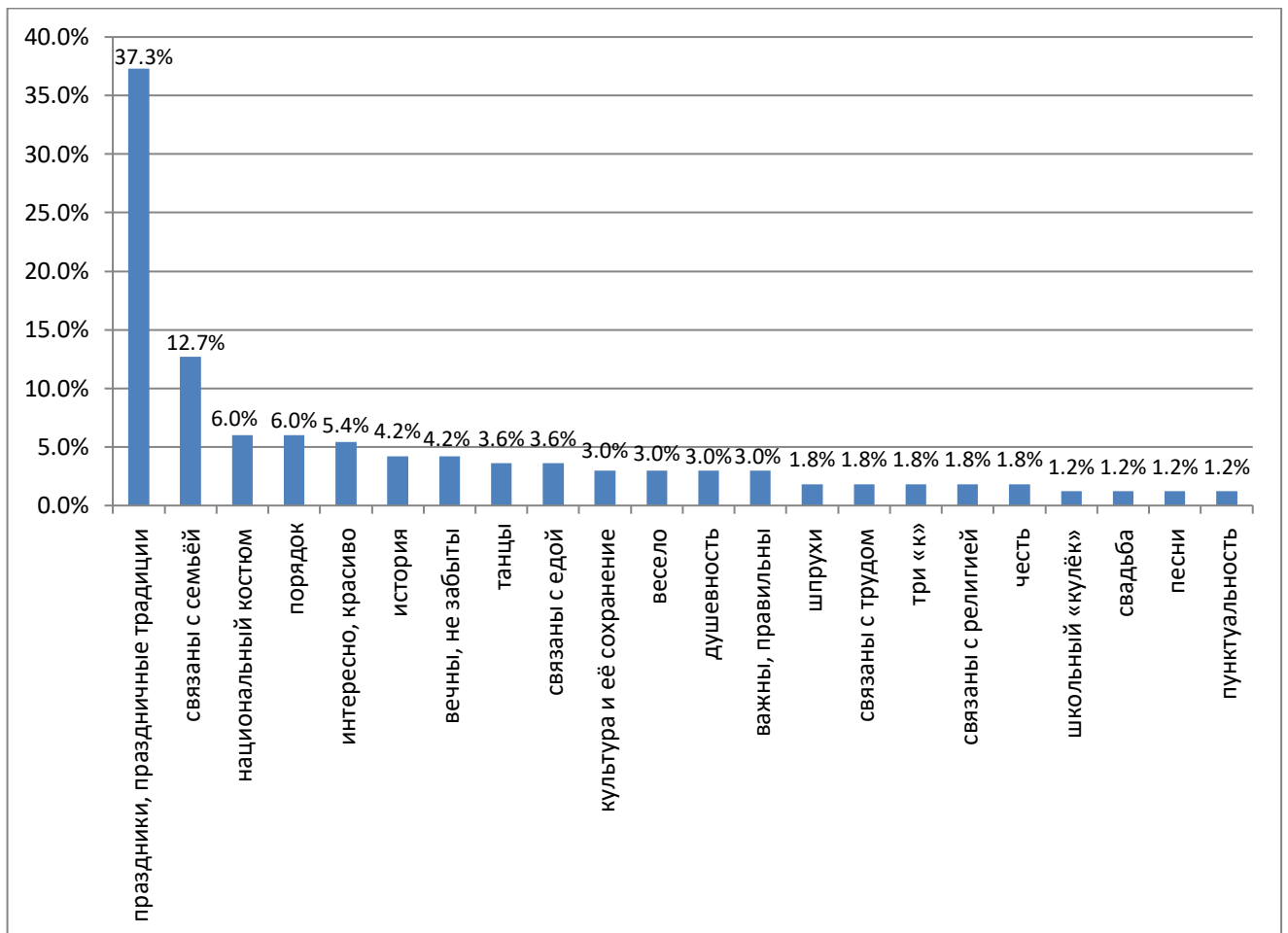

Рисунок 16 – Немецкие традиции в языковом сознании российских немцев по результатам ассоциативного эксперимента (период проведения: сентябрь-октябрь 2022 года)

Как для немцев ФРГ, так и для российских немцев немецкие традиции выражаются, прежде всего, в праздниках и праздничных традициях (26,8 % и 37,3 % соответственно). Интересно, что обе группы испытуемых не только выделяют одни и те же праздники, но и располагают их в одинаковой последовательности: так, в качестве наиболее важных праздников и немцы ФРГ, и российские немцы выделяют Рождество (5,3 % и 12,1 %), затем Октоберфест (4,1 % и 9,6 %) и Пасху (2,4 % и 3,6 %).

На ближней периферии значения уже существенно различаются: для немцев ФРГ немецкие традиции обладают значением «устарели, отмирают» (14,6 %) с наиболее частотными реакциями *veraltet* 'устаревший', *überholt* 'отживший', *am*

Aussterben 'отмирают' и значением «прекрасные, интересные» (10,6 %), актуализированные в реакциях *schön* 'красивый', *interessant* 'интересный'. В языковом сознании российских немцев на ближней периферии «немецких традиций» находится значение «связаны с семьей» (12,7 %) с наиболее частотным ассоциатом *семья* (7,8 %). Для немцев ФРГ значение «семейности» не является актуальным и расположено на крайней периферии (0,8 %).

Российские немцы не считают немецкие традиции устаревшими и выделяют только значения «интересно, красиво» (5,4 %) и «весело» (3 %). В языковом сознании немцев ФРГ на дальней периферии «немецких традиций» находятся оценочные суждения: «старые, привычные» (8,9 %), «глупые, странные, скучные, неважные» (7,3 %), «важны, нужно сохранять и придерживаться» (6,1 %), у российских немцев дальняя периферия представлена значениями «национальный костюм» (6 %), «порядок» (6 %) и уже упомянутое значение «интересно, красиво» (5,4 %). Значение «национальная одежда» также выделяется немцами ФРГ, но оно находится на крайней периферии (2 %). Здесь можно так же, как и при рассмотрении психолингвистических значений «немецкой еды», заметить, что немцы ФРГ дают неоднозначную оценку немецким традициям, словосочетание «немецкие традиции» вызывает у испытуемых амбивалентные реакции – от *alt* 'старый', *fest verankert* 'прочно укорененный', *wertvoll* 'ценный', *wichtig* 'важный' до *merkwürdig* 'странный', *langweilig* 'скучный', *nicht wichtig* 'неважный'.

Проведенное нами исследование этнографических немецких реалий позволяет сделать следующие выводы. На основании анализа работ, посвященных проблеме реалий, и анализа художественных романов Г. Яхиной и Г. Завацкого были выделены следующие виды немецких этнографических реалий: бытовые, культурные реалии и реалии искусства, этнические и социальные общности и их представители, денежные единицы.

Наибольшее количество этнографических реалий, выявленных в художественных романах Г. Яхиной и Г. Завацкого, относится к группе бытовых реалий, а именно тематической группе «еда и напитки». С помощью данных

реалий авторы воссоздают жизнь поволжских немцев начала XX века. Типичной немецкой едой, наиболее часто встречающейся в художественной реальности обоих романов, являются колбаса и картофель, и результаты ассоциативного эксперимента подтверждают данные представления. В языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев типичной немецкой едой являются разнообразные мясные продукты, в их числе – колбасы, сосиски, шницель, и блюда из картофеля. Кроме того, для немцев ФРГ немецкая еда обладает значениями «вкусная» и «сытная». Российские немцы большее значение придают различным видам блюд («штрудель», «квашеная капуста», «кухен», «брецель», «крепли»). Немцы ФРГ дают противоречивую оценку типичной немецкой еде, присутствуют как значения «разнообразная», «хорошая», так и «невкусная», «скучная». Российские немцы оценивают типичную немецкую еду исключительно положительно, наиболее частотны реакции «вкусно» и «любимая».

В языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев представления о немецких традициях актуализируются в значении «праздники и праздничные традиции», при этом обе этнические группы выделяют одни и те же праздники: Рождество, Октоберфест и Пасху. Но если российские немцы связывают немецкие традиции с семьей, то немцы ФРГ выделяют прежде всего сему «устаревшие». В языковом сознании российских немцев немецкие традиции обладают положительной коннотацией, у немцев ФРГ оценка немецких традиций амбивалентна, включает в себя как реакции «ценный», так и «скучный», «неважный». Немецкие традиции, выявленные в исследуемых романах, так же связаны с праздниками (Пасхой, праздником урожая) или же ритуалами (приглашение пастора или шульмейстера на похороны).

§ 3.2. Реалии искусства и культуры в художественных произведениях и языковом сознании

3.2.1 Специфика отражения культурных реалий российских немцев в романе Г. Яхиной «Дети мои» и романе Г. Завацкого „Wir selbst“

Одним из видов этнографических реалий являются культурные реалии и реалии искусства, которые служат, прежде всего, передаче эстетической информации [11, с. 26].

В романе «Дети мои» и его немецком переводе и романе „Wir selbst“ нами были выделены следующие немецкие культурные реалии и реалии искусства российских немцев:

а) литература: *гейдельбергская школа* [1, с. 19] – *Heidelberger Schule* [2, S. 16], *йенский романтизм* [1, с. 19] – *Jenaer Romantik* [2, S. 17], *басни Лессинга* [1, с. 19] – *Lessings Fabeln* [2, S. 16], *баллады Гёте и Шиллера* [1, с. 61] – *die Balladen von Goethe und Schiller* [2, S. 67], отрывок баллады Гёте «Лесной царь» («*Erlkönig*») и стихотворение «Ночная песнь странника» («*Wandrers Nachtlied*» (*Über allen Gipfeln ist Ruh*)) [1, с. 62] и [2, S. 67], «*Faust*» [1, с. 23] – «*Faust*» [2, S. 20], сказки братьев Гримм: «*Три пряжи*», «*Семеро братьев*», «*Двенадцать охотников*», «*Каменные звери*», «*Девушка-безручка*», «*Ржавый человек*», «*Живая вода*», «*Стеклянная рыба*», «*Свиное сердце*» [1, с. 239] – „*Drei Spinnerinnen*“, „*Sieben Brüder*“, „*Zwölf Jäger*“, „*Die steinernen Tiere*“, „*Das Mädchen ohne Hände*“, „*Der verrostete Mann*“, „*Das Wasser des Lebens*“, „*Der gläserne Fisch*“, „*Schweineherz*“ [2, S. 283].

В романе Г. Яхиной ярко представлены имена немецких писателей-романтиков, цитируются произведения немецкого гения Гёте, большое значение автор придает сказкам братьев Гримм. Вообще, фольклорный пласт, немецкие сказки, как замечают исследователи [130, с. 70], занимают центральное место в романе. По замечанию О. В. Арязовой, использование пласта традиционных для немецкой культуры легенд и сказок позволяет автору выстроить ассоциативный ряд и связать главную героиню Клару с «женскими образами немецких сказок –

Девы Малейн, Белоснежки, Спящей Красавицы» [11, с. 26]. Сказочный мотив возникает и в романе Г. Завацкого в эпизоде, когда к фабрике прибегает бешеный волк и герою кажется, что все происходит «как в страшной средневековой сказке» („...wie ein Schauermärchen aus dem Mittelalter“) [3, S. 329].

Особое место в романе «Дети мои» отводится высокому немецкому языку (Hochdeutsch), преподаваемому в школе. Он описывается как изысканный, изящный и резко противопоставляется диалекту, языку повседневной коммуникации поволжских немцев. Высокий немецкий является языком литературы, языком Гёте и Шиллера, таким образом, шульмейстер Якоб Бах, носитель высокого немецкого и высокой культуры (недаром один из героев Гофман называет его «Шиллер кудлатый», *zottiger Schiller*), противопоставляется героине Кларе как носительнице народной культуры и диалекта.

Г. Яхина сравнивает высокий немецкий, литературный немецкий (*die deutsche Literatursprache*) с «высокой кухней», «изысканным блюдом», а местные диалекты (*die regionalen Dialekte*) – с «луковым супом с хлебными корками» [1, с. 20]. Это противопоставление наглядно представлено в поведении главного героя Баха, который в высоком немецком «выдавал такие коленца, что иной ученик и начало забудет, пока до конца дослушает» [1, с. 23], а при общении на диалекте с односельчанами его язык «застревал на каждом слоге и лип к нёбу, как большая и плохо проваренная клёцка» [Там же].

О Бахе как носителе культурной памяти в немецкой общине пишут исследователи К. Ганзель и М. Кулькова [206, S. 154]. Они обращают внимание на то, что главный герой Якоб Бах использует канонические тексты немецкой литературы, в числе которых баллады Шиллера и Гёте, для «введения» героини Клары в немецкую культуру („...um Klara in die deutsche Kultur einzuführen“) (*Ibid.*). Об этом же пишет и О. А. Лисенкова, утверждая, что именно немецкие литературные и фольклорные произведения помогают российским немцам «сохранить национальную и культурную идентичность» и «связывают колонистов с исторической родиной» [70, с. 386]. Ученый замечает, что представление культуры поволжских немцев с помощью мифологических и сказочных мотивов является характерной чертой романа «Дети мои».

На особую роль Я. Баха как посредника между немецкой идентичностью колонистов и идентичностью немцев в Германии указывают О. С. Крюкова и Д. А. Хромова [58, с. 234].

Однако в отношении немецкого языка Г. Яхина выносит свой «вердикт»: на ее взгляд, общий язык – немецкий – поволжских немцев и немцев Германии не играет решающей роли в идентичности поволжских немцев: *И если разобратся, узкоглазые киргизы в войлочных шапках много ближе гнадентальцу, чем говорящие на одном с ним языке жители далекой Германии...* [1, с. 188] – *Genau genommen, stehen die schlitzäugigen Kirgisen mit ihren Filzmützen dem Gnadentaler näher als die Bewohner des fernen Deutschlands, deren Sprache er spricht* [2, S. 222]. Далее в тексте Г. Яхина снова подчеркивает то, что поволжские немцы имеют мало общего с немцами Германии: *В Германии, однако, прижились не все: за более чем сто лет русские немцы, сами того не заметив, превратились в отличный от рейхсдойчей народ* [1, с. 190] – *Nach über einhundert Jahren waren die Russlanddeutschen, ohne es zu bemerken, zu einer Volksgruppe geworden, die sich von den Reichsdeutschen unterschied* [2, S. 224]. Тем не менее именно с помощью литературного немецкого языка Якоб Бах «приобщает» Клару к немецкой культуре. С другой стороны, Г. Яхина замечает, что Германия не чужая страна российским немцам: *Страна, которую не назвать было родиной, но не назвать и чужбиной, – Рейх* [1, с. 315] – *Einen solchen Ort gab es. Das Land, das er zwar nicht seine Heimat nennen konnte, aber das für ihn auch nicht die Fremde war – das Reich* [2, S.373].

В то же время в романе Г. Завацкого становится ясно, что немецкий язык служит не только этнической идентичности поволжских немцев, маркером «свой-чужой», но и причиной изоляции поволжских немцев, их обособленности от русскоязычного населения. Иначе говоря, маркером так называемого «языкового острова» – части, отделенной от своей основной компактной языковой области чужим языком и культурой, нередко имеющей мало общего как с языковой родиной, так и иноязычным окружением [см. 115]. Элли, которую подбирают красноармейцы, не понимает ни слова по-русски и молчит: „das Kind, das den Sprechenden offensichtlich nicht verstand, gab keinen Laut von sich“ [3, S. 47], „die

spricht nicht russisch“ [3, S. 49]. Инженер Шутиков держит на празднике речь, но работники из числа поволжских немцев едва понимают смысл: «Er sprach russisch und Christian verstand kaum die Hälfte“ [3, S. 523].

б) фольклор (паремии, народные сказки, легенды, суеверия, приметы): *Morgenstunde hat Gold im Munde* [3, S. 138] – Кто рано встает, тому бог подает, *Borgen macht Sorgen* [3, S. 101] – Долги порождают заботы, *Übung macht den Meister* [3, S. 691] – Дело мастера боится, *Wenn das Unglück mal kommt, kommt es selten allein* [3, S.118] – Пришла беда отворяй ворота; с искусно вышитым изречением «Работа – украшение жизни» [1, с. 86] – *mit dem kunstvoll gestickten Spruch „Arbeit ist der Schmuck des Lebens“* [2, S. 96]; *шванки, пословицы и поговорки* [1, с. 90] – *die Schwänke, die sie erzählte, all die Sprichwörter und Redensarten* [2, S. 101]; *Kommt Zeit, kommt Rat, kommt Saatzeit, kommt Saat* [3, S. 333] – Поживем – увидим; “Сказание о Деве-Узнице” [1, с. 204] – *das Märchen „Die Jungfrau im Turm“* [2, S. 241]; *Положила на пол у кровати кухонный нож – от Тильды знала, что это уймет боль* [1, с. 123] – *Auf dem Boden neben dem Bett legte sie ein Küchenmesser – Tilda hatte ihr beigebracht, das lindere den Schmerz* [2, S. 142], *nachts reiten die Hexen manchmal auf den Pferden... die Hexen brauchen die Mähnen der Pferde als Steigbügel* [3, S. 206] – иногда по ночам на лошадях скачут ведьмы... ведьмы используют гривы лошадей в качестве стремени; *Если кто ростом не вышел – бабка его с гномами путалась* [1, с. 167] – *Seine Mutter hat sich mit Zwergen eingelassen* [2, S. 197].

Пословица *Ordnung muss sein* [3, S. 125] неоднократно повторяется героями в разных вариациях на протяжении всего романа: *Ordnung muss gemacht werden* [3, S. 129], *Ordnung soll endlich mal sein!* [3, S. 576], *da muss mal Ordnung gemacht werden im Dorfe* [3, S. 121], что означает «Во всем должен быть порядок». В романе „Wir selbst“ Г. Завацкого используется большое количество паремий, и, как было уже сказано выше, одной из часто повторяющихся паремий является пословица о необходимости соблюдать порядок – *Ordnung*, входящий в число ключевых концептов немецкой лингвокультуры [75].

в) мифология: *der Riese* [3, S. 859] – великан, *die Hexe* [3, S. 206] – ведьма, *der Weihnachtsmann* [3, S. 438) – Вайнахтсманн, немецкий Дед Мороз, горные духи [1, с. 225] – *Berggeister* [2, S. 266], единороги [1, с. 241) – *Einhörner* [2, S. 284]; гномы [1, с. 60] – *Zwerg* [2, S. 65], колдуньи [1, с. 212] – *Zauberinnen* [2, S. 250], вредная ведьма [1, с. 225] – *böse Hexe* [2, S. 266], черти [1, с. 225] – *Teufel* [2, S. 266], горные духи [1, с. 225] – *Berggeister* [2, S. 266],

г) средства массовой информации: „*Berliner Tageblatt*“, „*Lokal-Anzeiger*“ [1, с. 417] – „*Berliner Tageblatt*“, „*Lokalanzeiger*“ [2, S. 496];

д) обычаи, традиции: приглашение на похороны пастора или шульмейстера: *Kempel hatte heute schwere innere Kämpfe bestanden: wenn er dem religiösen Gefühl der Verstorbenen Rechnung tragen wollte, hatte er wenigstens den Schulmeister einladen müssen, vom Pastor konnte sowieso keine Rede sein, weil ihm das Geld dazu fehlte...* [3, S. 308]; пасхальные традиции: *Отстояв службы в торжественно убранной кирхе и налюбовавшись горением праздничных свечей, одарив друг друга сладостями и вареными яйцами, проведав усопших родственников на кладбище и живых – в соседних деревнях, наевшись досыта «стеклянного» сыра и янтарно-желтого сливочного масла* [1, с. 26];

е) праздники: *Пасха* [1, с. 26] – *Ostern* [2, S. 25], *адвент* [1, с. 125] – *Advent* [2, S. 145], *Weihnachten* [3, S. 85] – *Рождество*, *Erntefest* [3, S. 836] – *праздник урожая*;

ж) религиозные культы, их служители, культовые здания и предметы: *епископ* [1, с. 60] – *der Bischof* [2, S. 65], *Gesangbücher* [3, S. 308] – *сборник песнопений*, *der Pastor* [3, S.53], *Kirche* [3, S.11], *Konfirmation* [3, S. 176], *an den mennonitischen Kulaken aus Lysanderhöh* [3, S. 523] – *у кулаков-меннонитов из Лизандергея*;

з) календарь: *февраль*, «*месяц сбора оленьих рогов*» [1, с. 179] – “*Hornung*” [2, S. 211]; *октябрь*, «*месяц вина*» [1, с. 179] – *der „Weinmonat“* [2, S. 211]; *ноябрь*, «*ветряный месяц*» [1, с. 179] – *der „Windmonat“* [2, S. 211]; *декабрь*, «*Христов месяц*» [1, с. 179] – *der „Christmonat“* [2, S. 211];

и) музыка и танцы: *die endlose Hopsapolka* [3, S. 316] – *нескончаемая хопса-полька*.

3.2.2 Объективация немецких культурных реалий в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев

Для исследования языковой репрезентации культурных реалий и реалий искусства у немцев ФРГ и российских немцев испытуемым было предложено записать любые спонтанные ассоциации на словосочетания-стимулы *deutsche Kultur* ‘немецкая культура’ и *deutsche Märchen/ Sagen sind...* ‘немецкие сказки/ легенды – это ...’ соответственно.

В результате предъявления стимула «немецкая культура» были получены 274 реакции в группе немцев ФРГ и 194 реакции в группе российских немцев.

Немецкая культура в языковом сознании немцев ФРГ представлена на рисунке 17:

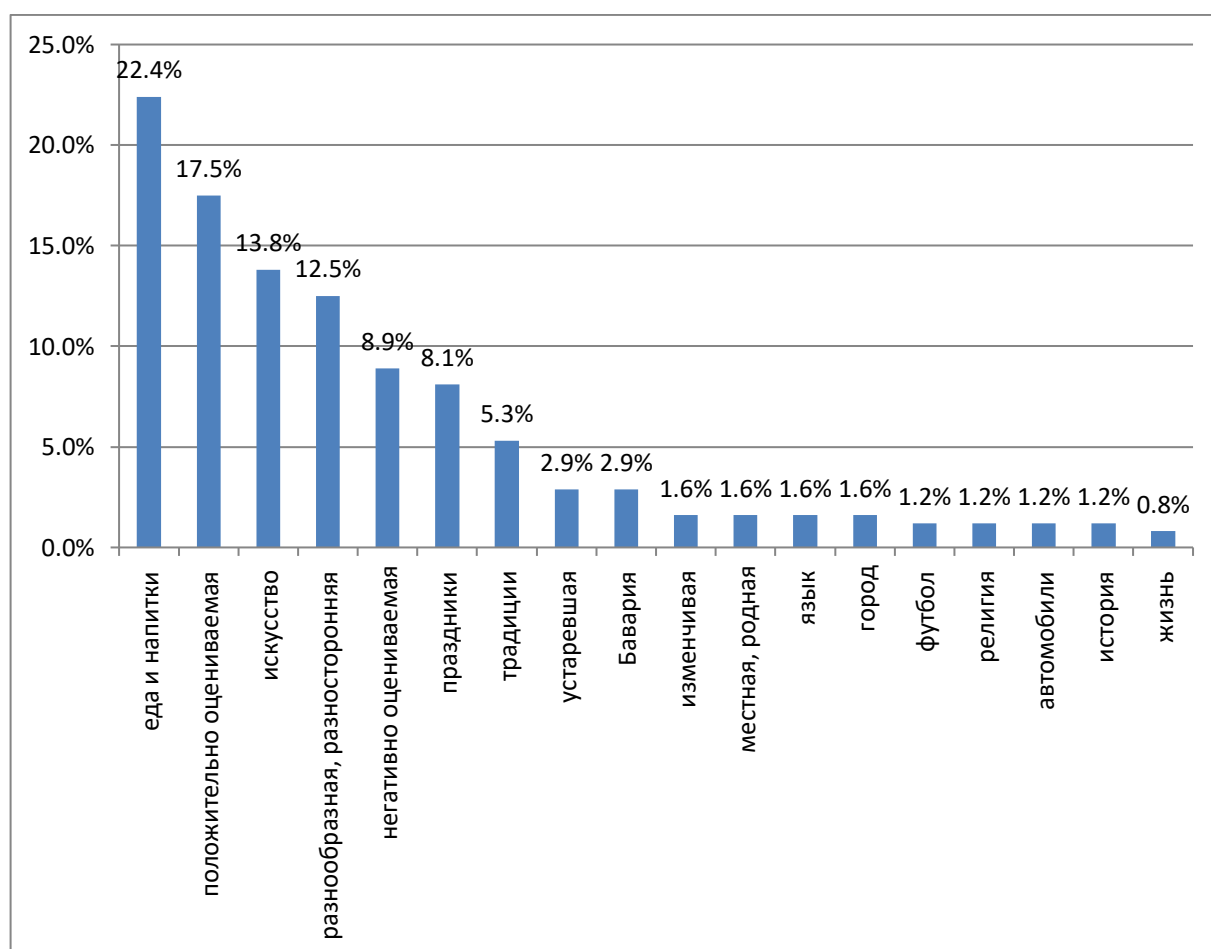

Рисунок 17 – Немецкая культура в языковом сознании немцев ФРГ по результатам ассоциативного эксперимента (период проведения: июнь-июль 2022 года)

Немецкая культура в языковом сознании российских немцев представлена на рисунке 18:

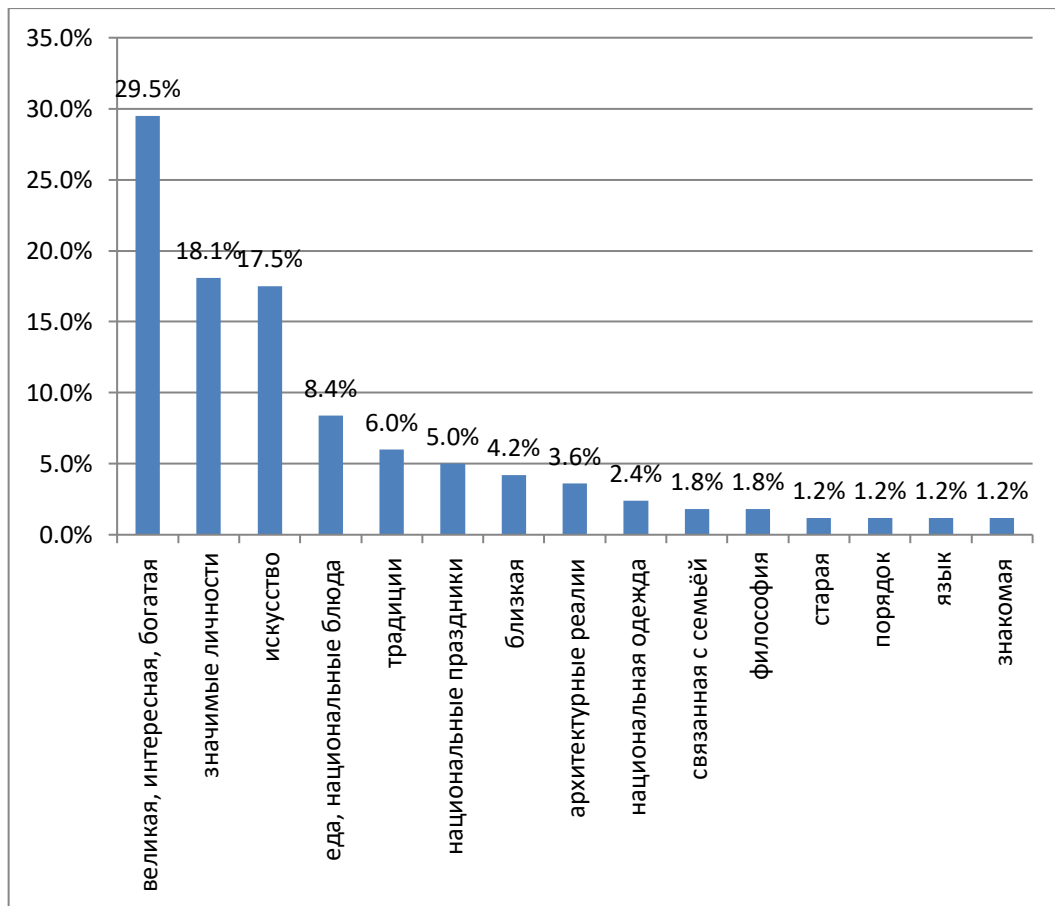

Рисунок 18 – Немецкая культура в языковом сознании российских немцев по результатам ассоциативного эксперимента (период проведения: сентябрь-октябрь 2022 года)

В языковом сознании немцев ФРГ немецкая культура выражается прежде всего в культуре еды и напитков (22,4 %), при этом наибольшую актуализацию получает *Bier* ‘пиво’ (10,8 %) и *Bratwurst, Würstchen* ‘колбаса’ (2,8 %). Для российских немцев немецкая культура так же актуализируется в значении «еда и национальные блюда» (8,4 %), но данное значение находится на дальней периферии и получает наиболее яркое выражение в реакциях *кухен* (*выпечка*) (3,6 %) и *пиво* (2,4 %). Ядерным значением словосочетания «немецкая культура» в языковом сознании российских немцев является положительная

характеристика «великая, интересная, богатая» (29,5 %), при этом ассоциат *интересная* составляет 10,8 %, *богатая* – 4,8 %. Заметим, что в языковом сознании немцев ФРГ положительное описание немецкой культуры так же актуализируется, но находится на ближней периферии (17,5 %), при этом наиболее яркими стали ассоциаты *pünktlich* ‘пунктуальная’ (5,3 %) и *schön* ‘прекрасная’ (4,5 %).

Примечательно, что на ближней периферии значения «немецкая культура» у немцев ФРГ и российских немцев находится «искусство» (13,8 % и 17,5 % соответственно), но если для немцев ФРГ значимой является литература (наиболее яркие ассоциаты *Dichter und Denker, Literatur* ‘мыслители, поэты и писатели’, 6,1 %), российские немцы отдают предпочтение музыкальному и народному творчеству: *танцы* (5,4 %), *музыка и песни* (4,8 %), *инструменты* (2,4 %), *фольклор* (1,8 %). Стоит также отметить, что для немцев немецкая культура не персонифицирована, обезличена, в языковом сознании российских немцев имена значимых деятелей искусства (18,1 %) находятся в ядерной зоне значения, среди которых яркими ассоциатами являются *Гёте* (8,4 %), *Бах* (1,8 %), *Бетховен* (1,8 %), *Шиллер* (1,8 %), *Моцарт* (1,8 %).

Следующим значением ближней периферии словосочетания «немецкая культура» для немцев ФРГ являются *vielfältig, vielseitig* ‘разнообразная, разносторонняя’ (12,5 %), данное значение не актуализировано у российских немцев. Значения дальней периферии совпадают у обеих групп и представлены праздниками – 8,1 % для немцев ФРГ и 5 % для российских немцев (при этом для обеих групп ярким ассоциатом является Октоберфест) – и традициями – 5,3 % и 6 % соответственно. Кроме того, немцы ФРГ дают негативную характеристику немецкой культуре, негативная оценка (8,9 %) (*engstirnig, stereotypisch* ‘однобокая, глупая, стереотипная’ – 6,5 %, *nicht sehr tolerant* ‘нетерпимая’ – 0,8 %) находится на дальней периферии и не выявлена у российских немцев.

Значения крайней периферии у немцев ФРГ и российских немцев так же обнаруживают совпадения: немецкая культура ассоциируется с *Sprache* (1,6 %) / языком (1,2 %), с чем-то родным, семьей или Родиной – *heimische Kultur* ‘местная,

родная' (1,6 %) / культура моих предков (1,8 %). Существуют характерные небольшие отличия в периферийных значениях: если для немцев ФРГ немецкая культура устарела, скоро исчезнет или будет утрачена (ассоциаты *geht verloren, veraltet, verschwindet zunehmend*, 2,9 %), то у российских немцев актуализируется значение «старая» (древняя, классическая) (1,2 %). Примечательно, что наряду с несовременностью немецкой культуры немцы ФРГ говорят о ее изменчивости (1,6 %), что выражается в ассоциатах *hat sich verändert 1, Veränderung 1, wechselhaft 1, ist immer im Wandel 1*.

По результатам эксперимента можно заключить, что психолингвистические значения словосочетания «немецкая культура» для немцев ФРГ и российских немцев достаточно близки по составу, но отличаются по структуре. В языковом сознании немцев ФРГ немецкая культура проявляется в этнографических реалиях (еда и напитки, праздники), реалиях искусства (литература), при этом оценка культуры достаточно противоречива (прекрасная и скучная, меняющаяся и устаревшая, разнообразная). Психолингвистическое значение «немецкой культуры» для российских немцев положительно окрашено (великая, высокая), репрезентировано преимущественно ономастическими реалиями (прецедентные имена: Гёте, Бах, Бетховен), реалиями культуры и искусства (музыка и танцы) и этнографическими реалиями (еда и напитки, праздники).

В результате предъявления стимула «немецкие сказки/ легенды – это ...» было получено 303 реакции в группе немцев ФРГ и 192 реакции в группе российских немцев, включая отказы.

Немецкие сказки и легенды в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев представлены на рисунках 19 и 20:

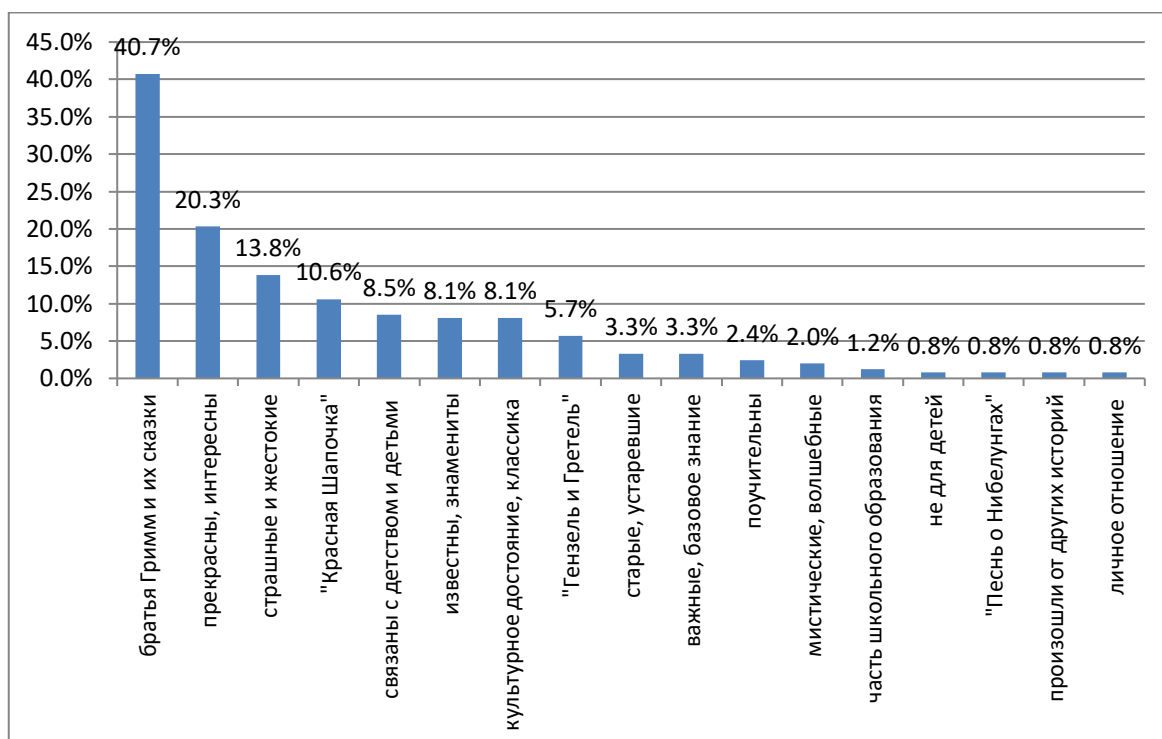

Рисунок 19 – Немецкие сказки и легенды в языковом сознании немцев ФРГ по результатам ассоциативного эксперимента (период проведения: июнь-июль 2022 года)

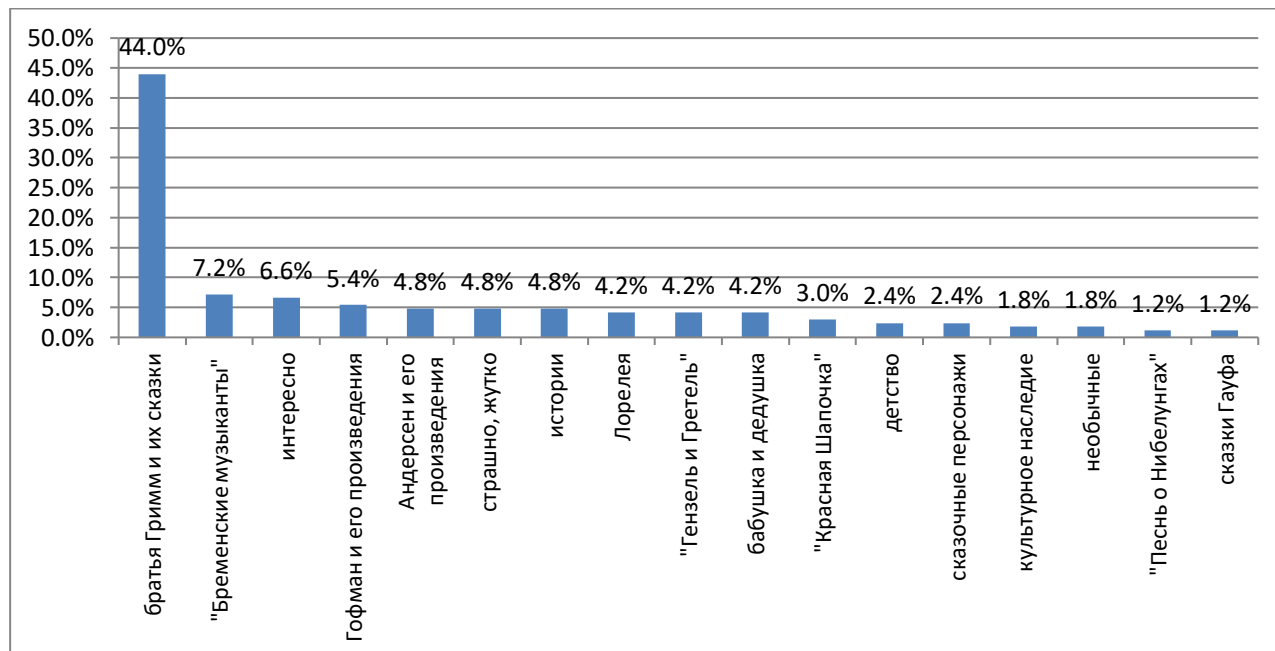

Рисунок 20 – Немецкие сказки и легенды в языковом сознании российских немцев по результатам ассоциативного эксперимента (период проведения: сентябрь-октябрь 2022 года)

В языковом сознании и немцев ФРГ, и российских немцев немецкими сказками являются, прежде всего, сказки братьев Гримм со значениями 40,7 % и 44 % соответственно, при этом почти половина испытуемых в обеих группах назвала лишь имя немецких братьев, подразумевая его как синоним сказкам (реакции *Brüder Grimm* и *братья Гримм* соответственно). Кроме того, к ядерным значениям в языковом сознании немцев ФРГ относится значение «прекрасны, интересны» (20,3 %, реакции *schön* 'красивый, прекрасный', *interessant* 'интересный'). Значение «интересно» выделяется и российскими немцами, но оно находится на дальней периферии (6,6 %). На ближней периферии в языковом сознании немцев ФРГ немецкие сказки и легенды имеют значения «страшные, жестокие» (13,8 %) с наиболее частотными реакциями *brutal* 'жестокий', *gruselig* 'жуткий', *düster* 'мрачный' и значение «Красная Шапочка» (10,6 %). Примечательно, что в романе «Дети мои» автор Г. Яхина описывает литературные и фольклорные произведения схожим образом: «трагические немецкие баллады, выросшие из жестоких сказок и мрачных легенд...» [1, с. 62] («tragische[n] deutsche[n] Balladen, denen grausame Märchen und finstere Legenden...» [2, S. 67]. Значения «страшно, жутко» и «Красная Шапочка» выделяются и российскими немцами, но с наименьшей частотой – 4,8 % и 3 % соответственно, значения расположены на крайней периферии. В языковом сознании российских немцев на ближней периферии значения отсутствуют.

На дальней периферии немцами ФРГ и российскими немцами актуализируются значения различных сказок братьев Гримм: если для немцев ФРГ это сказка «Гензель и Гретель» (5,7 %), то для российских немцев релевантной является сказка «Бременские музыканты» (7,2 %). Кроме того, российскими немцами отмечается Гофман и его произведения (5,4 %). На дальней периферии немецкие сказки и легенды у немцев ФРГ обладают значениями «связанные с детством, детьми» (8,5 %), «известные, знаменитые» (8,1 %) и «культурное достояние» (5,7 %). Российскими немцами актуализируются значения «детство» (2,4 %) и «культурное наследие» (1,8 %) на крайней периферии. Любопытно, что российскими немцами названо десять сказок Гримм,

в то время как немцы ФРГ вспомнили две сказки. В то же время в языковом сознании российских немцев на крайней периферии значения находится датский писатель Ганс Кристиан Андерсен с его сказками.

Таким образом, в результате анализа романов «Дети мои» и „Wir selbst” были выявлены культурные реалии и реалии искусства российских немцев, к которым относятся литературные и фольклорные произведения, мифологические персонажи, традиции, праздники, суеверия, танцы, религиозные предметы и служители, календарь и средства массовой информации. Ассоциативный эксперимент показал, что реалии по-разному отражаются в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев. Так, если для немцев ФРГ немецкая культура воплощается в культуре еды и напитков, актуализируется через этнографические/бытовые реалии, то российские немцы определяют немецкую культуру через важных деятелей искусства, называя имена Гёте, Баха, Бетховена, Шиллера, то есть дефинируют через ономастические реалии. Обе группы испытуемых дают положительную оценку немецкой культуре, при этом для немцев ФРГ самыми значимыми являются определения *pünktlich* ‘пунктуальная’, *schön* ‘красивая’, для российских немцев – «интересная» и «богатая». Примечательным является также то, что обе группы относят к немецкой культуре искусство, но если для немцев искусство выражается в литературе (*Dichter und Denker* ‘мыслители и поэты’, *Literatur* ‘литература’), то для российских немцев определяющими являются «танцы», «музыка» и «песни». Типичными немецкими сказками и легендами для немцев ФРГ и российских немцев являются сказки Гримм, которые широко используются Г. Яхиной в повествовании о жизни поволжских немцев.

§ 3.3. Ономастические реалии как маркеры лингвокультуры русских немцев

3.3.1. Особенности вербализации ономастических реалий в романах

Г. Яхиной «Дети мои» и Г. Завацкого „Wir selbst”

Выделение ономастических реалий в теории реалий не является бесспорным: так, если С. Флорин и С. Влахов разделяют онимы и реалии, считая их самостоятельными лексическими единицами, то В. С. Виноградов, Г. Д. Томахин и другие исследователи относят онимы к реалиям, определяя их в отдельный класс – ономастические реалии.

В диссертационном исследовании Е. С. Бугрышева приравнивает онимы к реалии в тех случаях, когда имя собственное неразрывно связано с историей и культурой страны, в то же время ученый подчеркивает: «все имена собственные, появившиеся в контексте культуры определенной страны, – реалии» [22, с. 54]. Под ономастическими реалиями Е. С. Бугрышева понимает «имена собственные, которые называют предметы, понятия и события, типичные для культуры определенной страны» [23, с. 7].

Мы вслед за К.К. Гудий придерживаемся той точки зрения, что ономастические реалии являются особым видом реалий, так как состоят из двух компонентов – онима и реалии – и соединяют в себе «сущностные характеристики онимов как единиц номинации и реалий как культурно маркированных языковых знаков» [38, с. 203]. При этом под онимом (именем собственным) мы будем понимать «слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов; его индивидуализации и идентификации» [161, с. 91].

Имена собственные аккумулируют культурно-историческую информацию и содержат в своем значении национально-культурный компонент. Как справедливо замечает А. В. Суперанская, «едва ли найдется хоть одно имя, не связанное так или иначе с культурой народа, его создавшего или употребляющего» [117, с. 131].

Оним может нести в себе информацию о происхождении, социальной и стилевой принадлежности, употребительности [26, с. 171–172], то есть имена собственные могут содержать экстралингвистические знания (исторические, этнографические, культурологические), представления, ассоциации. Как пишут Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, «национально-культурный компонент свойствен именам собственным, пожалуй, даже в большей степени, чем апеллятивам» [Там же, с. 170].

По мысли В. А. Ражиной, понимание культурно значимых онимов, усвоение содержащихся в них смыслов означает усвоение языковой личностью ключевых концептов национальной культуры [91, с. 6]. Освоение культурно-специфичного ономастикона способствует постижению национальной культуры этноса, усвоению системы культурно маркированных ценностей и представлений, приобщению к соответствующей лингвокультуре.

В художественных произведениях ономастические реалии становятся маркерами другой лингвокультуры и передают национально-культурную специфику, формируют дополнительные смысловые пласты. Как пишет В. С. Виноградов о художественном переводе, что справедливо можно отнести и к художественным произведениям: «В литературном переводе имена собственные не только выполняют функции наименования, названия существа или объекта, но и являются теми немногими словами, сама форма которых указывает на национальную принадлежность наименованного предмета мысли» [28, с. 109]. Топонимические реалии выполняют функцию локализации места действия и воссоздания колорита. По мнению В. А. Ражиной, в художественном тексте топонимы необходимы не только для создания достоверного фона, но они могут стать одним из средств выразительности и влиять на воплощение художественного замысла [91, с. 14].

Ономастические реалии не раз становились предметом исследований [91; 119; 28; 38; 23], однако единая классификация ономастических реалий не была разработана.

В. С. Виноградов к ономастическим реалиям относит: антропонимы, различая при этом общие и индивидуальные имена и фамилии, последние обозначают известных деятелей и знаменитостей; топонимы, подразделяя их на обычные топонимы и мемориативные, содержащие дополнительную информацию (например, Хиросима); имена литературных героев; названия компаний, музеев, театров и т.п., включающие в себя определенные страноведческие сведения [28, с. 110].

Для выделения и описания ономастических реалий поволжских немцев в романах Г. Яхиной и Г. Завацкого за основу нами была взята классификация В. С. Виноградова. Ономастические реалии наряду с этнографическими реалиями являются одной из наиболее многочисленных групп реалий в данных романах.

Исследователь лексико-семантического поля «немецкий» в романе Гузель Яхиной Е. Р. Иванова также обращает внимание на многочисленность имен собственных в романе, объясняя это тем, что «трагизм судьбы поволжских немцев проявляется в линиях жизни отдельных людей – героев романа» [44, с. 66].

Многочисленность ономастических реалий в романе Г. Завацкого создает ощущение большого и шумного селения, где по соседству живут соотечественники – с таким же языком, традициями и обычаями. Такое «многоголосье» немецких имен в романе „Wir selbst” транслирует чувство сплоченности и культурной уникальности немецких (поволжских) колонистов.

Среди ономастических реалий нами были выделены антропонимы, топонимы, имена литературных героев и названия компаний. Ввиду существенных функциональных различий антропонимы исследуемых произведений рассматриваются отдельно, остальные ономастические реалии будут рассматриваться вместе.

В романе «Дети мои» можно выделить следующие немецкие антропонимы: общие имена и фамилии: *Якоб Бах* [1, с. 14] – *Jakob Bach* [2, с. 10], *Петер Дитрих* [1, с. 16] – *Peter Dietrich* [2, с. 13], *Антон Фромм* [1, с. 17] – *Anton Fromm* [2, с. 14], *Юлиус Вагнер* [1, с. 17] – *Julius Wagner* [2, с. 13], *Удо Гримм* [1, с. 29] – *Udo Grimm* [2, с. 28], *Дюрер* [1, с. 68] – *Dürer* [2, с. 75]; *Манны, Ланги, Вендерсы,*

Грассы [1, с. 203] – *die Manns, Langes, Wenders, Grass'* [2, с. 251], *Адам Гендель* [1, с. 77] – *Adam Händel* [2, S. 86], *Шрөдер* [1, с. 234] – *Schröder* [2, S. 277], *Гофман* [1, с. 229] – *Hoffmann* [2, S. 271], *вдова Кох* [1, с. 23] – *Witwe Koch* [2, S. 20], *Гауф* [1, с. 110] – *Hauff* [2, S. 126]; *Гаусс* [1, с. 225] – *Gauß* [2, S. 266], *Коль* [1, с. 235] – *Kohl* [2, S. 278], *Вендерс* [1, с. 234] – *Wenders* [2, S. 276], *Брехт* [1, с. 234] – *Brecht* [2, S. 276], *Планк* [1, с. 315] – *Plank* [2, S. 373], *Шмидт* [1, с. 315] – *Schmidt* [2, S. 373], *Бенц* [1, с. 444] – *Benz* [2, S. 530], *Беккер* [1, с. 269] – *Becker* [2, S. 318]. Любопытно, что Г. Яхина в качестве общих фамилий использует знакомые российскому читателю имена, которые отсылают нас к известным деятелям в сфере музыки, литературы, изобразительного искусства, науки, политики и вызывают определенные ассоциации. Так, фамилия главного героя Якоба Баха вызывает ассоциации с композитором Иоганном Бахом, Дюрера – с художником Дюрером, Гаусса – с математиком Гауссом, фамилия героини Клары Гримм отсылает к братьям Гримм и т.д.

Е. Р. Иванова предполагает, что использование известных, прецедентных имен необходимо автору для того, чтобы рассказать читателю о сложной исторической судьбе поволжских немцев, «о не востребованном в России начала XX века потенциале российских немцев, чьи “громкие” фамилии постоянно напоминают о лучших представителях германского народа и его достижениях мирового уровня» [44, с. 64–65]. О. А. Лисенкова считает, «эта игра подчеркивает, что поволжские немцы живут в том же культурном пространстве, что и далекая Германия» [70, с. 392].

Необычным приемом в романе «Дети мои» является употребление немецких имен и фамилий во множественном числе, что подчеркивает массовость, наличие немалого числа жителей с немецкими корнями в России: *Манны, Ланги, Вендерсы, Грассы* [1, с. 203] – *die Manns, Langes, Wenders, Grass'* [2, S. 251], *Марии и Катарини, Эвы и Элизабеты, Сузанны и Софии* [1, с. 189] – *Maria und Katharina, Eva und Elisabeth, Susanne oder Sophie* [2, S. 223], *маленькие Ленче, Амальче, Гензельче и Гретче* [1, с. 256] – *die Lenchen, Amalchen, Hänsel und Gretel* [2, S. 303]. Называние героев по имени-отчеству – Якоб Иванович Бах –

наводит на мысль о двойственности судьбы российских немцев, выбравших Россию своей родиной.

В тексте романа встречается большое количество индивидуальных имен и фамилий: *Гёте, Новалис, Шиллер, Гейне* [1, с. 19] – *Goethe, Schiller, Heine, Novalis* [2, с. 16], *фёрстеры, клемпереры, нонне, борхардты, штрюмпели, бумке* [1, с. 129] – *Berühmte Ärzte wie Foerster, Klemperer, Nonne, Borchardt, Strümpell oder Bumke* [2, с. 149], *Гутлер* [1, с. 414] – *Hitler* [2, с. 493]; *Пауль фон Гинденбург* [18, с.416] – *Paul von Hindenburg* [19, S.495]; *Готтшед, Гёте, братья Гримм* [1, с. 20] – *Gottsched, Goethe oder die Brüder Grimm* [2, S. 17], *Лессинг* [1, с. 67] – *Lessing* [2, S. 76].

Использование имен Новалиса, Шиллера, Гейне и Гёте обращает нас, по мысли исследователей К. Ганзеля и М. Кульковой, к коллективной памяти немцев („Wenn von Novalis, Schiller, Heine und vor allem Goethe die Rede ist, dann wird hier ganz in der Tradition des späten 19. und 20. Jahrhunderts auf einen Kanon maßgeblicher Autoren und Werke und somit auf das kollektive Gedächtnis der Deutschen verwiesen“) [206, S. 149]. Таким образом, образуется единое культурное пространство, объединяющее российских немцев с немцами далекой Германии.

Е. Р. Иванова замечает, что немецкие онимы в произведении Г. Яхиной дополнительно создают исторический контекст. Появляясь в хронологическом порядке, они как бы отмечают исторические вехи – Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Карл Либкнехт, Роза Люксембург, а затем Пауль фон Гинденбург, Рудольф Гитлер, Адольф Гесс. По мнению Е. Р. Ивановой, эти немецкие имена собственные служат временными и историческими ориентирами, которые позволяют «соотнести жизнь героев произведения с большим историческим временем» [44, с. 65].

Отдельно стоит сказать о романе Г. Завацкого «Мы сами» и особенностях антропонимики в нем. Роман, законченный в 1938 году, создан в каноне соцреализма, главном творческом методе того времени. Действие разворачивается с начала 20-х до 30-х годов и начинается с эпизода бегства от Красной Армии бывшего фабриканта, зажиточного поволжского немца Бенклера вместе с

невесткой и внучкой. Этот фрагмент как бы олицетворяет собой крушение старого мира и наступление советской власти. Примечательно, что Бенклер является одним из немногих героев, чье имя приводится вместе с отчеством: *Eduard Karlowitsch* `Эдуард Карлович`. Можно заметить, что по имени-отчеству называют прежде всего героев «старой формации», имевших до революции богатое состояние и занимавших высокое положение в обществе: Эдуард Карлович, его сын Оскар Эдуардович, бывший кулак Отто Карлович. Как замечает автор, Бенклеру льстит такое обращение «по старинке» („...und deshalb schmeichelte es seiner Eigenliebe umso mehr, dass dieser nicht nur seinen Vornamen, sondern auch seinen Vatersnamen behalten hatte und ihn so anredete, wie er in guten Zeiten angeredet worden war“ [3, S. 31]. Кроме этого, по имени-отчеству обращаются к немцам в русскоязычной профессиональной среде: *Heinrich Friedrichowitsch* `Хайнрих Фридрихович` говорят на фабрике, обращаясь к одному из главных героев. Для остальных немецких героев характерно название или только по имени: *Elvira, Elly, Friedrich, Christian, Emma, Christine, Fritz*; или по имени-фамилии: *Heinrich Kempel, Friedrich Kempel, Hubers Irma, Heinrich Ostermüller, Theodor Klein, Emma Kraus, Schreiners Peter, Schröders Christian, Else Korbmacher, Hubers Fritz, Luise Benkler*; или словосочетанием, в котором первая часть именуется обращение / семейное положение / профессию, статус, звание: *Ingenieur Horn* `инженер Хорн`, *Schlosser Hart* `слесарь Харт`, *Tante Emma* `тетя Эмма`, *Frau Kraus* `фрау Краус`, *Schwager Körber* `свояк Кёрбер`, *der Soldatenmärz* `солдат Мэрц`, *Witwe Ehlert* `вдова Элерт`, *Vetter Jakob* `братец Якоб Краус`, *Tante Hilda* `тетя Хильда`, *Väs Lieskatrin* `Лизкатрин`, *Vetter Friedrich* `дядя Фридрих`, *der Lektor Engelbrecht* `преподаватель Энгельбрехт`, *Hirtenjakob* `пастух Якоб`, *Genosse Frühauf* `товарищ Фрюауф`, *Onkel Jakob* `дядя Якоб`, *Bürger März* `буржуй Мэрц`.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие немецких индивидуальных имен, прецедентные немецкие антропонимы возникают только в названиях трикотажной фабрики – *Clara Zetkin* – и текстильной фабрики – *Karl Liebknecht*, при этом в соответствии с духом эпохи используются имена значимых революционных деятелей. Такое обилие именно немецких общих, а не

индивидуальных, прецедентных имен словно становится символом того, что историю Немреспублики, ее коммунистическое будущее творят простые люди, обычные российские немцы.

Следующей частью ономастических реалий являются топонимы, обозначающие географические объекты. В романах Г. Яхиной и Г. Завацкого выделяются следующие топонимы: *Вестфалия и Саксония, Бавария, Тироль и Вюртемберг, Эльзас и Лотарингия, Баден и Гессен* [1, с. 20] – *Westfalen und Sachsen, Bayern, Tirol und Württemberg, Elsas und Lothringen, Baden und Hessen* [2, S. 17], *Рейн и Одер, Эльба и Везер* [1, с. 315] – *Rhein und Oder, Elbe und Weser* [2, S. 373], *Рур* [1, с. 229] – *die Ruhrgebiet* [2, S. 271], *Берлин* [1, с. 421] – *Berlin* [2, S. 502], *die Obergasse* [3, S.85], *die Große Straße* [3, S.116], *die Deutsche Straße* [3, S.174], *Marktstraße* [3, S.687].

По справедливому замечанию Е. Р. Ивановой, одним из ярких топонимов является лексема «Германия» и ее производные, используемые в романе Г. Яхиной. На примере употребления данного топонима можно проследить политические изменения: *кайзеровская Германия, Веймарская Германия, имперская Германия* [44, с. 65]. Особняком стоят словосочетания «поволжская Германия» и «ручная Германия», которыми автор описывает Немецкую коммуны [1, с. 133]. Любопытным является наблюдение исследователей О. С. Крюковой и Д. А. Хромовой: они выделяют в романе два образа Германии – Германии как «земли обетованной», далекой мечты колонистов, и Германии как страны тяжелого труда и социального неравенства [58, с. 237].

Особо необходимо отметить упомянутые в произведениях топонимы немцев Поволжья: *Бальцер* [1, с. 67] – *Balzer* [2, с. 73], *Варенбург* [1, с. 459] – *Warenburg* [2, с. 548], *Немецкая республика* [1, с. 237] – *Deutsche Republik* [2, с. 280], *Куттер, Мессер, Шиллинг, Шваб* [1, с. 32] – *Kutter, Messer, Schulling oder Schwab* [2, S. 31], *Шенхен* [1, с. 67] – *Schönchen* [2, S. 73], *Лызандергей, Дönhof* [3, S. 350] – *Денгоф, Schilling* [3, S. 354] – *Шиллинг, Kutter* [3, S. 486] – *Куттер, Warenburg* [3, S.788] – *Варенбург, Messer* [3, S. 849] – *Мессер, Mariental* [3, S. 849] – *Маруенталь, Kratzke* [3,

S. 529] – *Кратцке*. Названия поволжских колоний в основном отсылают к именам переселенцев или повторяют названия немецких городов.

Однако при новой власти наряду со старыми топонимическими названиями возникают новые – появляются *Engels* и *Marxstadt* [3, S. 321], *Энгельс* и *Маркштадт*, города, обязанные своим названием немецким философам.

Название немецкой колонии Гнаденталь, в которой разворачиваются главные события в романе Г. Яхиной «Дети мои», исследователь О. В. Арзямова рассматривает как этнокультурную доминанту произведения, которая «обогащается» с помощью этнографических реалий, например, ритуальных действий поволжских немцев, традиций и уклада. По мнению ученого, Гнаденталь «выступает как средство фиксации этнокультурной памяти, отражает менталитет поволжских немцев, связанный с системой понятий и ценностей данного этноса» [11, с. 25–27].

Кроме того, среди ономастических реалий в романах можно выделить имена литературных героев: *Сметливый Портняжка* [1, с. 248] – *der Tapfere Schneiderlein* [2, с. 294], *Глупый Ганс* [1, с. 248] – *der Dumme Hans* [2, с. 294], *Мефистофель* [1, с. 390] – *Mephisto* [2, с. 464]; эргонимы (названия компаний) и т.д.: фабрики «*Карл Либкнехт*», «*Клара Цеткин*», «*Роза Люксембург*» в Поволжье [1, с. 459] – *Fabriken des Wolgagebiets „Karl Liebknecht“, „Clara Zetkin“ und „Rosa Luxemburg“* [2, с. 548], *Strickerei „Clara Zetkin“* [3, S. 268] – трикотажная фабрика «Клара Цеткин», *Textilfabrik „Karl Liebknecht“* [3, S. 849] – текстильная фабрика «Карл Либкнехт».

3.3.2. Ономастические реалии в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев

Для исследования индивидуальных или прецедентных немецких имен в языковом сознании российских немцев и немцев ФРГ в ходе ассоциативного эксперимента мы предъявили два стимула: «*deutsche Berühmtheiten sind...*» /

«немецкие знаменитости – это ...» и «deutsche Schriftsteller sind ...» / «немецкие писатели – это ...».

Как замечает Г. Ю. Сызранова, психолингвистические методы пока применяются довольно редко в изучении имен собственных [114, с. 76].

В результате предъявления стимула «deutsche Berühmtheiten sind...» или «немецкие знаменитости – это ...» было получено 312 реакций в группе немцев ФРГ и 311 реакций в группе российских немцев.

Психолингвистическое значение словосочетания *deutsche Berühmtheiten* представлено на рисунке 21:

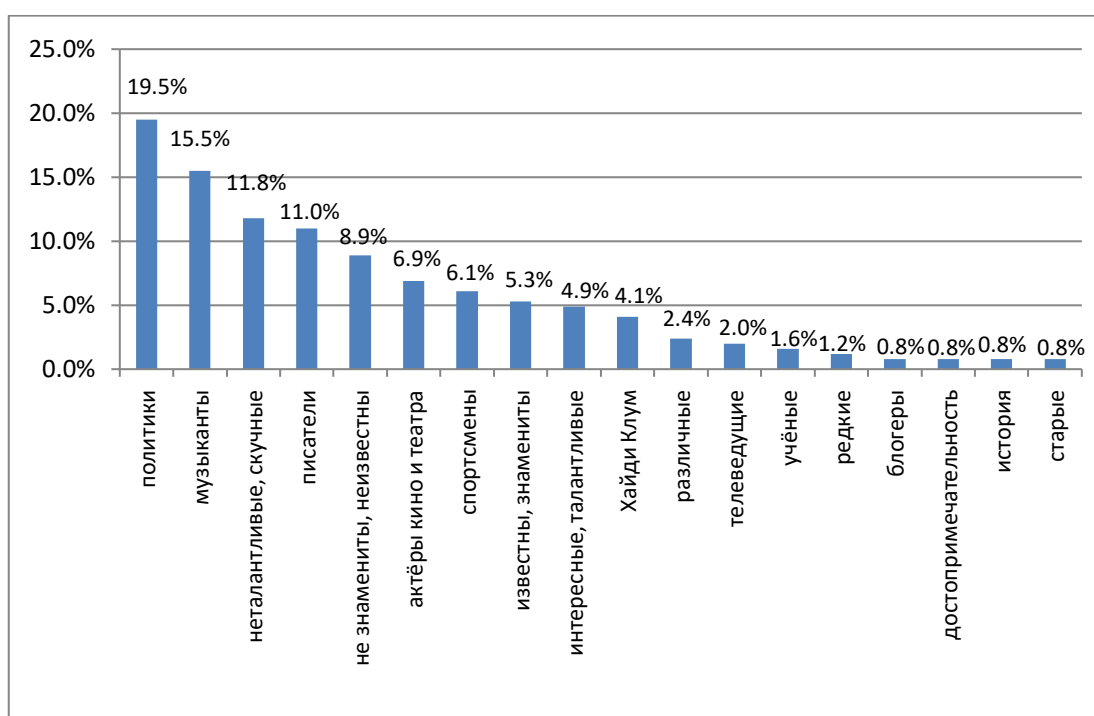

Рисунок 21 – Немецкие знаменитости в языковом сознании немцев ФРГ по результатам ассоциативного эксперимента (период проведения: июнь-июль 2022 года)

Психолингвистическое значение словосочетания *немецкие знаменитости* представлено на рисунке 22:

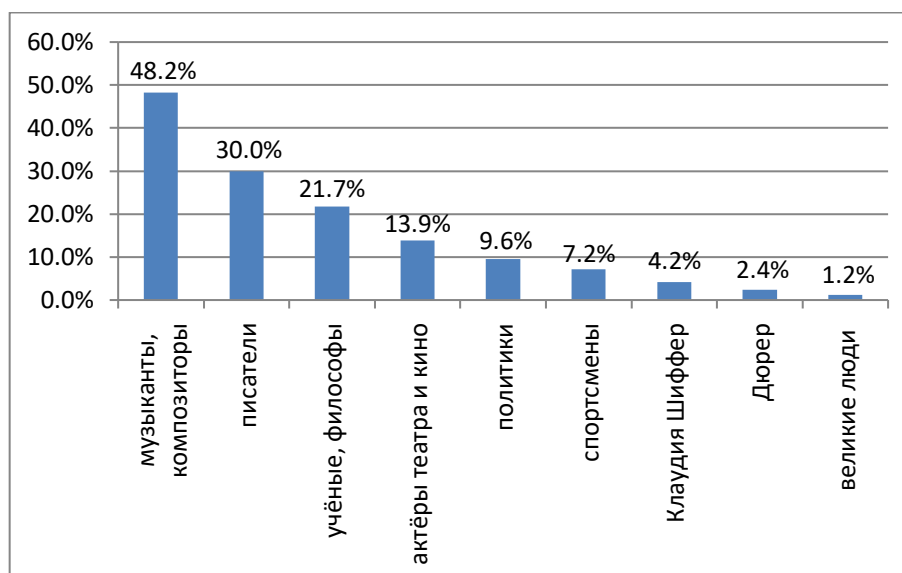

Рисунок 22 – Немецкие знаменитости в языковом сознании российских немцев по результатам ассоциативного эксперимента (период проведения: сентябрь-октябрь 2022 года)

Для немцев ФРГ немецкими знаменитостями являются в первую очередь политики (19,5 %), среди которых наибольшее количество реакций получила *Angela Merkel* ‘Ангела Меркель’ (16,2%), и музыканты (15,5 %), в особенности *Helene Fischer* ‘Хелена Фишер’ (5,3 %).

Для российских немцев «музыканты и композиторы» (48,2 %) являются ядерным значением, при этом наибольшее количество ассоциатов принадлежит группе *Rammstein* и ее лидеру (12,7 %) и *Бетховену* (9,6 %). Кроме того, к ядерному значению относятся «писатели» (30 %) с самыми яркими ассоциатами *Гёте* (12,7 %), *Шиллер* (4,2 %) и *братья Гримм* (3,6 %). Необходимо отметить, что значение «писатели» актуализировано и немцами ФРГ, но оно относится к ближней периферии (11 %), и самыми яркими ассоциатами так же, как у российских немцев, являются *Goethe* ‘Гёте’ (7,3 %) и *Schiller* ‘Шиллер’ (1,2 %). При этом если среди писателей в языковом сознании немцев ФРГ были актуализированы только два автора – *Гёте* и *Шиллер*, то на периферии значения у российских немцев, помимо *братьев Гримм*, также находятся *Ремарк* (3 %), *Генрих Гейне* (2,4 %) и *Фет* (2,4 %).

Кроме того, в ядерное значение словосочетания «немецкие знаменитости» у российских немцев входит значение «ученые, философы» (21,7 %), самый яркий ассоциат – *Кант* (9 %). Значение «ученые» актуализируется немцами ФРГ на крайней периферии (1,6 %) с самой частотной реакцией *Einstein* ‘Эйнштейн’ (0,8 %).

Российскими немцами выделяется значение «актеры театра и кино» (13,9 %), при этом наиболее яркими являются ассоциаты *Тиль Швайгер* (6,6 %), *Алиса Фрейндлих* (3 %) и *Марлен Дитрих* (3 %). Таким образом, российские немцы отметили не только актеров из Германии, но и свою соотечественницу. Если у российских немцев значение «актеры кино и театра» располагается на ближней периферии, то у немцев ФРГ оно находится на дальней периферии (6,9%) с наиболее частотной реакцией *Til Schweiger* ‘Тиль Швайгер’ (2,4 %).

В группе российских немцев значение «политики» (9,6 %) относится к дальней периферии, но так же, как для немцев ФРГ, самым частым ассоциатом стала *Ангела Меркель* (4,2 %). Примечательным является то, что для российских немцев «немецкие знаменитости» включают в себя только людей или их характеристики, тогда как для немцев ФРГ, хотя и в единичном проявлении, значение «*deutsche Berühmtheiten*» содержит в себе достопримечательности *das Brandenburger Tor* (0,4 %), *Olympiastadion* (0,4 %).

Следует также отметить значение «спортсмены», актуализированное немцами ФРГ и российскими немцами и расположенное на дальней периферии (6,1 % и 7,2 % соответственно), при этом у немцев ФРГ оно воплощается преимущественно в футболе (3,3 %), у российских немцев ассоциируется с именем автогонщика Михаэля Шумахера (6 %). На крайней периферии расположены имена супермоделей (*Heidi Klum* ‘Хайди Клум’ (4,1 %) у немцев ФРГ и *Клаудия Шиффер* (4,2 %) у российских немцев).

Обращает на себя внимание то, что некоторые российские немцы в качестве немецких знаменитостей рассматривают своих соотечественников, от 2 до 5 реакций относятся к таким именам, как Алиса Фрейндлих (5), Фет (4), Даль (3), Анна Герман (3), Крузенштерн (2), Раушенбах (2).

Стоит отметить, что психолингвистическое значение «немецкие знаменитости» у немцев ФРГ отличается противоречивой оценкой: на ближней периферии располагается значение «неталантливые, скучные» (11,8 %, ассоциаты *langweilig* `скучные`, *unwichtig* `неважные`, *nicht immer die, die wirklich Talent haben* `не всегда те, у кого есть талант`), на дальней периферии – значения «незнамениты, неизвестны» (8,9 %, ассоциаты *unbekannt* `неизвестны`, *nicht international berühmt* `неизвестны в мире`) и «знамениты, известны» (5,3 %, ассоциаты *bekannt* `известны`, *berühmt* `известны`), на крайней периферии – значение «интересные, талантливые» (4,9 %, ассоциаты *interessant* `интересные`, *Vorbilder* `эталон`).

Ономастические реалии у немцев ФРГ воспроизводятся в именах современных политиков, прежде всего *Angela Merkel* `Ангела Меркель`, и современных музыкальных исполнителей (*Helena Fischer* `Хелена Фишер`, *Udo Lindenberg* `Удо Линденберг`), у российских немцев ономастические реалии воплощаются в названиях современных музыкальных групп, в частности группы *Rammstein*, и именах композиторов-классиков (Бетховен, Бах). Любопытно, что в языковом сознании немцев ФРГ ономастические реалии обладают яркой негативной оценкой (*langweilig* `скучные`, *unbedeutend* `незначительны`, *nicht immer die, die wirklich Talent haben* `не всегда те, у кого есть талант`, *unbekannt* `неизвестны`), тогда как у российских немцев данные реалии имеют положительную коннотацию: «великие люди».

В результате предъявления стимула «*deutsche Schriftsteller sind ...*» / «немецкие писатели – это ...» было получено 336 реакций в группе немцев ФРГ и 250 реакций в группе российских немцев, включая отказы.

Психолингвистические значения стимулов *deutsche Schriftsteller*/ *немецкие писатели* представлены на рисунках 23 и 24:

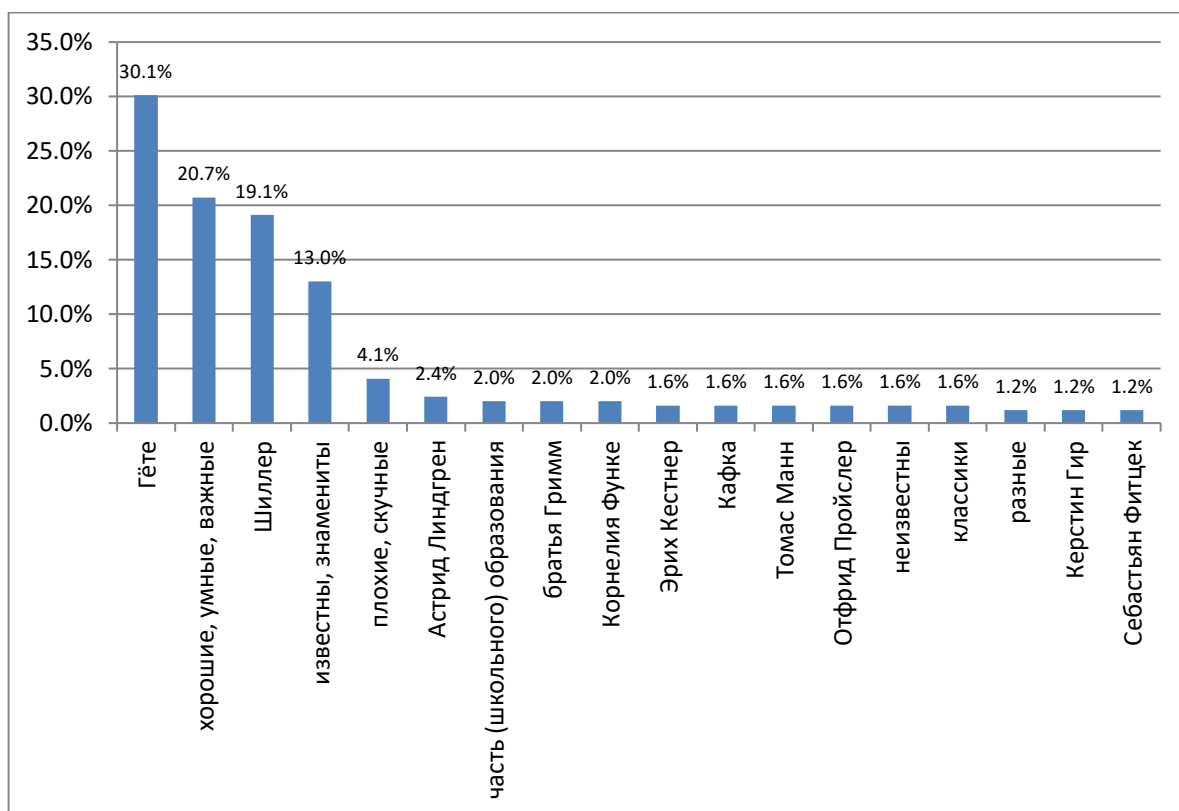

Рисунок 23 – Немецкие писатели в языковом сознании немцев ФРГ по результатам ассоциативного эксперимента (период проведения: июнь-июль 2022 года)

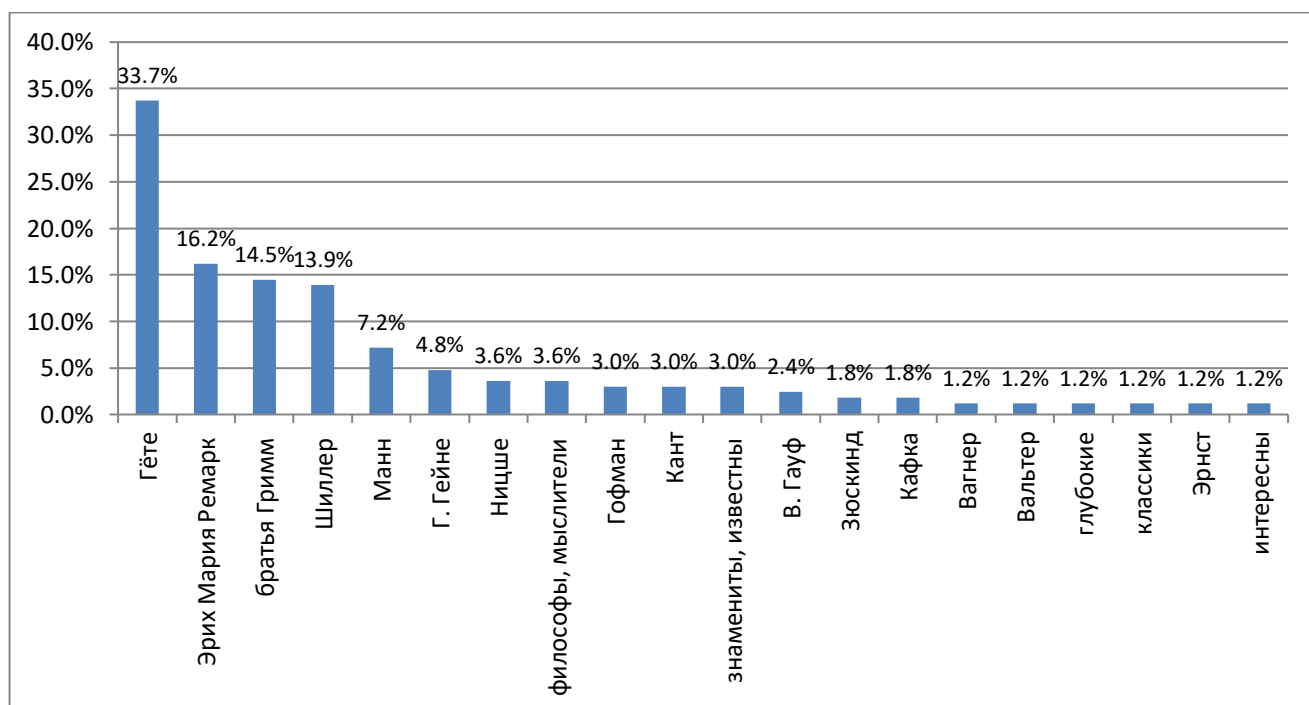

Рисунок 24 – Немецкие писатели в языковом сознании российских немцев по результатам ассоциативного эксперимента (период проведения: сентябрь-октябрь 2022 года)

Для немцев ФРГ и для российских немцев немецкие писатели ассоциируются, прежде всего, с Иоганном Гёте (30,1 % и 33,7 % реакций соответственно). В ядерное значение словосочетания «немецкие писатели» у немцев ФРГ входит положительная оценка «хорошие, умные, важные» (20,7 %, ассоциаты *gut* `хорошие`, *schlau* `умные`, *wichtig* `важные`). В ближней периферии и немцами ФРГ, и российскими немцами актуализируется имя другого писателя-классика Фридриха Шиллера (19,1 % и 13,9 % соответственно). Кроме того, российскими немцами выделяются Эрих Мария Ремарк (16,2 %) и братья Гримм (14,5 %), имена этих немецких писателей находятся на ближней периферии значения.

Немцами ФРГ подкрепляется положительная оценка немецких писателей в значении «известны, знамениты» (13 %, ассоциаты *bekannt* `известны`, *weltbekannt* `всемирно известны`, *berühmt* `знамениты`), которое находится на ближней периферии. Значение «известны, знамениты» выделяется также российскими немцами, но оно находится на крайней периферии (3 %).

Дальняя и крайняя периферии значения выявляют различия в представлениях о том, кого немцы и российские немцы считают немецкими писателями или какими качествами их наделяют. На дальней периферии российскими немцами актуализируются имена Генриха Гейне (4,8 %) и Манна (7,2 %), при этом самая частотная реакция *Манн* не содержит имени (Томас или Генрих). На крайней периферии наиболее яркими являются значение «философы, мыслители» (3,6 %), имена Ницше (3,6 %) Гофмана (3 %), Канта (3 %) и Гауфа (2,4%). У немцев ФРГ на дальней периферии выделяются значения «плохие, скучные» (4,1 %, реакции *langweilig* `скучные`, *schlecht* `плохие`, *manchmal überwertet* `иногда переоценены`) и «часть (школьного) образования» (2%, реакции *Teil der Schule* `часть школы`, *wichtig für Allgemeinbildung* `важно для общего образования`), имена шведской писательницы Астрид Линдгрэн (2,4 %), братьев Гримм (2 %), Корнелии Функе (2%). Небольшое количество реакций (1,6 %) в группе немцев ФРГ получили классические писатели Эрих Кестнер, Кафка, Томас Манн и Отфрид Пройслер, с

чуть меньшим значением (1,2 %) современные авторы Керстин Гир и Себастьян Фитцек. Единичными реакциями были отмечены как классические авторы (Грасс, Лессинг, Фонтане, Гессе, Брехт, Гейне, Клейст, Энде, Штриттматтер), так и современные (Неле Нойхаус, Михаэль Тсокос).

У российских немцев небольшое количество реакций (1,8 %) также относится к писателям-классикам Кафке и Зюскинду, часть ассоциатов (1,2 %) принадлежит писателям из числа российских немцев: Вагнеру (Николай Вагнер, автор «Сказок Кота-Мурлыки»), Вальтеру (предположительно, речь об Адольфе Вальтере, авторе шванков). Единичные реакции получили такие авторы из российских немцев, как Виктор Клейн, Эвальд Катценштейн, Роза Пфлюг, Елена Зейферт, Нора Пфеффер, Нелли Ваккер.

В психолингвистических значениях словосочетаний «немецкие знаменитости» и «немецкие писатели» были актуализированы ономастические реалии, при этом наиболее яркими значениями обладают антропонимы.

Для немцев ФРГ немецкими знаменитостями являются современные политики и музыканты, писатели-классики Гёте и Шиллер, знаменитостей оценивают преимущественно с негативной стороны как неталантливых и скучных (11,8 %). Российские немцы считают немецкими знаменитостями современных музыкантов и классических композиторов, писателей Гёте и Шиллера, ученых и философов, единственное оценочное суждение в структуре словосочетания «немецкие знаменитости» положительно – *великие люди* (1,2 %).

Типичным немецким писателем и немцами ФРГ, и российскими немцами признается Иоганн Гёте, его имя находится в ядре семантемы «немецкие писатели». Немцы ФРГ выделяют имя Фридриха Шиллера и отмечают известность немецких авторов, эти значения находятся на ближней периферии, а также дают положительную оценку немецким писателям (хорошие, умные, важные). Российские немцы актуализируют имена таких писателей, как Эрих Мария Ремарк, братья Гримм и Фридрих Шиллер. На дальней и крайней перифериях значения в языковом сознании немцев ФРГ находятся как классические (Кафка, Манн, Кестнер, Пройслер), так и современные авторы

(Функе, Гир, Фитцек). Дальняя и крайняя периферия значения в языковом сознании российских немцев содержит имена писателей-классиков (Манн, Гейне, Гофман, Гауф) и авторов из числа российских немцев (Вагнер, Вальтер).

Отметим, что в романе Гузель Яхиной одним из самых распространенных антропонимов является имя великого немецкого классика Гёте.

Выводы по главе 3

Анализ романов Г. Яхиной «Дети мои» и Г. Завацкого „Wir selbst” позволил выявить многочисленные этнографические, культурные и ономастические реалии российских (поволжских) немцев, объективирующие и отражающие концепт НЕМЕЦКИЙ.

Среди этнографических реалий значимое место в произведениях Г. Яхиной и Г. Завацкого занимают реалии, номинирующие немецкие еду и напитки. Среди культурных реалий большое значение имеют реалии литературы и искусства, широко используются фольклорные мотивы и поговорки, приводятся цитаты из немецких классиков: Гёте, братьев Гримм и Шиллера. Ономастические реалии включают в себя как прецедентные или индивидуальные, так и общие имена, топонимы, имена литературных героев и названия компаний. Использование писателями известных имен подчеркивает высокую значимость немецкой культуры для российских немцев. Таким образом, в произведениях создается единое духовное пространство, связующее российских немцев с немцами Германии.

В результате проведения психолингвистического эксперимента в группе немцев ФРГ и российских немцев было установлено, что немецкая культура объективируется немцами ФРГ с помощью реалий еды и напитков, актуализируется через этнографические/ бытовые реалии, в то время как российские немцы определяют немецкую культуру через важных деятелей искусства, называя имена Гёте, Баха, Бетховена, Шиллера, то есть дефинируют через ономастические реалии. Обе группы испытуемых дают положительную

оценку немецкой культуре, при этом для немцев ФРГ самыми значимыми являются определения *pünktlich* ‘пунктуальная’, *schön* ‘красивая’, для российских немцев – «интересная» и «богатая». Примечательным является также то, что обе группы относят к немецкой культуре искусство, но если для немцев искусство выражается в литературе (*Dichter und Denker* ‘мыслители и поэты’, *Literatur* ‘литература’), то для российских немцев определяющими являются «танцы», «музыка» и «песни». Совпадения в языковом сознании обеих групп обнаруживаются при предъявлении стимула «немецкие сказки/ легенды»: и немцы ФРГ, и российские немцы относят к ним сказки братьев Гримм.

Множество совпадений выявлено при предъявлении стимула «типичная еда»: обе группы испытуемых относят к ней различные мясные изделия, преимущественно колбасы или сосиски, частотной реакцией немцев ФРГ является также эпитет «вкусная». Немецкие традиции обе группы респондентов связывают прежде всего с праздниками, наибольшее количество реакций получили такие праздники, как Рождество, Октоберфест и Пасха.

Отличия обнаруживаются в представлении о немецких знаменитостях: к ним немцы ФРГ причисляют в первую очередь политиков и музыкантов, российские немцы – музыкантов или композиторов и писателей. Ономастические реалии у немцев ФРГ воспроизводятся в именах современных политиков, прежде всего Angela Merkel ‘Ангела Меркель’, и современных музыкальных исполнителей, Helena Fischer ‘Хелена Фишер’, у российских немцев ономастические реалии воплощаются в названиях современных музыкальных групп, в частности группы Rammstein, и именах композиторов-классиков (Бетховен). При этом в языковом сознании немцев ФРГ ономастические реалии обладают преимущественно негативной оценкой (*unbedeutend* ‘незначительны’, *nicht immer die, die wirklich Talent haben* ‘не всегда те, у кого есть талант’, *unbekannt* ‘неизвестны’), тогда как у российских немцев данные реалии имеют положительную коннотацию: «великие люди». «Типичным» немецким писателем обеими группами испытуемых признан великий классик немецкой классической литературы – Иоганн Гёте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине XX века антропоцентризм становится главным научным принципом в лингвистической науке, утверждающим первостепенность личности носителя языка в качестве объекта познания. В связи с этим развивается когнитивное направление, которое рассматривает язык как средство доступа к мышлению, ментальным процессам человека. Ключевым становится понятие «картины мира», включающей в себя языковую картину мира, отраженную и представленную в языке действительность, и концептуальную картину мира, означающую ментальную репрезентацию окружающего мира. Дальнейшее развитие когнитивного направления привело к появлению в отечественном языкознании когнитивно-дискурсивной парадигмы, рассматривающей язык на пересечении когниции и коммуникации.

Однако неизменным в рамках когнитивного направления остается изучение национальных языковых картин и фрагментов действительности, запечатленных в особом роде ментальных репрезентациях – концептах. В дальнейшем концепты становятся предметом исследования ученых лингвокогнитивного, лингвокультурологического, психолингвистического направлений, поскольку концепты, обладая «двойной репрезентативностью» – ментальной и вербальной, фиксируют культурные смыслы, результаты познания и интерпретации действительности социумом, коллективный и индивидуальный опыт.

Обращение к концепту НЕМЕЦКИЙ в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев позволило выявить автостереотипы и национальную специфику представлений, общее в способах осмысления окружающей действительности и различия, связанные, прежде всего, с географическими и историческими факторами развития исследуемых этнических групп. Выбор группы российских немцев для исследования был обусловлен их уникальной «сдвоенной» этнической идентичностью, сформированной под влиянием определенных исторических событий и социальных условий и включающей в

себя ярко выраженную немецкую составляющую. Тем не менее русский язык остается главным средством коммуникации современных российских немцев, что и предопределило выбор русского языка для исследования рассматриваемого нами концепта.

Номинативное поле концепта НЕМЕЦКИЙ в русском и немецком языках достаточно объемно, что свидетельствует о его актуальности и коммуникативной релевантности, непрерывном развитии на протяжении столетий. Историко-этимологический анализ показал механизм зарождения исследуемого концепта, процесс объективации лексемы в сознании носителей языка. Если в немецком языке этимология лексемы *deutsch* отсылает к значениям «народ, племя», то в русском языке слово «немецкий» сохраняет первичное значение «немой», то есть иностранный, не говорящий на русском языке. Использование метода обобщения словарных дефиниций, паремиологического анализа и психолингвистического эксперимента в группах немцев ФРГ и российских немцев позволило достаточно полно описать содержание и структуру концепта НЕМЕЦКИЙ и построить его модель.

В результате анализа лексикографических данных были выделены когнитивные признаки концепта, образующие преимущественно зону ядра и ближней периферии. Общими когнитивными признаками для русского и немецкого языков стали *Относящийся к немцам, Германии и Свойственный немцам*. Также в русском языке выделяется признак *Иностранный*, а в немецком – признаки *На языке населения Германии, Австрии и регионов Швейцарии* и *Вид шрифта в Германии до 1940 года*.

Объективация концепта НЕМЕЦКИЙ на материале паремиологического фонда позволила выявить дополнительные когнитивные признаки, вербализирующие преимущественно национальные черты характера. В процессе моделирования полевой структуры исследуемого концепта на основе анализа паремий были установлены ядерные и периферийные признаки, в зоне ядра концепта DEUTSCH находятся *Страсть к еде и выпивке* и *Прямолинейность*, в ядерной зоне концепта *немецкий* – признаки *Ум* и *Иностранный*. В русских

паремиях подчеркиваются изобретательность, ум немцев, а также немцам приписываются хитрость и лживость, в немецких паремиях внимание акцентируется на пристрастии немцев к хорошей еде и выпивке, на прямолинейности в высказываниях и воинственной храбрости.

Когнитивные признаки, актуальные для современных представителей исследуемых лингвокультур, были установлены в ходе проведения свободного и направленного ассоциативного экспериментов. Наиболее яркими для российских немцев являются признаки: *Язык, Родные, Определенные черты языка, Германия, Дом*; для немцев ФРГ: *Язык, Определенная черта характера, Сложный, Гражданство, Германия, Школьный предмет, Люди, Еда и напитки*. Общие когнитивные признаки исследуемых этнических групп (*Язык, Германия, Сложный, Общественное или культурное явление, Еда, Флаг*) служат подтверждением схожих представлений о концепте. При этом можно заметить небольшие, но существенные различия в полевой структуре исследуемого концепта: российские немцы связывают «немецкое» со свойствами языка (признак *Определенные черты языка*), тогда как немцы ФРГ – с характером человека (признак *Определенная черта характера*). На дальней периферии языкового сознания российских немцев выделяется признак *Родные*, свидетельствующий о значимости семейных отношений для самоидентификации, в то время как в той же зоне у немцев ФРГ актуализирован признак *Гражданство*, подразумевающий идентификацию через принадлежность к тому или иному государству.

Отдельное рассмотрение психолингвистических значений лексем «немцы», «российские немцы» и «поволжские немцы» позволило сделать выводы об особенностях авто- и гетеростереотипов представителей исследуемых лингвокультур, что служит источником дополнительных сведений о национальных языковых картинах. В языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев лексема «немцы» актуализируется в значении «положительные черты характера», при этом выделяются пунктуальность, аккуратность и основательность. Тем не менее в языковом сознании немцев ФРГ

лексема «немцы» обладает противоречивым характером, включая в свою ближнюю периферию значение «негативные черты характера», при этом подчеркивается мещанство, высокомерие и неприветливость. Российские немцы, напротив, актуализируют значение «родственники, семья», вновь отмечая значимость семейных отношений для этнической идентификации.

Значительно различаются психолингвистические значения этнонимов «российские немцы» и «поволжские немцы»: в языковом сознании немцев ФРГ ядерные значения у данных этнонимов отсутствуют, что свидетельствует об их коммуникативной нерелевантности для данной этнической группы. И если небольшая доля немцев ФРГ все-таки определяет российских немцев как людей из ближнего окружения (друзей, знакомых) или же мигрантов, переселенцев, то представления о поволжских немцах практически отсутствуют и значения актуализируются лишь на крайней периферии языкового сознания.

Психолингвистические значения этнонимов «российские немцы» и «поволжские немцы» в группе российских немцев определяются не только через родственные отношения, но и через причастность к трагической судьбе, страданиям, связанными с депортацией, изгнанием, репрессиями, тюрьмой. Для этнонима «российские немцы» также становится важной актуализация значения «положительные черты характера», включающего в себя трудолюбие, целеустремленность, ум, а для этнонима «поволжские немцы» – географическое расположение.

Различные виды объективаций – лексикографическая, экспериментальная и паремиологическая – позволили выделить когнитивные признаки, раскрывающие объемное содержание концепта. В языковом сознании российских немцев концепт НЕМЕЦКИЙ представлен 24 когнитивными признаками, в языковом сознании немцев ФРГ – 29 когнитивными признаками, значительная часть признаков выделена в результате экспериментальной объективации, что подтверждает эффективность психолингвистического эксперимента как метода лингвоконцептологического анализа. При моделировании макроструктуры концепта в обоих языках преобладает

интерпретационное поле и существенную долю занимает информационное содержание, при этом ярко выражен образный компонент.

Установление категориальной структуры концепта НЕМЕЦКИЙ и совпадение большинства когнитивных классификаторов в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев показало общность процессов концептуализации. Полевые структуры исследуемого концепта обнаруживают как общие, так и национально-специфичные черты, а также различия в распределении когнитивных признаков и объеме ядерных и периферийных значений.

Концепт имеет яркое ядро, представленное тремя когнитивными признаками в русском языке и двумя когнитивными признаками в немецком языке, при этом ядерная часть содержательно совпадает. Ближнюю периферию образуют небольшое количество когнитивных признаков (два в русском языке, один в немецком), дальняя и крайняя периферии обширны, включают наибольшее количество когнитивных признаков, которые отличаются низкой яркостью и относятся к индивидуальным когнитивным признакам, выделенным единичными испытуемыми.

Наиболее ярко концепт НЕМЕЦКИЙ вербализируется в словах-реалиях, обозначающих национально-специфичные предметы и явления, которые характерны для одной лингвокультуры и не имеют языковых эквивалентов в другой. В результате анализа произведений Г. Яхиной «Дети мои» и Г. Завацкого „Wir selbst“, повествующих о российских немцах начала XX века, были выявлены немецкие реалии российских немцев и классифицированы по четырем группам: этнографические, общественно-политические, ономастические и ассоциативные реалии. Этнографические и ономастические реалии являются наиболее многочисленными и занимают важное место в художественном реаликоне исследуемых произведений. Реалии еды, напитков, немецкой культуры и искусства, фольклорные мотивы, цитаты из немецких классиков, прецедентные имена, имена литературных героев, немецкие топонимы воссоздают немецкую часть жизни российских немцев и отражают уникальную картину мира, придают тексту необходимую коннотативную окраску.

С помощью экспериментальных методик была исследована репрезентация этнографических и ономастических реалий в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев. В результате психолингвистического эксперимента было установлено, что исследуемые группы понимают под типичной немецкой едой, немецкими традициями и культурой, какие сказки они считают немецкими, кого относят к немецким знаменитостям и писателям.

Типичной немецкой едой обе исследуемые этнические группы признали мясные изделия, в особенности колбасы и сосиски, блюда из картофеля, немцы ФРГ охарактеризовали немецкую еду как вкусную и сытную, российские немцы в качестве немецких блюд назвали штрудель и ряд кушаний, характерных для культуры российских немцев (крепли, твойбак (цвибак)). И немцы ФРГ, и российские немцы связали немецкие традиции с праздниками, при этом были названы одни и те же праздники: Рождество, Октоберфест и Пасха, значимость праздников для испытуемых так же совпадает. Немецкие традиции немцы ФРГ воспринимают противоречиво – с одной стороны, как устаревшие, отмирающие, с другой стороны, как прекрасные, интересные, тогда как российские немцы видят в традициях связь с семьей. Немецкая культура для немцев ФРГ выражается в культуре еды и напитков и оценивается противоречиво, российские немцы характеризуют немецкую культуру как великую и понимают под ней значимых деятелей культуры и искусства. Немецкие сказки и легенды в языковом сознании исследуемых групп репрезентированы схожим образом, под ними понимаются сказки братьев Гримм. Такое же единодушие наблюдается при определении немецких писателей, на первом месте находится классик немецкой литературы Иоганн Гёте. Немецкими знаменитостями немцы ФРГ признают прежде всего современных политиков и музыкантов, российские немцы – музыкантов, композиторов и писателей.

В заключение хотелось бы добавить, что дальнейшую перспективу исследования мы видим в продолжении изучения концепта НЕМЕЦКИЙ на примере художественных произведений о немцах ФРГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ИССЛЕДУЕМЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. Яхина, Г. Дети мои / Г. Яхина. – М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. – 493 с.
2. Jachina, G. Wolgakinder / G. Jachina. Aus dem Russischen von Helmut Ettinger. – Aufbau Verlag, 2019. – 592 S.
3. Sawatzky, G. Wir selbst / G. Sawatzky. – Verlag Galiani Berlin, 2020. – 1086 S.

ЛИТЕРАТУРА

4. Аветисян, Н. Г. К вопросу о соотношении языка, культуры, мышления через призму лингвистических учений / Н. Г. Аветисян, С. К. Восканян // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 2. – С. 67–78.
5. Авдашкин, А. А. „Wer sind sie?": Специфика идентичности российских немцев на рубеже XX–XXI веков (на материалах Челябинской области) / А. А. Авдашкин // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 7(60). – С. 25–28.
6. Александров, О. А. Народно-разговорная речь российских немцев Томской области на уровне социолекта и идиолекта : аспекты описательной и перцептуальной диалектологии : дис. ... д-ра филол. наук : 5.9.8. / Олег Анатольевич Александров. – Томск, 2022. – 480 с.
7. Александров, О. А. Основные параметры системы немецкого «островного» говора Сибири и ее метаречевой реализации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Олег Анатольевич Александров. – Томск, 2007. – 186 с.
8. Алексеева, М. Л. Реалии как вербальное выражение специфических черт национальных культур / М. Л. Алексеева // Научный ежегодник Института

философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2007. – № 7. – С. 338-345.

9. Алмагамбетова, Д. Т. Русский или немец? К проблеме самоидентификации российских немцев / Д. Т. Алмагамбетова // Российские немцы: вопросы языка, культуры и самоидентификации: Сборник статей / Научные ред. Салимова Д. А., Данилова Ю. Ю. – Казань: РИЦ «Школа», 2016. – С. 47–51.

10. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.

11. Арзямова, О. В. Лингвокультурные реалии и их роль в репрезентации текстовой информации (на материале романа Г. Ш. Яхиной «Дети мои») / О. В. Арзямова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 1. – С. 22–28.

12. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.

13. Бабенко, Л. Г. Репрезентация как ключевое понятие когнитивной лингвистики: динамика осмысления термина в современном научном дискурсе (на материале лексикографических данных) / Л. Г. Бабенко // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 4(55). – С. 35–39.

14. Бакалов, А. С. Два русских романа о «русских» немцах / А. С. Бакалов, З. Н. Бакалова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2020. – Т. 22, № 73. – С. 41–46.

15. Байкова, О. В. Функционирование немецких диалектов в условиях меж- и внутриязыкового взаимодействия в рамках языкового острова (теоретические проблемы и полевые исследования в Кировской области) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Ольга Владимировна Байкова. – Киров, 2012. – 452 с.

16. Барабушка, И. А. Сложный концепт в художественной концептосфере: на материале образа города в русской и английской прозе 2-й половины XX –

начала XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ирина Алексеевна Барабушка. – Воронеж, 2013. – 191 с.

17. Боваева, Г. М. Лингвокультурная специфика этнических пищевых предпочтений (на материале глоттонических номинаций калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Галина Манджиевна Боваева. – Казань, 2012. – 21 с.

18. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по языкознанию: В 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР. Т.2, 1963. – 366 с.

19. Болдырев, Н. Н. Пространство и время как формы языкового сознания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 25. – С. 25–32.

20. Борисова, Ю. А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях / Ю. А. Борисова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2019. – Т. 8, № 1-1. – С. 265–275.

21. Брутян, Г. А. Язык и картина мира / Г. А. Брутян // Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108–111.

22. Бугрышева, Е. С. Особенности образования ономастических реалий-неологизмов в контексте медийного (TV) дискурса: на материале английского, французского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Екатерина Сергеевна Бугрышева. – Мытищи, 2020. – 161 с.

23. Бугрышева Е. С. Особенности образования ономастических реалий-неологизмов в контексте медийного (TV) дискурса (на материале английского, французского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Екатерина Сергеевна Бугрышева. – Мытищи, 2020. – 23 с.

24. Вашкау, Н. Э. Немецкая национальная школа в Поволжье в 20-30 гг. XX в. / Н. Э. Вашкау // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге : Материалы Российско-Германской научной конференции. – Анапа, 1994 г. – С. 329–335.

25. Вежбицкая, А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах/ А. Вежбицкая // THESIS. – 1993. – № 3. – С.185–206.

26. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.

27. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвистические концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.

28. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

29. Виноградов, В. А. Статьи по общему языкознанию, компаративистике, типологии / В.А. Виноградов. – 2-е. изд. – М.: Издательский дом ЯСК, 2019. – 544 с.

30. Виноградов, В. А. Язык и культура: взаимодействие и взаимопроникновение / В. А. Виноградов // Горизонты современного гуманитарного знания / Российская Академия наук, Отд-ние историко-филол. наук, Дагест. науч. центр, Ин-т языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы. – М., 2008. – С. 355–360.

31. Виноградская, М. В. Интерферентные явления в речи российских немцев: грамматический и лексико-семантический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Мария Владимировна Виноградская. – Майкоп, 2009. – 180 с.

32. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – 5-е изд.. – М.: Р. Валент, 2012. – 406 с.

33. Воркачев, С. Г. Постулаты лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Антология концептов. Том 1. – Волгоград : ПАРАДИГМА, 2005. – С. 10–13.

34. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

35. Герман, А. А. История немцев Поволжья : учебное пособие / А. А. Герман. – Саратов, 2011. – 122 с.

36. Герман, А. А. История немцев России: учебное пособие / А. А. Герман, Т. С. Илларионова, И. Р. Плеве. – М.: МСНК-пресс, 2005. – 544 с.

37. Герц, Г. Принципы механики, изложенные в новой связи / Г. Герц // Жизнь науки: антология вступлений к классике естествознания. – М., 1973. – С. 206–210.
38. Гудий, К. А. Ономастическая реалья в комедиях "Тартюф" и "Недоросль" / К. А. Гудий // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2016. – № 2. – С. 203–207.
39. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт ; пер. с нем. М.И. Левиной [и др.]. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
40. Данилова, Ю. Ю. Лингвокогнитивные аспекты самоидентификации российских немцев: по данным анкетирования и глубокого интервью респондентов / Ю. Ю. Данилова, А. А. Ивыгина // Научный диалог. – 2017. – № 12. – С. 88–101.
41. Данилова, Ю. Ю. Определение этнонима как способ этнической (само)идентификации российских/русских немцев / Ю. Ю. Данилова, Д. А. Салимова, Д. Т. Алмагамбетова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12-1(66). – С. 74–78.
42. Демьянков, В. З. Предвидеть и предсказать: дискурс о предзнании и прекогниция / В. З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2(41). – С. 67–73.
43. Десятникова, И. В. Структурно-композиционные и диалектные особенности шванка российских немцев : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ирина Владимировна Десятникова. – Барнаул, 2007. – 180 с.
44. Иванова, Е. Р. Лексико-семантическое поле «немецкий» в романе Г. Яхиной «Дети мои» / Е. Р. Иванова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 1(26). – С. 64–66.
45. Заботкина, В. И. Когнитивно-дискурсивная парадигма в отечественной лингвистике: сегодня и завтра / В. И. Заботкина // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 32. – С. 84–91.

46. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 36–44.

47. Замогильный, С. И. Российские немцы: проблемы исследования / С. И. Замогильный // Культура русских и немцев в Поволжском регионе. (Результаты комплексного междисциплинарного гуманитарного исследования). Вып. 1: История, теория, культура / науч. ред. С. И. Замогильный. – Саратов: Слово, 1993. – С. 3–12.

48. Звегинцев, В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа / В. А. Звегинцев // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960. – С. 111–134.

49. Зейферт, Е.И. Жанровые процессы в поэзии российских немцев второй половины XX-начала XXI вв.: автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.01.08 / Елена Ивановна Зейферт. – М., 2008. – 51 с.

50. Карасик, В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению / В. И. Карасик // Социолингвистика вчера и сегодня: Сб. науч. трудов / Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. – Изд-е 2-е., доп. – М., 2008. – С. 127–155.

51. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография. / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с.

52. Колесов, И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): монография. / И. Ю. Колесов. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2008. – 354 с.

53. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 103 с.

54. Корбмахер, Т. В. Структурная организация и языковые особенности текста кулинарного рецепта : на материале диалектов российских немцев : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Татьяна Владимировна Корбмахер. – Барнаул, 2022. – 210 с.

55. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

56. Костомаров, П. И. Текстовая организация немецкого народно-разговорного языка индивида : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Петр Иванович Костомаров. – Томск, 2011. – 208 с.

57. Кретов, А. А. Лингвистическая теория реалии / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 7-13.

58. Крюкова, О. С. Репрезентация и конфликт немецкой и советской идентичности в романе Г. Яхиной «Дети мои» / О. С. Крюкова, Д. А. Хромова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 6(848). – С. 232-241.

59. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М.: Знак, 2012. – 203 с.

60. Кубрякова, Е. С. О ментальных репрезентациях / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: сборник научных трудов / Институт языкознания РАН, Федеральное агентство по образованию, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. – М.; Калуга: ИП Кошелев А.Б., 2007. – С. 13-28.

61. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картины мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141–172.

62. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова ; Рос. Акад. наук. Ин-т языкознания. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 560 с.

63. Кулаковская, К. В. Концепт НЕИМАТ в диалектной картине мира российских немцев Томской области : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ксения Валериевна Кулаковская. – Томск, 2013. – 263 с.

64. Левина, Э. А. Языковые реалии в прагма- и социолингвистическом аспекте : На материале русских и немецких романов первой половины XX века и их переводов : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Элина Александровна Левина. – Ростов-на-Дону, 2006. – 19 с.

65. Левченко, М. Н. Немецкие реалии и их функциональный потенциал в текстах разных стилей / М. Н. Левченко, Н. В. Маркарян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 8. – С. 184–191.

66. Левченко, М. Н. Функционально-стилистические особенности немецких реалий в текстах разных стилей / М. Н. Левченко, Н. В. Маркарян // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1(164). – С. 244–251.

67. Леонтьев, А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А. А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М., 1977. – С. 3–16.

68. Лиликович, О. С. Реалии в отечественной и зарубежной лингвистической традиции / О. С. Лиликович // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 4. – С. 101–104.

69. Лингвокультурологические исследования: Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия / Отв. ред. М.Л. Ковшова. – М.: URSS, 2016. – 400 с.

70. Лисенкова, О. А. Мифическое и профанное время в романе «Дети мои» Гузели Яхиной / О. А. Лисенкова // Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности : коллективная монография. – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2020. – С. 385–394.

71. Логунова, Е. А. Когнитивно-дискурсивная парадигма знания в лингвистике и ее основные положения / Е. А. Логунова, Е. А. Федотова // Актуальные вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков – 2018 : сборник научных трудов. – Калининград : Калининградский государственный технический университет, 2018. – С. 45–49.

72. Лузина, Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания / Л. Г. Лузина // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : Сборник научных трудов / Центр гуманитарных научно-информационных исследований. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008. – С. 40–48.

73. Лымарева, М. С. Объективация концепта КОРФ в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Марина Сергеевна Лымарева. – Кемерово, 2006. – 169 с.

74. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 202 с.

75. Медведева, Т. С. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры: монография / Т. С. Медведева, М. В. Опарин, Д. И. Медведева; под ред. Т. И. Зелениной. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 160 с.

76. Москалюк, Л. И. Немецкие диалекты на Алтае : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Лариса Ивановна Москалюк. – Барнаул, 2002. – 499 с.

77. Немцы в России: историко-документальное издание. – СПб: Лики России, 2004. – 256 с.

78. Нерсесова, Э. В. Развитие когнитивно-дискурсивной парадигмы в исследованиях отечественных лингвистов (на материале защит кандидатских и докторских диссертаций в диссертационном совете Д 850.007.08) / Э. В. Нерсесова, И. В. Тивьяева, // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2023. – № 4(52). – С. 149–157

79. Остроух, И. Г. Российские немцы: вклад в историю и культуру (XVII – начало XX вв.) / И. Г. Остроух, Е. А. Шервуд // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге : матер. Российско-Германской науч. конф. – Анапа, 1994. – С. 11–25.

80. Пермяков, О. Д. Лексико-семантическая лакунарность в немецкой языковой картине мира российских немцев и способы ее элиминирования : на материале шванков российских немцев : дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Олег Дмитриевич Пермяков. – Барнаул, 2021. – 162 с.

81. Планк, М. Смысл и границы точной науки / М. Планк // Вопросы философии. – 1958. – № 5. – С. 102–116.

82. Пименова, М. В. Концептуальные исследования. Введение: учебное пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 176 с.

83. Пименова, М. В. Языковая картина мира: учеб. пособие / М. В. Пименова. – 5-е изд., доп. – М.: Флинта, 2019. – 106 с.

84. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: «АСТ – Восток – Запад», 2007. – 314 с.

85. Попова, З. Д. Моделирование содержания концепта (когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований) / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: сборник научных трудов / Институт языкознания РАН, Федеральное агентство по образованию, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. – М.; Калуга : ИП Кошелев А.Б., 2007. – С. 322–329.

86. Попова, Н. П. Ассоциативно-семантическое поле «немец» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Наталья Полиэфтовна Попова. – Санкт-Петербург, 2008. – 206 с.

87. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебрянников [и др.]. – М., 1988. – С. 8–69.

88. Постовалова, В. И. Язык и миропонимание: опыт лингвофилософской интерпретации / В. И. Постовалова. – М. : URSS : ЛЕНАНД, 2017. – 308 с.

89. Почепцов, Г. Г. Языковая ментальность: способы представления мира / Г. Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110–122.

90. Пузейкина, Л. Н. Языковые особенности «островного» песенного фольклора немецких колонистов в России : по материалам «Архива немецкой народной песни в Ленинграде» В. М. Жирмунского : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Лариса Николаевна Пузейкина. – Санкт-Петербург, 2008. – 471 с.

91. Ражина, В. А. Ономастические реалии (лингвокультурологический и прагматический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Виктория Александровна Ражина. – Краснодар, 2007. – 19 с.

92. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния: коллективная монография / под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.; Ярославль: канцлер, 2017. – 240 с.

93. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др.; Отв. ред. Б. А. Серебренников; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 212 с.

94. Рудакова, А. В. К вопросу о возможности прогнозирования новых значений слов (на материале наименований человека по национальности) / А. В. Рудакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1-1(55). – С. 176–178.

95. Рудакова, А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2004. – 80 с.

96. Рудакова А. В. Методика обобщения словарных дефиниций при описании интегрированного лексикографического значения слова / А. В. Рудакова // Вестник Дагестанского научного центра. — 2015. — № 58. — С. 152—156.

97. Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. — М.: Academia, 2005.— 639 с.

98. Салимова, Д. А. Проблемы самоидентичности российских немцев в ракурсе психологии и языкознания / Д. А. Салимова // Российские немцы: вопросы языка, культуры и самоидентификации: Сборник статей / Научные ред. Салимова Д. А., Данилова Ю. Ю. – Казань: РИЦ «Школа», 2016. – С.78–83.

99. Салимова, Д. А. Российские немцы как объект социолингвистических исследований / Д. А. Салимова // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2016. – Т. 8. – С. 27–33.

100. Саушкина, А. И. Причины утраты и возобновления своих лингвоэтнокультурных корней (на материале анализа данных четырех семей российских немцев) / А. И. Саушкина, Л. И. Ягудина // Российские немцы:

вопросы языка, культуры и самоидентификации: Сборник статей / Научные ред. Салимова Д. А., Данилова Ю. Ю. – Казань: РИЦ «Школа», 2016. – С. 88–94.

101. Селеменова, О. А. Формирование концепции языковой картины мира в работах отечественных и зарубежных лингвистов конца XVIII – начала XX века / О. А. Селеменова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1(12). – С. 130–134.

102. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М., Прогресс, 1993. – 656 с.

103. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 242 с.

104. Середа, Е. Представление концепта «Death» в английской фразеологической картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Елена Середа. – Санкт-Петербург, 2016. – 184 с.

105. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт и идеология / Г. Г. Слышкин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2005. – № 3(12). – С. 10–18.

106. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурологические концепты и метаконцепты: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / Геннадий Геннадьевич Слышкин. – Волгоград, 2004. – 39 с.

107. Смоля, М. С. Реализация грамматических категорий имени прилагательного в островном немецком говоре : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Марина Сергеевна Смоля. – Барнаул, 2011. – 201 с.

108. Сержанова, Ж. А. Детерминирующие факторы речевого поведения этнических немцев в ситуации иноязычного окружения : дис.... канд. филол. наук: 10.02.04, 10.02.19 / Жанна Александровна Сержанова. – Красноярск, 2006. – 178 с.

109. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

110. Стернин, И. А. Исследование значения как феномена языкового сознания / И. А. Стернин. – Алматы: Полилингва, 2018. – 200 с.

111. Стернин, И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание / И.А. Стернин, А. В. Рудакова. – М.: Ламберт, 2011. – 192 с.

112. Стернина, М. А. Сопоставление как лингвистическая методология / М. А. Стернина, И. А. Стернин. – Воронеж : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Ритм", 2021. – 215 с.

113. Сулова, Л. В. Виды языковых реалий и приемы передачи немецких реалий в русском языке / Л. В. Сулова // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. В 8 ч. Ч. 6. – Екатеринбург: ООО «Аэтерна», 2016. – С. 185–189.

114. Сызранова, Г. Ю. Ономастика : учеб. пособие / Г. Ю. Сызранова. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2013. – 248 с.

115. Сычалина, Е. В. Немецкая топонимия Поволжья (социолингвистический аспект исследования): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Екатерина Вячеславовна Сычалина. – Саратов, 2008. – 251 с.

116. Телия, В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В. Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С.19–30.

117. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская и др.; отв. ред. А. П. Непокупный. – Изд. 2-е. – М.: URSS, 2007. – 254 с.

118. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – 3-е издание. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – 352 с.

119. Томахин, Г. Д. Реалии – американизмы : Пособие по страноведению : [Для ин-тов и фак. иностр. яз.] / Г. Д. Томахин. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.

120. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

121. Фесенко, Т. А. Концептуальное моделирование как метод изучения ментальной реальности человека / Т. А. Фесенко // Когнитивная семантика. – Тамбов, 2000. – Ч. 2. – С.149–151

122. Фененко, Н. А. Лингвистический статус термина реалия / Н. А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2-1. – С. 5–9.

123. Фененко, Н. А. Функциональный потенциал реалий во французском художественном тексте / Н. А. Фененко // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2014. – № 12. – С. 151–172.

124. Фененко, Н. А. Художественный реаликон: к проблеме определения и интерпретации понятия / Н. А. Фененко // Этнопсихоллингвистика. – 2020. – № 3. – С. 95–105.

125. Фрумкина, Р. М. Психоллингвистика: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Психология» / Р. М. Фрумкина. – М.: Academia, 2001. – 315 с.

126. Чигашева, М. А. Классификация реалий политического дискурса с позиции ономастики (на примере немецкого языка) / М. А. Чигашева // Политическая лингвистика. – 2023. – № 2(98). – С. 91–103.

127. Чижова, М. Е. Языковая картина мира как одно из основных понятий в современной когнитивной лингвистике / М. Е. Чижова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – Т. 11, № 4. – С. 3–6.

128. Чистюхина, Е. А. Концепты МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА в языковой картине мира российских немцев и их актуализация в шванках российских немцев: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Евгения Александровна Чистюхина. – Барнаул, 2012. – 177 с.

129. Щеголихина, Ю. В. Концепт FAMILIE в лингвокультуре российских немцев Сибири : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Юлия Викторовна Щеголихина. – Томск, 2015. – 269 с.

130. Щукина, Д. А. Фольклорно-мифологическая основа прозы Гузель Яхиной / Д. А. Щукина // Мир русского слова. – 2020. – № 3. – С. 65–69.

131. Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии / З. Д. Попова, И. А. Стернин, А. П. Бабушкин [и др.]. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 314 с.

132. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева [и др.]; под ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.

133. Drahotá-Szabó, E. Realien – Intertextualität – Übersetzung / Erzsébet Drahotá-Szabó. – Landau: Verl. Empirische Pädagogik, 2013. – 288 S.

134. Gansel, C. Gerhard Sawatzkys „Wir selbst“ (1938/ 2020). Der vernichtete Roman über die wolgadeutsche Republik in der Sowjetunion und seine Neuedition / C. Gansel // Deutschland – Russland. Topographien einer literarischen Beziehungsgeschichte. – Verbrecher Verlag Berlin 2020. – S. 201–234.

135. Gansel, C. «Diese Geschichte ist für mich sehr persönlich». Ein Gespräch. / Carsten Gansel, Maria Kulkova, Gusel Jachina // Deutschland – Russland. Topographien einer literarischen Beziehungsgeschichte. – Verbrecher Verlag Berlin 2020. – S. 479–489.

136. Gansel, C. Spurensuche / Carsten Gansel // Wir selbst. Roman. Herausgegeben, mit einem Nachwort und dokumentarischem Material zur Wolgadeutschen Republik und ihrer Literatur versehen von Carsten Gansel. – Berlin: Galiani, 2020. – S. 919–923.

137. Gansel, C. Das Vergangene erinnern – Russlanddeutsche Literatur vor und nach 1989 (Einleitung) / Carsten Gansel // Literatur der Russlanddeutschen und Erinnerung. – Band 1. – Okapi Wissenschaft, 2018. – S.17–32.

138. Hörmann, H. Psychologie der Sprache / Hans Hörmann. – Berlin; Heidelberg; New York: Springer-Verlag 1970. – 396 S.

139. Hummel, E. „Nicht in Worte gefasste Erinnerungen gehen verloren“ – ein Gespräch / Eleonora Hummel // Gedächtnis und Literatur in den „geschlossenen Gesellschaften“ des Real-Sozialismus zwischen 1945 und 1989. – Göttingen, 2007. – S. 297–306.

140. Judina, T. Schriftart als Identitätsfaktor. Zwischen Tradition und Experiment / Tatjana Judina // Literatur der Russlanddeutschen und Erinnerung. – Band 1. – Okapi Wissenschaft, 2018. – S. 263–287.

141. Kurilo, O. Die Lebenswelt der Russlanddeutschen in den Zeiten des Umbruchs (1917-1991) / Olga Kurilo. – Essen: Klartext, 2010. – 437 S.

142. Ladilova, A. Die kollektive Identitätskonstruktion der Wolgadeutschen in Argentinien und ihr kollektives Gedächtnis / Anna Ladilova // Literatur der Russlanddeutschen und Erinnerung. – Band 1. – Okapi Wissenschaft, 2018. – S. 313–335.

143. Löffler, H. Germanistische Soziolinguistik / Heinrich Löffler. – Erich Schmidt Verlag, 2005. – 248 S.

144. Paulsen, N. Erinnerung als Traumabewältigung in der Literatur der Russlanddeutschen: Einblicke in die Vergangenheit und Gegenwart der Literatur der Russlanddeutschen / Nina Paulsen // Literatur der Russlanddeutschen und Erinnerung. – Band 1. – Okapi Wissenschaft, 2018. – S. 33–67.

145. Seifert, E. Das ethnische Weltbild in der Literatur der Russlanddeutschen von der zweiten Hälfte des 20. bis Anfang des 21. Jahrhunderts / Elena Seifert // Literatur der Russlanddeutschen und Erinnerung. – Band 1. – Okapi Wissenschaft, 2018. – S. 69–96.

146. Weisgerber, J. L. Die Muttersprache im Aufbau unserer Kultur / Johann Leo Weisgerber. – 2. erw. Aufl. – Düsseldorf : Pädag. Verl. Schwann, 1957. – 308 S.

СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ ПАРЕМИЙ

147. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов / З. Е. Александрова. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. – 568 с.

148. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.

149. Бинович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. / Л. Э. Бинович, Гришин Н. Н. Под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: «Русский язык», 1975. – 656 с.
150. Большой академический словарь русского языка. Т. 12: Недруг – Няня. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – М.: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2009. – 651с.
151. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. – 2-е изд., испр. и доп. – С.-Пб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
152. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М.: Астрель, 2001. – 752 с.
153. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2: И-О / В. И. Даль. – 4-е изд., стереотип. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 672 с.
154. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Рус.яз., 2000. – Т.1: А-О. – 1209 с.
155. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / Сост. В. П. Жуков. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 535 с.
156. Иллюстров, И. И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках: Сб. рус. пословиц и поговорок / Сост., предисл. и алфавит. указ. И. Н. Кузнецов / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Русская цивилизация, 2019. – 912 с.
157. Кожевников, А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник / А. Ю. Кожевников. В 2 т. Т.1 – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. – 448 с.
158. Маковский, М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка: слово в зеркале чевоч. культуры / М. М. Маковский. – М.: Азбуковник, 2004. – 630 с.
159. Мальцева, Д. Г. Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием. Die deutschen Redensarten und Sprichwörter im Spiegel der Geschichte und Kultur: Ок. 1300 фразеологических единиц / Д. Г. Мальцева. – М.: «Азбуковник», «Русские словари», 2002. – 350 с.

160. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

161. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская; Отв. ред. А. В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 187 с.

162. Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: учебное пособие / Под общей ред. Т. В. Романовой. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2022. – 216 с.

163. Рахманов И. В. Немецко-русский синонимический словарь: ок. 2680 рядов / И. В. Рахманов, Н. М. Минина, Д. Г. Мальцева, Л. И. Рахманова. – М.: Рус. яз., 1983. – 704 с.

164. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

165. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 224 с.

166. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2004. – 792 с.

167. Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. / Ред. А.П. Евгеньева. Т. I. – Ленинград: Изд-во «Наука», 1970. – 680 с.

168. Толковый словарь русского языка. Том II. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 528 с.

169. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 1582 с.

170. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубочева. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.

171. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

172. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.

173. Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Молоткова. – 2-е изд., стер. – М.: Сов. энциклопедия, 1968. – 543 с.

174. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Сост. А. Н. Тихонов. – М.: Флинта, 2004. – 1664 с.

175. Черкасова, Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС / Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева. – Т.1. От стимула к реакции. – М., 2014. – 280 с.

176. Шапошникова, И. В. Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток / И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. Т. I. – М.: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Московский институт лингвистики, 2014. – 537 с.

177. Шекасюк, Б. П. Новый немецко-русский фразеологический словарь / Б. П. Шекасюк. – М.: Книжный дом «Либроком», 2019. – 864 с.

178. Brockhaus Wahrig Zitate und Redewendungen. – Gütersloh / München: Wahrig-Redaktion, 2013. – 1152 S.

179. Das treffende Wort: Wörterbuch sinnverwandter Ausdrücke. Mit neuer deutscher Rechtschreibung. – Ott. Verlag. – 864 S.

180. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. Erster Band / Herausgegeben von Karl Friedrich Wilhelm Wander. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1964. – 1044 S.

181. Duden Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim; Zürich: Dudenverlag, 2011. – 2112 S.

182. Duden Deutsches Universalwörterbuch. – Berlin: Dudenverlag, 2019. – 2144 S.

183. Duden Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Band 7. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2001. – 960 S.
184. Duden. Band 11 : Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten : Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Mannheim: Dudenverlag, 2001. – 955 S.
185. Duden Sinn- und sachverwandte Wörter. Synonymwörterbuch der deutschen Sprache. Band 8. Dudenverlag, Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2001. 864 S.
186. Duden Das Synonymwörterbuch. Band 8. – Dudenverlag, Berlin 2019. – 1120 S.
187. DUDEN – Wörterbuch Duden online [Elektronische Ressource]. – URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 21.12.2021).
188. DWDS-Wörterbuch [Elektronische Ressource]. – URL: <https://dwds.de> (дата обращения: 20.12.2021).
189. Großes Fremdwörterlexikon. – 6., durchgesehene Auflage. – Bayreuth: Gondrom Verlag, 1985. – 829 S.
190. Hermann, P. Deutsches Wörterbuch / P. Hermann – 10. überarbeitete und erweiterte Auflage von Helmut Henne, Hiltrun Kämper und Georg Objartel. – Max Niemeyer Verlag Tübingen, 2002. – 1243 S.
191. Jones, R. L. A frequency dictionary of German / Randall Jones and Erwin Tschirner. – 1st ed. p. cm. – 1. German language – Word frequency – Dictionaries. London and New York, 2006. – 189 p.
192. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge. – 22., erw. Aufl. / Bearb. von Elmar Seebold. – Berlin; New York: De Gruyter, 1989. – 822 S.
193. Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache: das einsprachige Wörterbuch für alle, die Deutsch lernen. – Berlin; München, Wien, Zürich, New York: Langenscheidt, 2008. – 1313 S.
194. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch-Russisch. Band 1: A-K. – 5. Aufl. – Berlin [u. a.] : Langenscheidt, 2001. – 1075 S.

195. Pons Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Stuttgart, 2006. – S. 1857.
196. Röhrich, L. Lexikon der Sprichwörtlichen Redensarten. Band 1 A-Dutzend / Lutz Röhrich. – Freiburg: Herder Spektrum, Freiburger graphische Betriebe, 2001 – 348 S.
197. Seiler, F. Deutsche Sprichwörterkunde [Elektronische Ressource]. – URL: <https://archive.org/details/deutschesprichw00seiluoft> (дата обращения: 15.04.2023).
198. Simrock, K. Die deutschen Sprichwörter / Karl Simrock. – Philipp Reclam Jun. Stuttgart, 1988. – 630 S.
199. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch: Mit einem "Lexikon der dt. Sprachlehre" / Gerhard Wahrig ; Hrsg. in Zsarb. mit zahlreichen Wissenschaftlern u. anderen Fachleuten. – Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. – 1452 S.
200. Wahrig Synonymwörterbuch.– Bertelsmann Lexikon Institut, 2006. – 800 S.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

201. Арефьев, А. Л. Изучение немецкого языка молодежью в России [Электронный ресурс] / А.Л. Арефьев // Демоскоп Weekly. – №441-442. – 1-14 ноября 2010. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit04.php> (дата обращения: 4.02.2023).
202. «Гузель Яхина о втором романе «Дети мои»: Писать начала с глав о Сталине» [Электронный ресурс] // «Вечерняя Казань». – URL: <https://www.evening-kazan.ru/kultura/articles/guzel-iaxina-o-vtorom-romane-deti-moi-pisat-nacala-s-glav-o-staline> (дата обращения: 2.10.2022).
203. История российских немцев [Электронный ресурс]. – URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/> (дата обращения: 16.09.2023).
204. Манифест Екатерины II [Электронный ресурс]. – URL: https://manifest.rusdeutsch.ru/german_resettlement?ysclid=lu2x6cfjyn239919221 (дата обращения: 20.09.2023).

205. Силантьева, О. Чудом спасенный [Электронный ресурс] // Московская Немецкая Газета. 27.04.2020. – URL: <https://ru.mdz-moskau.eu/chudom-spasennyj/> (дата обращения: 5.08.2022).

206. Gansel, C. Zur Funktion von Gedächtnis und Erinnerung in Gisel Jachinas Wolgakinder [Elektronische Ressource] / C. Gansel, M. Kulkova. – 2019. – S.138–165. – URL: http://www.gfl-journal.de/1-2021/Gansel_Kulkova.pdf (дата обращения: 28.10.2022).

207. Schöntag, R. Kulturelle Implikationen und Probleme sprachlicher Äquivalenz [Elektronische Ressource] / R. Schöntag. – URL: http://www.trans-kom.eu/bd13nr01/trans-kom_13_01_03_Schoentag_Uebersetzungsvergleich.20201113.pdf (дата обращения: 8.10.2022).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Анкета

Вы участвуете в психолингвистическом (ассоциативном) эксперименте. Ответьте, пожалуйста, на вопросы и выполните задания анкеты.

Опрос является анонимным. Предоставленные данные используются только в рамках научного исследования и не будут переданы третьим лицам.

Благодарим Вас за участие!

Пол*: Возраст*: Родной язык*:

Национальность*:

Профессия*:

* - обязательно для заполнения

Задание: Ниже написан ряд слов. Вам нужно написать **первые пришедшие в голову** слова или словосочетания (ассоциации) к каждому из слов. Работайте быстро, не раздумывайте, не возвращайтесь к предыдущим словам. Если у вас нет ассоциации на какое-либо слово, ставьте прочерк и идите дальше.

Итак, напишите, пожалуйста, первые пришедшие Вам в голову слова или словосочетания (ассоциации), связанные со словами:

немецкий

немцы

российские немцы

поволжские немцы

немецкая история

немецкая культура

переселение

Екатерина II

Сталин

Типичная немецкая еда – это ...

Немецкие праздники – это ...

Немецкие знаменитости – это ...

Немецкие сказки/ легенды – это ...

Немецкие традиции – это ...

Немецкие писатели – это ...

Fragebogen

Sie nehmen an einem psycholinguistischen Experiment teil. Bitte beantworten Sie die Fragen und füllen möglichst den ganzen Fragebogen aus.

Die Umfrage ist anonym, Ihre Daten werden vertraulich behandelt und nicht an Dritte weitergegeben.

Vielen Dank für Ihre Teilnahme an der Umfrage!

Geschlecht*: Alter*: Muttersprache*:

Staatsangehörigkeit*:

Beruf*:

* - obligatorisch

Weiter unten steht eine Reihe von Wörtern. Sie sollen nach jedem Wort schreiben, was Ihnen als Erstes dabei einfällt. Es können ein Wort oder mehrere Wörter, Wendungen, Namen usw. sein. Falls Ihnen nichts einfällt, können Sie einen Strich setzen. Antworten Sie schnell, ohne lange zu überlegen.

deutsch

die Deutschen

die Russlanddeutschen

die Wolgadeutschen

deutsche Geschichte

deutsche Kultur

Umsiedlung

Katharina die Große

Stalin

typisches deutsches Essen ist ...

deutsche Feste sind ...

deutsche Berühmtheiten sind ...

deutsche Märchen/ Sagen sind ...

deutsche Traditionen sind ...

deutsche Schriftsteller sind ...

Ассоциативные поля**Ассоциативное поле лексемы deutsch 278:**

Sprache 92; Muttersprache 20; Staatsangehörigkeit 13; ich 9; Deutschland 8; schwere Sprache 8; sprechen 8; Kartoffel 5; pünktlich 5; schwierig 4; Adjektiv 4; Schule 4; Land 4; Nationalität 3; Bier 3; Unterricht 3; Flagge 3; Heimat 3; spießig 3; Sprache in Deutschland 2; Mama 2; Fußball 2; Unterrichtsfach 2; Bürokratie 2; schwer 2; ordentlich 2; Fach in der Schule 2; sein 2; Angela Merkel 1; aus Deutschland 1; Berlin 1; bestimmte Eigenschaften 1; Geselligkeit 1; Bildung 1; Bratwurst 1; Würstchen 1; Buch 1; Disziplin 1; Stigmatisierung 1; engstirnig 1; Duden 1; fromm 1; genau 1; schwierige Grammatik 1; Grammatik 1; schwere Grammatik 1; groß 1; Politik 1; schwierig zu lernen 1, heimatlich 1; Kartoffelsalat 1; Klausur 1; klein 1; komplexe Sprache 1; kompliziert 1; korrekt 1; manchmal zu korrekt 1; Zusammenhalt 1; penibel 1; Peter 1; Qualität 1; reich 1; Sandalen 1; Sandalen mit Socken 1; Schäferhund 1; schwer zum Lernen 1; schwer für einige 1; Sprachauswahl auf Websites 1; Geschichte 1; Kommunikation 1; kein Spaß 1; Tradition 1; traditionell 1; Kultur 1; Tanzen 1; typisch deutsch 1; was ist deutsch? wer ist deutsch? 1; wir 1; Zuhause 1; отказ 7.

Ассоциативное поле лексемы немецкий 172 ии:

язык 90, Германия 8, дом 6, Deutsch 5, родной 5, бабушка 4, красивый 3, иностранный язык 2, род 2, дедушка 2, флаг Германии 2, порядок 2, любовь 2, культура 2, штрудель 1, торт 1, доставляет удовольствие 1, душа 1, качественный 1, мягкий 1, разный 1, редкий 1, скрупулезный 1, старый 1, любимый язык 1, увлекательный язык 1, язык бабушки 1, язык бабушки и дедушки 1, язык моих предков 1, deutsche Sprache 1, дойч 1, сложный 1, многоэтажность, как они выговаривают эту Pppp? 1, иностранный 1, родные 1, родственники 1, прабабушка и прадедушка 1, Mutter 1, по духу родной, когда слушаю 1, Faterland 1, друг 1,

Бавария 1, бундестаг 1, канцлер Шольц 1, интересный 1, отменный 1, Библия 1, экзамен 1, мир 1, образ жизни 1, отказ 1.

Ассоциативное поле лексемы немцы 177 ии:

народ 26; люди 14; поволжские 10; Германия 9; российские 7; нация 6; родня 5; порядок 5; пунктуальность 4; национальность 4; семья 3; мы 3; пунктуальные 3; идут 2; родственники 2; родные 2; друзья 2; этнос 2; России 2; папа 2; германцы 2; переселенцы 2; точные 2; практичные 2; вежливые 2; Deutsche 2; мои родственники 1; дружелюбные 1; дисциплина 1; Европа 1; земля 1; община 1; гости из Германии 1; молодцы 1; мои родственники в Германии 1; не фашисты 1; Омск 1; опрятные 1; ответственность 1; культура 1; великая культура 1; граждане 1; педанты 1; педантичные 1; громкие 1; мои 1; мои друзья 1; аккуратность 1; бретцель 1; Альпы 1; Берлин 1; умные 1; рациональные 1; качество 1; народность 1; конкретный человек 1; коренные 1; классные 1; логичные 1; лучше 1; сила 1; приглашенные Екатериной 1; прямота 1; репрессии 1; Родина 1; моя бабушка, сколько себя помню, она всегда очень гордилась тем, что она немка, что ее родители оба немцы 1; предки 1; дед 1; требуют привыкания 1; труд 1; улыбка 1; хорошие 1; экономные 1; шляпка 1; отказ 3.

Ассоциативное поле лексемы die Deutschen 285 ии:

pünktlich 30; Menschen 20; das/ ein Volk 20; spießig 8; Menschen aus Deutschland 6; 2. Weltkrieg 4; Nationalsozialismus 4; Einwohner Deutschlands 4; Deutschland 4; Gesellschaft 4; Kultur 4; NS-Zeit 3; Almanns 3; Geschichte 3; in Deutschland lebend/ aufgewachsen und geboren 3; Menschen in Deutschland 3; Klischee 3; kompliziert 3; ordentlich 3; Nationalität 3; Nation 3; penibel 2; engstirnig 2; Armee 2; Hitler 2; Bevölkerung von Deutschland 2; eine Bevölkerungsgruppe 1; Bewohner 2; Bier 2; Sandalen 2; Gemeinschaft 2; genau/ Genauigkeit 2; Bürokratie 2; Vorurteile 2; Gruppe von Menschen 2; traditionell 2; deutsche Staatsbürger 2; Mitbürger 2; Menschen/ Leute, die in Deutschland leben 2; Staatsbürger 2; langweilig 2; Stereotype 2; direkt 2; Dokumentarfilmreihe 2; Sandalen 2; Spießer 2; strukturiert 2;

kleinlich 2; verkrampft 2; Einheimische 2; Familie 2; Bürgerschaft 1; Volksgruppe 1; dazu gehöre ich 1; deutschsprachige Menschen 1; die deutschen Personen 1; Mitmenschen 1; Dokumentationen 1; Einheiten 1; Einheit 1; engstirnig 1; ernst 1; zielstrebig 1; es gibt nicht die "eine deutsche Gesellschaft" 1; Vielfalt 1; freundlich 1; unfreundlich 1; Fußball 1; Fußballer 1; Nationalmannschaft Fußball 1; WM 1; geprägt 1; Gesamtheit 1; lange Geschichte 1; Nationalsozialisten 1; gibt's nicht 1; gründlich 1; Guido Knopp Die Deutschen 1; hä? 1; angespannt 1; arrogant 1; Socken in Sandalen 1; Bevölkerung 1; haben viele Vorurteile 1; Bevölkerungsgruppe 1; Volksgruppe 1; Personen meiner Heimat 1; Heimat 1; in Deutschland 1; intelligent 1; kann man so nicht sagen... sind nicht nur die "Biodeutschen" 1; kein Zusammenhalt 1; Klassifizierung 1; konservativ 1; korrekt1; überkorrekt 1; Krieg 1; kühl 1; Angehörigkeit 1; fleißig 1; Misch-Masch, Multi-Kulti 1; Reisenation 1; Nomen Plural + bestimmter Artikel 1; oft abgestempelt 1; Oktoberfest 1; Gesetze 1; Disziplin 1; Häuser 1; Autos 1; wenig offen 1; versuchen weltoffen zu sein; viele sind es aber nicht 1; Politik 1; schwierig 1; rassistisch 1; rechts 1; Regeln 1; regelbewusst 1; Reisenation 1; reisen gerne 1; Socken in Sandalen 1; schauen einem nicht ins Gesicht 1; Schule 1; sichern ihren Platz mit Handtüchern 1; verklemmt 1; speziell 1; deutsche Staatsbürger 1; Staatsangehörigkeit 1; Staatsbürger 1; streng 1; organisiert 1; unterschiedlich 1; Vielfalt 1; Urlaub 1; Verallgemeinerung 1; wer ist das? 1; wir 1; Zugehörigkeit 1; отказ 11.

Ассоциативное поле лексики die Russlanddeutschen 270 ии:

Menschen 7; nett 7; Einwanderung/ Einwanderer 4; (russische) Migranten / Immigranten 4; Familie 4; Putin 4; laut 4; Akzent 3; 2. Nationalitäten 3; freundlich 3; Nachbarn 3; Vodka, Wodka 3; Gruppe von Menschen 2; Volk 2; Ausgrenzung 2; werden diskriminiert 2; integriert 2; Disziplin, diszipliniert 2; Krieg 2; Freunde 2; Umsiedlung 2; herzlich 2; Gastfreundschaft, gastfreundlich 2; Flucht 2; meine Nachbarn 2; Teil von Deutschland 2; Russen in Deutschland 2; russisch 2; auch Deutsche 2; tolle Menschen 1; Immigranten, die von Russland nach Deutschland gekommen sind 1; Zuwanderung 1 ; russisch/ deutsche Auswanderer 1 ; Auswanderer 1; ausgewandert 1; Immigration 1; Zuwanderer aus Kasachstan 1; deutsche Auswanderer in Russland 1;

Spätaussiedler 1; eingesiedelt 1; eingewandert 1; Migrationshintergrund 1; Baracken 1; Personen; die in Russland leben, aber Deutsch können 1; Christen 1; meine Freundin Helga 1; Freunde aus Schule 1; ein Freund von mir 1; ein Freund Alex 1; viele gute Freunde von mir 1; Freundeskreis 1; eine Freundin 1; Bekannte 1; Umfeld 1; Ukrainekrieg 1; gut integriert 1; mehr oder weniger integriert 1; Integration? 1; zuvorkommend 1; "Russenviertel" im Heimatdorf 1; Personen mit deutscher und russischer Staatsangehörigkeit 1; beide Staatsangehörigkeiten 1; fühlt sich teilweise russisch, teilweise deutsch 1; russisch/ deutsche Auswanderer 1; deutsch-russische Personen 1; 70-er Jahre 1; russischer Akzent 1; eingedeutscht 1; die Folgen des 1. und 2. Weltkriegs 1; werden leider häufig weder als deutsche oder russische SA angesehen 1; gehören zu keiner Kultur richtig 1; haben ein schwieriges Verhältnis sowohl zu Russland, als auch zu Deutschland 1; nicht deutsch, nicht russisch 1; haben immer deutsche Nachnamen 1; beleidigend 1; bilden eigene Kreise 1; DDR 1; diskriminierender Begriff 1; Arbeit 1; Einwohner 1; unsere Nachbarn 1; entwurzelt 1; große Familien 1; meine Familie 1; meine Großeltern 1; viele Kinder 1; Gemeinschaft 1; große Gemeinschaft in Deutschland 1; Geschichte 1; Gesellschaft 1; gute Laune 1; lautstark 1; haben meist einen russischen Supermacht 1; häufig "eigene Siedlungen" 1; glattes; helles Haar 1; heimatlos 1; Heimatvertriebene 1; offen 1; anstrengend 1; Immigranten, die von Russland nach Deutschland gekommen sind 1; russische Migranten 1; russische Personen, welche in Deutschland leben 1; gebürtige Russen, die in Deutschland leben 1; Russland 1; deutsche Bürger mit russischer Abstammung 1; Deutsche mit russischem Hintergrund 1; Deutsche mit russischen Wurzeln 1; Deutsche, die auf russischem Gebiet leben/ gelebt haben 1; Deutsche mit russischer Herkunft 1; Teil deutscher Gesellschaft 1; ehemals Deutsche, "Rückkehrer" 1; eingedeutscht 1; leben in Deutschland 1; gehören zu Deutschland 1; große Gemeinschaft in Deutschland 1; Deutsche 1; Personen, die eine Zeit in Russland wohnten 1; viele aus meinem Dorf 1; Menschen aus Russland, die nach Deutschland gezogen sind 1; Menschen mit russischen Wurzeln in Deutschland lebend 1; Menschen, die in Deutschland mit russischem Migrationshintergrund leben 1; Menschen, die russische Wurzel haben 1; Menschen mit russischer Herkunft in Deutschland 1; in Deutschland lebend; russischer

Hintergrund 1; in Deutschland lebende Gruppierung mit Wurzeln aus Russland 1; Menschen mit russischem Hintergrund 1; Menschen aus Russland 1; Kasachstan 1; fremd und doch bekannt 1; Klavierlehrerin 1; Kleingarten 1; Kreisgesicht 1; Kultur 1; leben in ihrer eigenen Welt 1; mehrsprachig 1; meine Familie 1; mein Nachbar 1; meine Großeltern 1; unsere Nachbarn 1; Minderheit 1; Mischung 1; MitbürgerInnen 1; Mitschüler 1; Moskau 1; Nation 1; nicht angepasst nicht negativ gemeint 1; Nick 1; Nicole 1; Ostblock 1; Party 1; reich 1; Rock 1; Rock und Kopftuch 1; Rock-Kopf 1; russisches Essen 1; schlau 1; schlechtere Deutschkenntnisse 1; Schubladedenken 1; Sowjetunion 1; Sprache 1; Kindheit 1; Schulzeit 1; stolz auf ihre Traditionen 1; unbekannt 1; Verbindung 1; verschiedensprachig 1; Vorurteile 1; отказ 55.

Ассоциативное поле стимула российские немцы 171 ии:

люди 7; мы 7; народ 6; депортация 5; я 4; культура 4; история 4; этнос 4; моя семья 4; Россия 3; репрессии 3; трагедия 3; мама 3; предки 3; молодцы 3; трудолюбивые 3; хорошие 3; родня 2; родственники 2; немцы, живущие в России 2; этническая группа 2; хорошие работники 2; Саратов 2; Волга 2; Поволжье 2; ссылки 2; традиции 2; переселенцы 2; народ России 1; бабушка 1; муж 1; народ в пути 1; близкая мне нация 1; нация, к которой я себя отношу 1; Поволжские немцы 1; Волянь 1; Казахстан 1; Новоскатовка 1; село Азово 1; Пришиб 1; многострадальные 1; пострадали 1; оторванная ветвь 1; папа 1; тяжелая судьба 1; сложная судьба 1; трагическая судьба 1; отверженность 1; потеря 1; встречают много преград, чтобы уехать в Германию 1; заложники 1; отверженность 1; плен 1; незаконное 1; хорошие люди 1; интересные люди 1; наши люди 1; тоже люди 1; высокая нравственность 1; доброжелательны 1; дед 1; душевность 1; уникальные 1; разнообразные 1; терпимость 1; отличная компания 1; мудрость 1; находчивость 1; аккуратны 1; порядок 1; целеустремленные 1; чистоплотность 1; ссыльные 1; тюрьма 1; Сталин 1; соотечественники 1; соплеменники 1; наши люди 1; свои 1; земляки 1; немцы 1; советские немцы 1; поволжские немцы 1; Rusdeutsch 1; Russen deutsche 1; Russlanddeutsche 1; РНД 1; МСНК и НМО 1; Немецкий дом РТ 1; клуб 1; организация 1; команда 1; община 1; сообщество 1; Алиса Фрейндлих 1;

Деревня 1; здесь 1; много 1; молодежь 1; русские 1; православные 1; смешение кровей 1; сыр 1; танцы 1; поздний переселенец 1; отказ 5.

Ассоциативное поле стимула die Wolgadeutschen 248 ии:

Fluss 5; Menschen 3; Großeltern 2; Fluss an der Grenze Polen/ Deutschland 1; kommen wohl von einem Fluss 1; Fluss bzw. Menschen, die am Fluss wohnen 1; Gruppe von Menschen 1; Menschen mit Migrationshintergrund in Deutschland 1; Menschen, die am Fluss wohnen 1; Teil deutscher Gesellschaft 1; ein Teil von Deutschland 1; gebürtig aus Wolga jetzt in Deutschland 1; Menschen mit Migrationshintergrund in Deutschland 1; Deutsche, die an der Wolga leben 1; Deutsche, die auf Gebiet Wolga leben/ gelebt haben 1; Deutsche Auswanderer in Russland 1; Wolga-Fluss 1; die Wolga 1; Wolgafinnisch 1; Vorfahren 1; Geschichte 1; Katharina die Große 1; Krieg 1; die Folgen des 1. und 2. Weltkriegs 1; Akzent 1; alt 1; traditionell 1; mehrsprachig 1; Einwanderer 1; Enklave 1; Volk 1; Wanderung 1; hatten es schwer 1; Kultur 1; отказ 208.

Ассоциативное поле стимула поволжские немцы 190 ии:

Волга 9; Саратов 9; дедушка 9; депортация 8; бабушка 8; репрессии 8; Поволжье 5; история 5; предки 4; мои предки 4; традиции 4; мои родственники 4; страдание 3; моя родня 3; я 3; люди 3; изгнание 3; переселенцы 3; мои корни 2; моя семья 2; выселение 2; трудолюбивые 2; этнос 2; боль 2; колонисты 2; Энгельс 2; близкие 2; мои с Украины 1; мама 1; братья 1; перечислены с Поволжья 1; сослали в Казахстан 1; беженцы 1; В 40-е годы оставили все и уехали в чужие земли 1; изгои 1; живущие вдоль Волги 1; немцы, жившие на берегах Волги 1; особенно пострадали 1; страдали 1; угнетенные 1; бедолаги 1; трагедия 1; ограбленный народ 1; народ со сложной судьбой 1; тяжелая судьба 1; трудная судьба 1; пленные 1; Голодомор 1; родные люди 1; пленные 1; раскулачивание 1; сильные люди 1; первые колонии переселенцев 1; поселенцы 1; немцы 1; немцы, сосланные в Поволжье 1; немцы, жившие на берегах Волги 1; российские немцы 1; Автономия 1; АССР 1; Республика немцев Поволжья 1; Engels 1; Родина мамы

1; моя Родина 1; работа 1; труд 1; работающие 1; трудяги 1; труженики 1; сильные люди 1; лучшие 1; миролюбивые 1; порядок 1; странно 1; тоже молодцы 1; россияне 1; русские 1; война 1; счастливо жили до войны 1; друзья 1; семья одноклассника 1; много 1; большая община 1; вода 1; жили 1; Верхнеерусланская кирха 1; Дети мои 1; Екатерина II 1; Остенфельд 1; молодость бабушки 1; монолит 1; происхождение 1; странно 1; отказ 11.

Ассоциативное поле стимула „typisches deutsches Essen ist ...“ 352 ии

lecker 81; deftig 24; Schnitzel 22; Kartoffeln 15; fettig 8; vielseitig 7; langweilig 7; herzhaft 6; vielfältig 6; Sauerkraut 6; Kartoffelsalat 6; Bratwurst 6; Würstchen 6; Braten 5; Fleisch 5; gut 4; Klöße 4; Brot 4; fleischlastig/ fleischlätzig 4; Wurst 3; traditionell 3; Pommes 3; Rotkohl 3; Kultur 3; gut bürgerlich 3; nicht lecker 3; Weißwurst 2; Bockwurst 2; Currywurst 2; mächtig 2; mit viel Fleisch 2; schwer 2; Tradition 2; abwechslungsreich 2; rustikal 2; kräftig 1; nahrhaft 1; gehaltvoll 1; kalorienreich 1; Kohlenhydrat voll 1; reichhaltig 1; Kartoffelstampf 1; Kartoffeln mit grüner Sauce 1; Kartoffeln mit Würstchen 1; Hackbraten mit Kartoffeln 1; Kartoffelbrei 1; Kartoffellastig 1; mehr als Bratwurst 1; Fleischwurst 1; unterschiedlich in den Bundesländern 1; sehr unterschiedlich 1; mal so; mal so 1; Mett 1; ganz gut; aber langweilig 1; super 1; toll 1; ganz in Ordnung 1; gesund 1; ganz gut; aber langweilig 1; einfältig 1; Rippchen mit Sauerkraut 1; Eisbein mit Sauerkraut 1; Kassler mit Sauerkraut 1; sehr lecker 1; sehr sehr lecker 1; oft fett 1; Schweinebraten 1; Hackbraten 1; sehr traditionell 1; traditionell; wie bei Oma 1; Brötchen 1; Brotgebäck 1; gutes Brot 1; meist ekelhaft 1; nicht gut 1; nicht mein Lieblingsessen 1; nicht unbedingt mein Geschmack 1; einfach 5; alltäglich 1; Knödel Braten mit Knödel 1; Käse 1; Käsespätzle 1; Handkäs mit Musik 1; nicht vegetarisch genug 1; leider zu selten vegan 1; Rippchen mit Sauerkraut 1; Rippchen mit Kraut 1; Rouladen 1; Rolladen 1; Bienenstrich 1; nicht gesund 1; Hausmannskost 1; Gemüse 1; Fisch 1; nicht scharf 1; verbesserungsunfähig 1; viel Soße 1; lustig 1; Kassler mit Sauerkraut 1; Kassler 1; Handkäs mit Musik 1; süßer Senf 1; Kartoffeln mit grüner Sauce 1; Linsensuppe 1; Eisbein mit Sauerkraut 1; Bayrisch 1; Sächsisch 1; Hessisch 1; отказ 3.

Ассоциативное поле стимула «типичная немецкая еда – это ...» 244 ии

штрудель 33; колбаски 23; сосиски 21; капуста 13; кухен 13; картошка 9; крепли (кребли) 9; штоллен 9; вкусно 9; брецель 7; пиво 7; Ривелькухен 4; картофель 3; картофельный салат 3; мясо 3; твойбак (цвибак) 3; кнедли 3; сытная 3; квашеная капуста 3; Kartoffelsalat 2; простая пища 2; бретцель 2; жареные колбаски 2; колбаски с капустой 2; колбаса 2; колбаски с капустой 2; Wurst 1; Würstchen mit Kohl 1; домашняя колбаса 1; баварские колбаски 1; сосиски с пивом 1; сосиски с капустой 1; жареная капуста 1; капуста со свиными ребрышками 1; сосиски с капустой 1; тушеная капуста 1; Würstchen mit Kohl 1; Kartoffelsalat 1; Kuchen 1; Brezel 1; Title нудельзуп 1; трокеннуделн 1; нудельзуппе 1; нудльсуп 1; суп-лапша 1; клецки 2; капуста со свиными ребрышками 1; свиная рулька 1; свинина 1; хлеб 100 видов 1; вкусный хлеб 1; хлеб 1; айнтопф 1; бургеры 1; галушки с картошкой 1; гуляш 1; Зауэрбротен 1; клопсы 1; нудли 1; фальшерхасе 1; штрули 1; вредная 1; Рождество 1; овощи 1; тепло 1; любимая 1; красивая 1; бабушка 1; отказ 3.

Ассоциативное поле стимула „deutsche Traditionen sind...“ 303 ии

Schön 14; veraltet 14; alt 12; Oktoberfest 10; Weihnachten 9; Bier 8; wichtig 7; Kirmes 5; Feste 4; selten 4; interessant 3; überholt 3; Essen 3; Volksfeste 3; wertvoll 3; Pünktlichkeit 3; Kultur 3; langweilig 3; Weihnachtsbaum 2; Plätzchen backen 2; Fasching 2; nicht wichtig 2; Ostern 2; fest verankert 2; eingefahren 2; zu hinterfragen 2; konservativ 2; Feiern 2; Ostereiersuche 2; komisch 2; merkwürdig 2; Ostern 2; Dirndl 2; Lederhose 2; 1. Mai 2; Nikolaus 1; Tag der deutschen Einheit 2; 1. Mai 2; Abendbrot 2; Kartoffelsalat mit Bockwurst 1; Würstchen 1; Kuchen und Kaffee 1; spannend 2; in Ordnung 1; angenehm 1; lustig 2; sinnvoll 1; besonders 1; am Christentum orientiert 1; christlich geprägt 2; Sonntag 2; Tag der deutschen Einheit 2; vielfältig 2; christliche Feste 1; oft kirchlich geprägt 1; oft eng mit der Kirche verbunden 1; teilweise zu religiös 1; Gottesdienst 1; Taufe 1; Alkohol 1; sterben aus 1; Kirchweihfeste 1; große Feste 1; Trachtenfeste 1; verschiedene Feste 1; Dorffeste 1; christliche Feste 1; festlich 1; am aussterben 1; ausgestorben 1; etwas verloren gegangen 1; wenig vorhanden 1;

nicht so viele vorhanden 1; nicht mehr vorhanden 1; nicht mehr so präsent 1; benötigen Modernisierungen 1; altmodisch 1; altbacken 1; unnötig 1; nicht mehr einzuhalten 1; neue oft nicht mehr so oft umgesetzt 1; kaum umgesetzt 1; belastet von der Vergangenheit 1; starr 1; nur noch in den älteren Generationen zu finden 1; fest gefahren 1; lange Tradition 1; langjährig 1; super 1; beibehalten 1; zu bewahren 1; oft einzuhalten 1; erhaltenswert 1; unumgänglich 1; gutes Essen 1; Speisen 1; gutes Brot 1; Grüne Soße 1; belächelt 1; teilweise albern 1; stumpf 1; Eier suchen 1; Osternnest bauen 1; Kirchweihfeste 1; mehr als Lederhosen 1; 1. Mai wandern 1; 1. Mai-Wanderung 1; Maibaum ausstellen 1; regionsabhängig 1; Bundesland abhängig 1; von Bundesland zu Bundesland unterschiedlich 1; unterschiedlich 1; von Land zu Land unterschiedlich 1; nicht besonders 1; nervig 1; nicht meins 1; bekannt 1; in vielen Teilen der Welt beliebt 1; weit verbreitet 1; vielseitig 1; Familienfeiern 1; feiern von bestimmten Festen 1; Feiertage 1; Erntedankfest 1; Kirchweihfeste 1; wandelbar 1; substituierbar 1; Nikolaus 1; Stiefel vor die Tür stellen 1; familiär bedingt 1; Familienfeiern 1; vielleicht das Rasenmähen 1; ein Gemeinschaftsgefühl 1; Verhalten 1; Schlager 1; typisch bayerisches 1; schwierig 1; spießig 1; teilweise gewöhnungsbedürftig 1; viel arbeiten 1; wandern 1; zielstrebig 1; отказ 52.

Ассоциативное поле стимула «немецкие традиции – это ...» 229 ии

Семья 13; Октоберфест 11; Рождество 11; порядок 8; история 7; танцы 6; праздники 6; вековые 3; шпрухи 3; интересно 3; весело 3; Die Schultüte 2; костюм 2; Адвент 2; Николаус 2; адвент-календарь 3; Oktoberfest 3; фестиваль пива 2; культура 2; сохранение национальной культуры 2; Fasching 2; Пасхальный заяц 2; передник 2; дирндль 2; семейные праздники 2; воспитание 2; песни 2; пунктуальность 2; чистота 2; красиво 2; мои корни 1; мама 1; предки 1; мои традиции 1; традиций моей семьи 1; семейность 1; семейные ценности 1; вайнахтен 1; религиозные праздники 1; детский праздник 1; праздники святых 1; Ordnung muss sein 1; самые интересные 1; яркость 1; самобытность 1; пасхальные яйца на дереве 1; Пасха 1; Остерхазе 1; выпечка на пасху 1; немецкая культура 1; Национальный костюм 1; нац.одежда 1; ледерхозен 1; вечно 1; Нечто не забытое

старое 1; То родное; что всегда будет в наших сердцах; и никто этого не отнимет 1; крепкие 1; детский праздник 1; Для детей 1; Мое детство 1; радость 1; смех 1; Пельцникель 1; Кристкинд 1; плещены 1; трудолюбие 1; трудится 1; труд 1; Гадание в новогоднюю ночь 1; Сильвестер 1; румпельпотлауфен Rummelpottlaufen 1; фашинг 1; Важно 1; правильно 1; то; что надо соблюдать 1; почитание 1; еда 1; национальное блюдо 1; застолья 1; Hochzeit 1; свадьба 1; Kinder, Küche, Kirche 1; Кухня, киндер, кирхе 1; передник 1; Фартучки 1; религия 1; Религиозные праздники 1; Теплота; Штрудели печь 1; печь кухен 1; Аутентично 1; Ведение сельского хозяйства 1; Верность 1; честь 1; шитье 1; Подарки; сделанные собственными руками 1; дом 1; душевно 1; изменимо 1; кухня 1; крещение 1; ленточки 1; цветы 1; любовь 1; мудрость 1; обряд 1; порядочность 1; пикники 1; поколения 1; уют 1; Латерненцуг 1; сарафаны 1; похороны 1; сообщество 1; стабильность 1; старомодные 1; схожи с русскими 1; фольклор 1; аккуратность 1; хорошо 1; эпохальность 1; отказ 18.

Ассоциативное поле стимула deutsche Kultur 274 ии

Bier 23; vielfältig 15; Oktoberfest 9; vielseitig 8; Pünktlichkeit 8; Essen 8; Kunst 7; Musik 7; Bayern 6; pünktlich 5; Schnitzel 4; Bratwurst 4; Dirndl 4; Fußball 3; Traditionen 3; Literatur 3; Sprache 3; langweilig 3; streng 3; Feste 3; Dichter und Denker 3; Würstchen 2; Geschichte 2; Schützenfest 2; Autos 2; divers 2; spießig 2; Bräuche 2; Brezel 2; Goethe 2; Dichtung 2; das Land der Dichter und Denker 2; Brot 2; Oper 2; Religion 2; Museum 2; schwierig 2; Lederhosen 2; bodenständig 1; christlich 1; deutsche Klassik 1; Altstädte 1; reicht weit zurück 1; blöd 1; Hochkultur; die sich heute extrem diversifiziert hat 1; eingefahren 1; bunt 1; traditionell 1; deutsches Essen 1; gut essen 1; Dichter 1; Arbeit 1; Disziplin 1; Dresden 1; dünnes Eis 1; eigen 1; Eigenheiten 1; ist besonders 1; ist einzigartig 1; variabel 1; kompliziert 1; speziell 1; speziell; aber schön 1; komisch 1; einseitig 1; leider sehr engstirnig 1; wertvoll 1; Eisbein mit Sauerkraut 1; Sauerkraut und Würstchen 1; elitär 1; es gibt nicht die deutsche Kultur 1; Lederhosen und Bier 1; Lederhosen 1; Sauerkraut und Würstchen 1; Eisbein mit Sauerkraut 1; mehr als Weißwurst und Bier 1; multikulturell 1; Multikulturalität 1;

Bierkultur 1; mehr als Weißwurst und Bier 1; viel Bier und Wein 1; Automobil 1; oft auf Bayern reduziert 1; besteht aus vielen Facetten 1; vielschichtig 1; viele unterschiedliche Kulturen 1; Akzente 1; unschön 1; speziell; aber schön 1; teilweise schön 1; schön 1; kann schön sein 1; schön 1; Feiern 1; Feiertagen 1; Volksfeste 1; Dorffest 1; Festivals 1; Weihnachten feiern 1; Ostern feiern 1; geht verloren 1; nicht mehr so präsent 1; veraltet 1; verliert in der Gesellschaft an der Relevanz 1; verschwindet zunehmend 1; wird häufig stark reduziert 1; Literatur; die Deutschland geprägt haben 1; gilt als Vorbild und als abschreckend 1; Schiller 1; gut 1; hat sich verändert 1; Veränderung 1; wechselhaft 1; ist immer im Wandel 1; Heimat 1; heimische Kultur 1; viele unterschiedliche Kulturen 1; multikulturell 1; Multikulturalität 1; nicht so schön wie andere Kulturen 1; Hochkultur; die sich heute extrem diversifiziert hat 1; heimische Kultur 1; Bierkultur 1; wenig Kultur 1; Klischeehaft 1; Klischee Denken 1; konservativ 1; undefinierbar heutzutage 1; laut 1; Umgang 1; "katholisch" 1; Leben 1; Lebensstil 1; liebe ich; identifiziere ich mich 1; Schauspieler 1; Theater 1; Sport 1; manchmal mit Vorsicht zu genießen 1; München 1; Dialekte 1; Nazi Deutschland 1; nicht sehr tolerant 1; keiner gönnt dem anderen etwas 1; ordentlich 1; übergenau 1; Bürokratie 1; Offenheit 1; regelkonform 1; Schnitzel und Bier 1; sehr interessant 1; Sozialisation 1; Vereinswesen 1; Stadt 1; stereotypisch 1; mir lokal bekannt Hessen 1; stumpf 1; systemprägend 1; Stolz 1; überholt 1; überwertet 1; unterwandert 1; verklemmt 1; Vertrautheit 1; Wein 1; wichtig 1; ZDF und ARD 1; отказ 38.

Ассоциативное поле стимула немецкая культура 194 ии

интересная 16; Гёте 14; танцы 9; традиции 7; богатая 5; шпрухи 4; пиво 4; музыка 4; Бах 3; Бетховен 3; Шиллер 3; Моцарт 3; красивая 3; песни 3; высокая культура 3; праздники 3; прекрасная 2; готика 2; кирха 2; богатейшая 2; национальный костюм 2; Октоберфест 2; порядок 2; язык 2; фольклор 2; философия 2; великая 2; брецели 1; пряники 1; еда 1; колбаски 1; Кухен 1; ривелькухен 1; штоллен 1; блюда 1; штрудель 1; хлеб 1; бесценна 1; глубокая 1; достойная 1; замечательная 1; хорошая 1; четкая 1; яркая 1; внесла большой вклад в культуры разных народов 1; добрая 1; национальные традиции 1; немецкие

традиции 1; обычаи 1; национальные праздники 1; Николаустаг 1; адвент 1; Ostern 1; очень интересная 1; интереснейшая 1; Гретхен 1; богата талантами 1; народные песни 1; Dirndl 1; Баварская одежда 1; Кант 1; Гессе 1; Ремарк 1; Гримм 1; близкая мне очень 1; близка моему сердцу 1; любимая 1; милое; родное 1; мне нравится 1; моя 1; тепло на душе 1; поэзия 1; живопись 1; литература 1; фильм 1; символы 1; многогранная 1; многообразная 1; разнообразная 1; разная 1; бабушка 1; культура моих предков 1; родня 1; семья 1; сказки 1; философы 1; древняя 1; классическая 1; замки 1; фахверк 1; знакома 1; изучаю 1; Tannenbaum 1; deutsche Kultur 1; европейская 1; вкусная 1; сложная 1; улыбчивая 1; дом 1; навсегда 1; наследие 1; образ жизни 1; кухня 1; Рейн 1; Родина 1; строгость 1; история 1; отказ 9.

Ассоциативное поле стимула „deutsche Märchen/ Sagen sind...“ 303 ии

Brüder Grimm (Gebrüder Grimm) 38; Rotkäppchen 26; Hänsel und Gretel 14; schön 17; interessant 10; brutal 8; Kulturgut 6; alt 6; spannend 6; Grimms Märchen 5; Schneewittchen 5; toll 5; düster 5; grausam 5; für Kinder 5; klassisch 4; traditionell 4; wichtig 4; gruselig 3; verstörend 3; lehrreich 3; Rapunzel 3; Kindheit 3; meine Kindheit 2; Teil meiner Kindheit 2; Kindergeschichten 2; Dornröschen 2; der Wolf und die sieben Geißlein 2; bekannt 2; bekannt 2; weltbekannt 2; legendär 2; weltweit bekannt 2; Kultur 2; wertvoll 2; moralisch 2; schöne Geschichten 2; magisch 2; veraltet 2; cool 2; angsteinflößend 2; Hase und Igel 1; 7 Zwerge 1; Rumpelstilzchen 1; Schneeweißchen und Rosenrot 1; Froschkönig 1; faszinierend 1; inspirierend 1; wunderschön 1; bunt 1; lesenswert 1; hörenswert 1; sinnhaltig 1; sehr kreativ 1; teilweise gruselig 1; manchmal gruselig 1; gruseliger als bei Disney 1; finster 1; tragisch 1; mit Kindheit verbunden 1; erinnern an Kindheit 1; Kindheitserinnerungen 1; lese ich gerne meinen Kindern vor 1; kindgerecht 1; Kinder 1; eher für Kinder beliebt 1; altbekannt 1; sehr überall bekannt 1; allseits bekannt 1; auch in anderen Ländern bekannt 1; mir vertraut 1; berühmt 1; weltberühmt 1; weit verbreitet 1; überall zu finden 1; beliebt 1; teilweise brutal 1; ursprünglich brutal 1; oft brutal 1; Kult 1; Klassiker 1; belehrend 1; wichtig für die Identität 1; geheimnisvoll 1; phantasievoll 1; zauberhaft 1; Schule 1; Grundschule 1; Teil unserer Schulzeit 1; Basiswissen 1; Allgemeinwissen 1; Wissen 1; nicht immer

kindertauglich 1; nicht für Kinder geeignet 1; Siegfried Held der Nibelungen 1; Niebelungensage 1; eigentlich aus anderen Geschichten entstanden 1; nicht so deutsch; wie man denkt 1; ein Teil von mir 1; mag ich 1; diskriminierend 1; häufig komplex 1; Max und Moritz 1; nicht mein Ding 1; noch immer zugange 1; typisch deutsch 1; wahr 1; отказ 15.

Ассоциативное поле стимула «немецкие сказки/легенды – это ...» 192 ии

братья Гримм 37; Бременские музыканты 12; интересно 10; Гензель и Гретель 7; бабушка 6; Гофман 6; страшно 6; Андерсон 5; Красная Шапочка 5; Лорелея 7; Белоснежка и 7 гномов 3; истории 3; Щелкунчик 2; Детство 4; Снежная королева 3; Щелкунчик 2; Песнь о Нибелунгах 2; Рапунцель 2; Румпельштильцхен 2; Brüder Grimm 1; культурное наследие 1; мировое достояние 1; сказки Европы 1; жутковатые сказки 1; жесть 1; красивые истории 1; печальные истории 1; интересные истории 1; истории в церкви 1; Крошка Цахес 1; Волк и семеро козлят 1; Крошка Цахес 1; Госпожа Метелица 1; Железный Ганс 1; Золушка 1; Карлик Нос 1; Легенда о Гаммельнском Крысолове 1; Лесной король 1; Про Финдуса 1; Рагнарёк 1; Каменное сердце 1; три бабочки 1; приключения Нильса 1; горы 1; замки 1; готическая сказка 1; дома 1; дедушка 1; драконы 1; принцессы 1; занимательное чтение 1; Как шильдбюргеры колокола прятали 1; Лес 1; мило 1; мудрость 1; необычно 1; Остерхазе 1; Вайнахтсман 1; Правдивость 1; предания немецкого народа 1; преодоление 1; проект Аудиосказки российских немцев 1; таинственные 1; фольклор 1; Фолькман 1; чудо 1; отказ 19.

Ассоциативное поле стимула „deutsche Berühmtheiten sind...“ 312 ии

Angela Merkel 40; Goethe 18; Helene Fischer 13; Heidi Klum 10; langweilig 7; Til Schweiger 6; Schauspieler 5; bekannt 4; Musiker 4; Sänger 3; Dichter und Denker 3; Schiller 3; unbekannt 3; Udo Lindenberg 3; Manuel Neuer 3; Sportler 3; Bier 2; Albert Einstein 2; berühmt 2; nicht international berühmt 2; nicht wirklich berühmt 2; unterschiedlich 2; vielfältig 2; mir relativ egal 2; Vorbilder 2; interessant 2; unwichtig 2;

peinlich 2; Bismarck 2; Romy Schneider 2; Meyer-Landrut 2; nicht besonders bekannt
 1; nicht so bekannt; wie solche aus anderen Ländern 1; bekannt durch das Kino 1;
 kennen viele 1; global leider weniger vorhanden 1; in anderen Ländern irrelevant 1;
 kaum international 1; nicht so ganz berühmt wie andere 1; nicht so berühmt wie in
 anderen Ländern 1; weniger berühmt als man denkt 1; eher weniger berühmt 1; nicht
 berühmt 1; auch Weltstars 1; mittelmäßig bekannt auf der Welt 1; nicht nur in
 Deutschland bekannt 1; international bekannt 1; teilweise international bekannt 1; nicht
 sehr aussagekräftig 1; nicht immer die; die wirklich Talent haben 1; nichts besonderes
 1; unangenehm 1; unbedeutend 1; nicht immer positiv 1; geht nur ums Aussehen 1;
 uncool 1; talentiert 1; normal 1; ganz cool 1; weltweit nicht sehr berühmt 1; nur in
 Deutschland bekannt 1; im Ausland oft nicht bekannt 1; international unbekannt bis auf
 3-4 1; meistens nicht so berühmt außerhalb von Deutschland 1; Identifikationsfiguren 1;
 toll 1; gebildet 1; witzig 1; vielseitig 1; verschieden 1; mal so; mal so 1; mir eher egal 1;
 nicht so meins 1; nicht so meins außer Revolverheld 1; gering 1; selten 1; nicht
 vorhanden 1; merkwürdig 1; seltsam 1; komisch 1; amerikanischen "unterlegen" 1;
 nichts im Vergleich zu denen in den USA 1; das Brandenburger Tor 1; Olympiastadion
 1; Geschichte 1; Geschichtschreiber 1; alt 1; meist schon älter 1; Helmut Kohl 1;
 Hitler 1; oft Schlager-Sänger 1; viele Schlagerstars 1; Rammstein 1; Lena Nena 1; Die
 Ärzte 1; Mark Foster 1; Peter Fox 1; Peter Maffay 1; Sido 1; Andrea Berg 1; Wincent
 Weiß 1; Dieter Bohlen 1; Bach 1; hauptsächlich Dichter 1; Schriftsteller 1; LiteratInnen
 1; schlechte Schauspieler 1; bekannt durch das Kino 1; Elyas M'Barek 1; Lilli Palmer 1;
 Fußballspielen 1; Fußballer 1; Fußballlegenden 1; Franz Beckenbauer 1; Mario Götze 1;
 Dirk Nowitzki 1; Schuhmacher 1; Vettel 1; Thomas Gottschalk 1; Joko & Klaas тв 1;
 Markus Lanz 1; Sylvie van der Vaart 1; Martina Hill 1; Röntgen 1;
 WissenschaftlerInnen 1; deutsche Blogger 1; Pamela Reif 1; bodenständig 1; Künstler
 1; Dirk Norörblein 1; Promis 1; reich 1; отказ 48.

Ассоциативное поле стимула «немецкие знаменитости – это ...» 311 ии

Гёте 21; Бетховен 15; Кант 15; Рамштайн 12; Тиль Швайгер 11; Бах 10;
 Михаэль Шумахер 10; Тилль Линдеманн 7; Шиллер 7; Ангела Меркель 7;

Клаудия Шиффер 7; Братья Гримм 6; Моцарт 6; Хелена (Елена) Фишер 6; Вагнер 5; Алиса Фрейндлих 5; Ремарк 5; Марлен Дитрих 5; Генрих Гейне 4; Бисмарк 4; Фет 4; Дюрер 4; Шнитке 4; Лейбниц 3; Даль 3; Анна Герман 3; Мартин Лютер 3; Екатерина 2 3; Rammstein 2; поэты 2; Крузенштерн 2; великие люди 2; Карл Маркс 2; Фридрих Энгельс 2; Марк Фостер 2; философы 2; Раушенбах 2; Эрнст Буш 2; Б. Беккер 2; Фридрих Великий 2; музыканты 2; Einstein 1; Альберт Эйнштейн 1; певцы и певицы 1; писатели 1; группа Modern talking 1; Дитер Болен 1; яркие 1; Бельгер Герольд 1; А. Лонзингер 1; Я. Вебер 1; Эрих Хонекер 1; Винсент Вайс 1; футбол 1; Бенкендорф 1; Греф 1; фон Гинденбург 1; Том Шиллинг 1; Фолькер Брух 1; Томас Кречман 1; Диана Крюгер 1; редкость 1; прикольно 1; художники 1; политики 1; Оскар Гримм ихтиолог 1; Фридрих Гаусс 1; Кристоф Вальц 1; Ницше 1; непонятно 1; некрасивые 1; Мориц Бляйбтрой 1; Катарина Витт 1; Мерседес 1; Кантор 1; Гильберт 1; Мах Raabe 1; Гендель 1; Clueso 1; Армин ван Бюрен 1; Луис Хофман 1; культура 1; круто 1; композиторы 1; Карл Фукс 1; канцлер 1; кайзеры 1; их очень много 1; неизвестность 1; Хайди Клум 1; Шуман 1; гордость 1; Дизель 1; Опель 1; Рентген 1; Штраус 1; гении 1; Плеве 1; Кулберг 1; Гегель 1; Гаас 1; Вим Вендерс 1; Билл и Том Каулитц 1; Гессе 1; Лагерфельд 1; русские цари 1; Б. Беккер 1; умпф 1; скутер 1; Беллинсгаузен 1; Тон 1; Пельцер 1; Цветаева 1; отказ 13.

Ассоциативное поле стимула „deutsche Schriftsteller sind ...“ 336 ии

Goethe 72; Schiller 47; bekannt 12; gut 10; berühmt 7; Astrid Lindgren 6; Brüder Grimm 5; Cornelia Funke 5; Erich Kästner 4; Kafka 4; Thomas Mann 4; Ottfried Preußler 4; weltbekannt 4; interessant 3; langweilig 3; Kerstin Gier 3; Sebastian Fitzek 3; aus der Schulzeit bekannt 3; mir nicht bekannt 3; toll 2; teilweise gut 2; unterschiedlich 2; schlau 2; unterschätzt 2; Faust 2; Grass 2; alt 2; international bekannt 1; gerade in Vergangenheit international bekannt 1; auch über Deutschland hinaus 1; Lessing 1; Fontane 1; Eva Strittmatter 1; Hermann Hesse 1; Brecht 1; Heine 1; Kleist 1; Michael Ende 1; Nele Neuhaus 1; Michael Tsokos 1; essenziell für die Welt 1; angesehen 1; beliebt 1; viele gute 1; gute Schriftsteller 1; gute Schreiber 1; manche gut

1; etwas; auf das man als Deutsche etwas stolz sein kann 1; aufregend 1; fähig 1; in Ordnung 1; grandios 1; spannend 1; gebildet 1; eloquent 1; innovativ 1; intellektuell 1; intelligent 1; genial 1; Vordenker 1; talentiert 1; tiefsinnig 1; wortgewandt 1; manche schlecht 1; schrieben aber schlechte Bücher 1; wenig interessant 1; manchmal überbewertet 1; irrelevant 1; selten gut 1; für mich oft nicht so ansprechend wie andere 1; wichtig für Allgemeinbildung 1; sehr wichtig 1; ein wichtiger Bestandteil der deutschen Kultur 1; wichtig für das kulturelle Gut 1; sehr wichtig zu behandeln in Schule/ Uni 1; bedeutend 1; prägend 1; einflussreich 1; Teil der Schule 1; bekannt in Schulen 1; jedem bekannt durch die Schule 1; sehr wichtig zu behandeln in Schule/ Uni 1; wichtig für Allgemeinbildung 1; meist so unbekannt; selbst wenn man ihre Bücher liest; weiß man nicht; wie sie heißen 1; teilweise ambivalent 1; vielseitig 1; "Klassiker"; die auch aus der Schulzeit 1; vor allem aus der Klassik 1; klassische Schriftsteller 1; verstorben 1; meist bereits tot 1; nicht mehr viele am Leben 1; extravagant 1; seltsam 1; problematisch 1; belehrend 1; zum Nachdenken anregen 1; brutal 1; im Krimigenre und Liebesromane schreibende 1; im PEN 1; ironisch 1; Tradition 1; vor allem männlich 1; отказ 44.

Ассоциативное поле стимула «немецкие писатели – это ...» 250 ии

Гёте 55; Эрих Мария Ремарк 27; Братья Гримм 24; Шиллер 23; Манн 8; Г. Гейне 8; Томас Манн 3; Ницше 6; Философы 2; Философия 2; Гофман 5; Кант 5; В. Гауф 4; Зюскинд 3; Кафка 3; Вагнер 2; Вальтер 2; глубокие 2; интересно 2; знаменитости 2; культура 2; Эрнст 2; интересный язык 1; классики 1; классика 1; Goethe 1; доброта 1; душевно 1; мыслители 1; мысли 1; Андерсен 1; Афанасий Фет 1; Бертольд Брехт 1; Р.Распе 1; Виктор Клейн 1; Зигмунд Фрейд 1; Карл Густав Юнг 1; Цвейг 1; Ильдико фон Кёрти 1; Зейферт 1; Катценштейн 1; Пфлюг 1; Пфеффер 1; Ваккер 1; М. Энде 1; Маркс 1; Фейхтвангер 1; Генрих Манн 1; Мартин Лютер 1; Хайдеггер 1; Витгенштейн 1; Нестлингер 1; Эрих Кестнер 1; известность 1; мировая известность 1; красиво 1; основа европейской литературы 1; разносторонние 1; сложно 1; ум 1; читали 1; отказ 18.